

БЕЛЫЕ ПОВСТАНЦЫ СКАЛИСТЫХ ГОР

Дэвид Лэйн

Когда законы человека предписывают смерть какой-либо расы, тогда законы природы требуют восстания.

(«10-ое Возражение»)

Жизнь расы проистекает из лона её женщин. Раса, мужчины которой не будут бороться за своих женщин, погибнет.

(«88 Предписаний»)

С незапамятных времён властители поднимали армии обещаниями грабежа, мести и захвата женщин.

Дэвид Лэйн

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время описываемых событий – середина 21-ого столетия в пределах границ прежних Соединённых Штатов. В стране выросло несколько поколений, воспитанных на внушении, что «чёрное – прекрасно», на непрерывном поощрении межрасовых браков, открытых границ, законов, направленных против людей европейского происхождения. «Злой белый человек» был бесконечно демонизирован. Цель, намеченная врагами Белых, была достигнута: доля молодых Белых женщин, не состоящих в браке с цветными, упала к этому времени ниже одной сотой доли населения земли.

В течение многих десятилетий Америка отказывала Белым в праве на создание собственного государства, своих школ, организаций и всего необходимого для расового выживания, и в то же самое время неистово поощряла и фанатичным пылом проводила в жизнь расовое смешение.

Принятие «Законов расового согласия», предоставивших большие денежные выплаты всем межрасовым парам с Белыми женщинами, стало последней каплей для многих бесправных Белых мужчин. Несколько тысяч из них, главным образом молодых, ушли в Скалистые горы штата Колорадо.

Во время описываемых событий, эти мятежники установили непрочный контроль над частью штатов: западного Колорадо, Юты, Айдахо, Монтаны и Вайоминга. Они назвали это место «Землёй Родичей» («Kinsland»), и буквы «ВЗР – воины Земли Родичей» стали кратким названием повстанческой армии её защитников.

Тщетно мужчины молили немногих оставшихся молодых Белых женщин присоединиться к ним. За несколькими исключениями, те презрительно отвергли отчаянные просьбы Белых мужчин, называя их бессмысленными трескучими словечками: «расисты», «женоненавистники», «чокнутые», принятыми в бывших США под правлением ЗОГа («сионистского оккупационного правительства»). Но поскольку для выживания расы необходимы два главных условия – жизненное пространство и достаточное число женщин, – история вернулась на круги своя.

Более тысячи двухсот лет назад один арийский народ переселился в Скандинавию, дабы избежать влияния чуждой тиранической религии Рима и Иудеи, стремящейся к смешению рас и внедряющей ложное равенство. Только так этот народ смог сохранить свою расовую чистоту. Из Скандинавии они ходили в «викинг» – совершали набеги на оккупированную Европу для захвата женщин и удовлетворения жизненных потребностей. Обитатели Земли Родичей в 21-м столетии последовали примеру своих героических предков.

Большинство соратников Земли Родичей по вере своей – вотанисты (одинисты), чья речь отражает родную языческую религию Белой расы. В ней есть такие слова как Мидгард (земля смертных), Валгалла (зал для павших героев, пирующих в раю), Норны (богини судьбы), сыны Муспелля (расово-религиозное племя, которое правит миром и приговорило Белую расу к смерти), и скрелинги (все небелые). Загляните в «Словарь Родичей» в конце книги.

Здесь описывается краткая цепочка событий из жизни нескольких Родичей – обычных героев расовой войны.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Слепящие огни ночного клуба медленно гасли, оставляя освещенными только подмостки. Бестелесный голос ведущего произнес: «А теперь наш дворец рад представить вам долгожданное вечернее представление – самое эротическое зрелище, когда-либо виденное смертными!»

Две удивительно красивые молодые девушки вступили на сцену: статная блондинка, которую ведущий представил как Конфетку, и гибкая темноволосая по имени Веточка. Их костюмы были мало похожи на безвкусное белье, в котором выступали унылые стриптизёрши, большей частью – скрелинги (цветные), наводившие тоску своими неуклюжими движениями в предыдущих выступлениях.

Теннисные юбочки девушек были всего на пару сантиметров длиннее соединения их изящных ног. Блузки, сочетавшиеся по цвету с юбочками, открывали тренированные, плоские животики, в то время как белые длинные гольфы и спортивные туфли усиливали свежий, юный облик их обладательниц. Они казались двумя здоровыми девочками, только вышедшими из подросткового возраста и готовыми к спортивным занятиям на свежем воздухе. Возможно, многим зрителям эти прелестницы напомнили группу поддержки болельщиц из средней школы, гибких цветущих девчонок. Сочетание соблазняющей привлекательности и скромности представляло для собравшихся в клубе неодолимое искушение.

Зрители взорвались неистовым, пьяным рёвом и оглушительными рукоплесканиями, вряд ли слышанными раньше в здешних стенах. Только двое Белых мужчин, сидевших в задней части прокуренного клуба, выглядели довольно сдержанными, хотя они и старались не выделяться из толпы. Эти двое рисковали жизнями на вражеской территории совсем не для того, чтобы посмотреть стриптиз. Младший из них был коренаст, чисто выбрит, одет в джинсы и спортивную рубашку. На вид ему было лет двадцать пять. В ответ на громовые рукоплескания он наклонился ближе к своему товарищу и прокричал ему в ухо: «Похоже, Белые женщины – всё ещё самые желанные существа на Мидгард, а, Требор?»

Требор, жилистый мужчина лет на пятнадцать старше, с опрятно подстриженной бородкой, ответил: «Да, но как же мало их осталось!».

Наконец дикий шум немного ослабел, и стали слышны звуки чувственной музыки. Две девушки на сцене повернулись друг к другу на расстоянии вытянутых рук и начали волнообразный дерзкий соблазнительный танец в лад музыке. Их несравненные достоинства были очевидны и бесспорны. Равные по красоте, с дополняющей друг друга непохожестью, они образовали наилучшее сочетание для возбуждения зрительского вожделения. Чувственная Конфетка была воплощением классической нордической красоты. Её длинные мерцающие локоны цвета зрелой золотой пшеницы непринуждённо ниспадали на её плечи. Безупречная талия подчеркивала несравненную соразмерность её ног и груди. Загорелая кожа и безупречные линии голеней и бедер были у неё столь соблазнительны, что заставляли мужчин буквально страдать от страсти и желания.

Она была Афродитой, богиней любви и соития, своевольного влечения плоти, рождённая, чтобы повелевать, исполнять и управлять исконными языческими обрядами плодородия.

Если Конфетка была самой Афродитой, то Веточка была целомудреннейшей из Девственниц. Короткие каштановые волосы окружали её тонкое лицо. Миловидный носик и выразительные глаза излучали сдержанность и скромность. У неё было стройное тело нимфы, только вошедшей в пору девического созревания. Каждая её клеточка возвещала начало телесного пробуждения. Она была воплощённой девичьей невинностью, боязливой и одновременно нетерпеливой, неодолимо влекущей к насилию и обладанию её девственным телом.

Неотрывно глядя друг другу в глаза, исполненные изящества девушки начали любовную игру между собой. Положив руки на бёдра друг друга и соблазнительно качаясь, они исполняли первозданную песню сирен – песню-приглашение и утоления чувственной жажды. Они изображали под музыку извечную любовную игру господства и подчинения, соблазнителя и жертвы, охотника и добычи, которая порождает и удерживает пылкое половое возбуждение. Усиливая фантазию притягательностью недозволенного, светловолосая богиня Конфетка раскрывала себя как сексуальная хищница. Её руки бродили по бархатно-гладким линиям обнажённых боков и спины Веточки, затем скользили по телу, как бы случайно или неосторожно слегка царапая грудь.

Дерзкие пальцы проказниц преодолевали запреты, но и хранили отпор.

Изящная Веточка безупречно играла свою роль – притворную неуверенность, призыв или сопротивление, мучение и радостную нежность, когда-то запретные для другой представительницы её пола. Она дрожала в нетерпеливом, но боязливом ожидании всё более и более близких вторжений в священную женскую анатомию. Подобно легкой экзотической птичке, замороженной раскачивающейся коброй, она в образе невинности подчинялась нескромной близости подруги и дерзкому нарушению всех приличий.

Молодой человек, сидящий с Требором спросил:

– Думаешь, они, в самом деле, лесбиянки?

– Нет, Эрик, это очень сомнительно, – ответил Требор.

– Согласен, – сказал Эрик. – Но почему ты так в этом уверен?

Требор немного помолчал, а затем пояснил:

– Мужчины по своей природе любят глазами. Тело красивой женщины, исполняющее первобытные движения полового искушения и пробуждения – это предельное возбуждающее средство. Но в мужчинах также заложена ревность к другим мужчинам. Так что две девушки, выступающие вместе, удваивают своё соблазняющее воздействие, к тому же в отсутствии другого мужчины. Этим девочкам платят, чтобы они доставляли удовольствие зрителям-мужчинам. В наше время, конечно, сомнительно, чтобы их сдерживали какие-нибудь запреты, а если это и так, то наркотики, наверное, преодолели их. Но спорю на все мои сбережения: мы видим только игру.

– И я считаю точно также, – согласился Эрик, а затем пошутил: – Какие ещё сбережения?

Требор только хмыкнул в ответ. Вопрос Эрика, впрочем, был уместен. Все знали, что Требор жертвовал большую часть добычи от набегов на территории ЗОГа нуждающимся семьям Земли Родичей. Вряд ли у него могли быть существенные сбережения. До настоящего времени, в отличие от других защитников Земли Родичей, которые уже захватили в жёны одну или несколько женщин, Требор никогда не проводил время, свободное от подпольной борьбы, в женском окружении. Даже во время разговора глаза Требора внимательно просматривали зал, а младший товарищ следовал его примеру.

Выказывая интерес к спектаклю, они осторожно рассматривали толпу, надеясь определить владельца клуба, некоего Сидни (Сида) Козна. Сочувствующие Земле Родичей из области Денвера «навели» воинов на него как вероятную цель для возмездия и грабежа. Кроме Порнографического дворца Козн владел целой сетью порнографических книжных магазинов и театров. Надёжные источники сообщили, что Сид к тому же был главным поставщиком кокаина и использовал этот наркотик, чтобы пополнять свою «конюшню» исполнительниц стриптиза и управлять ими. Поскольку звёздами представлений Сида были Белые женщины, тот был естественной целью для возмездия. Прошлый опыт показал, что люди вроде Козна обычно хранят значительные суммы наличных денег у себя дома, скрывая их от налоговой проверки. Этого извращенца, безусловно, можно было «убедить» показать место хранения денег, а при необходимости и назвать ключ к сейфу.

Похоже, Козна в данный момент не было в клубе, поэтому два мстителя снова устроились поудобнее, чтобы дожидаться времени закрытия.

– Как ты думаешь, какая часть здесь Белых? – спросил Эрик товарища.

Требор чуть подумал и затем ответил: – Примерно пятая.

– И я так считаю, – согласился его молодой товарищ и добавил: – Это сборище точно отражает состав населения Америки 21-го века: четыре пятых – негры, мексиканцы, азиаты и полукровки.

– Да, но СМИ по-прежнему называют их меньшинствами, – хмыкнул Требор.

Во время их разговора напряжённость действия на сцене возросла. С древними, испытанными повадками всех женщин Веточка изображала показное сопротивление любовному напору Конфетки, инстинктивно зная, что слишком легко полученная женская благосклонность ценится недорого.

Эти тонкости были недоступны пониманию невежественных зрителей, которые, тем не менее, отвечали на разворачивающееся действие диким одобрением.

Конфетка наступала, приоткрывая в каждый свой новый шаг сокровенные женские места. Игривые ужимки податливого тела Веточки выдавали растущее стремление отведать сладких плодов запретных удовольствий. Раздевание друг друга проходило с искусным изяществом. Упругие груди

Веточки, хотя и менее выпуклые, чем полные холмы Конфетка, замечательно соизмерялись с её стройной осанкой и одинаково восхищали.

Впечатление от невероятной красоты действия и его естественного великолепия настолько возбуждало первобытную похоть, что толпа сообща стонала от трепета и желания. Эрик уловил миг относительной тишины, чтобы заметить: – Самая дьявольская вещь, что я когда-либо видел.

– А я надеюсь, что это их последнее выступление здесь, – прорычал Требор.

– Но ведь ты сказал, что это всего лишь представление, – возразил Эрик, подумав, что замечание Требора означает, что жить этим двух девочкам осталось в лучшем случае пару часов.

– Да, это – представление. Я говорю о Белых девочках, показывающих свои прелести скрелингам.

Из разговора Эрик всё же не понял, что задумал Требор. В прошлом его товарищ был абсолютно безжалостен при устранении Белых мужчин – предателей расы, но прощал заблудших женщин, если их измена не была совершенно очевидной. Требор часто говорил, что защита расы – мужской долг. Заблудших женщин следовало захватить, доставить на Землю Родичей, перевоспитать и сделать матерями. Именно таков был отработанный порядок действий для воинов Земли.

На подмостках поведение девушек изменилось с тонкого и наводящего на размышления соблазна на бесстыдную непристойность к ещё большему восхищению разгорячённой толпы. Веточка отбросила последнюю каплю скромности, последнее изображение сдержанности. В порывах страсти скрывала она собственную порочность и подстрекала светловолосую подругу жадно ласкать её извивающееся тело, дразня её игривыми и чувственными движениями бедер и тонкой талии.

Конфетка оставила теперь всякую нежность и жадно исследовала руками прелести брюнетки. Это было скорее изнасилование, чем любовь. Её руки тискали недавно столь скромную девочку самым непристойным и неприличным образом. Скоро изящное тело брюнетки начало извиваться от очевидного удовольствия, подчеркиваемого стонами, и всё закончилось неудержимыми судорогами сладострастия.

Представление закончилось. Девушки, оторвавшись друг от друга, кланялись и махали толпе, отвечая на бешеные рукоплескания. Дождь бумажных денег сыпался на подмостки. Пока девушки собирали деньги и одежду, на сцену взбежал низкорослый курчавый мужчина средних лет.

– Это Коэн, – сказал Требор. В его голосе прозвучала угроза. Взяв в руки переносной микрофон, Коэн призвал зрителей снова поприветствовать девушек. Наконец он и стриптизёрши покинули сцену, направляясь, видимо, в раздевалку. Огни вновь ярко засверкали, а вышибалы начали выпроваживать посетителей.

Эрик и Требор, смешавшись с толпой, спокойно пошли к своей машине. Менее двух часов назад они поставили свой неприметный 4-х дверный седан тёмного цвета на место в задней части автомобильной стоянки, принадлежащей Порнодворцу Сида. Воины выбрали место со свободным обзором и возможностью наблюдения за главным и боковыми входами в здание.

Всякий раз, когда повстанцы из Земли Родичей действовали в расположении врага, они ездили на угнанных машинах со стопкой краденых номеров в багажнике. С появлением компьютеризированных средств опознавания, установленных почти на всех полицейских машинах, ни один член сопротивления уже не смел останавливаться даже для обычных проверок по требованию властей. Поэтому повстанцы угоняли машины тех видов, что привлекали наименьшее внимание, проверяли, чтобы передний и задний свет были в рабочем состоянии и строго соблюдали все правила движения.

В тех редких случаях, когда полицейские посредством сирен, мигалок или громкоговорителей всё-таки требовали от воинов остановиться, тем приходилось принимать бой. Отработанным приемом было немедленно остановиться, выскочить со штурмовой винтовкой и обезвредить врага, а затем либо сменить номера, либо бросить машину. Не было никакого смысла состязаться с радио и вертолётами.

На заднем сиденье машины под одеялом лежали два вещмешка с неприкосновенным запасом еды, водой и набором первой помощи на случай, если действительно придётся покинуть машину. Под одеялом также были спрятаны две винтовки калибра 7,62 мм и пуленепробиваемые жилеты. В жилетах имелись изготовленные на заказ карманы для дополнительных обойм с патронами для винтовок и 9 мм пистолетов, которые повстанцы носили под одеждой.

Требор открыл дверь водителя, в то время как Эрик вошёл со стороны пассажира, используя собственный ключ. Все члены сопротивления во время задания имели ключи от всех машин на случай разделения или гибели водителя. Как всегда, свет в салоне был выключен, чтобы ночью можно было

незаметно входить и выходить. Надев жилеты под верхнюю одежду, они немного расслабились под воздействием странной атмосферы беззаботности, столь обычной для ветеранов боевых действий, но их зоркие глаза непрерывно следили за возможным появлением полиции или чего-нибудь необычного, и, конечно, Сида Коэна из его гнусного ночного клуба. Эрик, несмотря на свой молодой вид, за последние шесть лет участвовал во многих партизанских рейдах. Внешность его товарища была такой же обманчивой. В серых джинсах и синем облегающем свитере он легко мог сойти за профессора колледжа или доктора. В действительности же он был одним из наиболее опасных и уважаемых бойцов ВЗР на всей Земле Родичей. Требор мастерски владел боевыми искусствами и был совершенно безжалостен к врагам, а про его подвиги уже складывались настоящие былины.

Эрику всё ещё были неясно, что Требор надумал сделать с Конфеткой и Веточкой. И пока они ждали Коэна, который, несомненно, подсчитывал барыши от вечернего представления, Эрик снова заговорил об этом в уклончивой манере.

– Если мы собираемся прекратить выступления этих девочек, как мы узнаем их адреса? – Спросил он.

– Господин Коэн сам нам подскажет. – Угроза в голосе Требора не уменьшилась ни на каплю, когда он упомянул короля порнографии. Несколькими годами ранее Эрик, возможно, содрогнулся бы при мысли о том, что скоро ожидало Сида Коэна, но теперь он привык к судьбе врагов.

– А после того, как мы узнаем адреса девочек? – упорствовал Эрик.

– Тогда мы сделаем так, чтобы они никогда больше не демонстрировали свои прелести скрелингам.

– Хорошо, но как, чёрт побери? – Эрик знал, что Требор нарочно не договаривал, чтобы поддразнить младшего товарища. Вопрос, тем не менее, требовал ответа: будут ли девочки взяты в плен или казнены?

Несколько мгновений, показавшихся вечностью, Требор делал вид, что раздумывает, а затем принял решение:

– Думаю, что эти двое смогут родить мне несколько прекрасных Белых малышей.

– Отлично! – обрадовался Эрик. – Самое время, чтобы ты выполнил свой гражданский долг.

Эрик не имел никакого личного интереса к сладкой парочке, поскольку его сердце принадлежало одной девочке из средней школы, которую Требор согласился помочь ему захватить. Осведомители Земли Родичей указали на неё как на достойную внимания девушку. Она была прелестным созданием, но, к сожалению, одурманена ядом вероучения о спасении. Преподаватели, родители, СМИ и буквально все в жизни внушали этой девушке, что Белым девочкам хорошо и даже предпочтительно встречаться и выходить замуж за скрелингов. Её необходимо было спасти от её собственного безумия, пока было ещё не поздно.

В четверть третьего, через 15 минут после времени закрытия, установленного законом штата Колорадо для учреждений, торгующих алкогольными напитками, автомобильная стоянка опустела, если не считать автомобиля воинов Земли Родичей и дорогого представительского лимузина, припаркованного рядом с боковым входом во Дворец. Вскоре дверь открылась, и появился мужчина непонятной национальности, похожий на косолапое животное, сопровождаемый Сидни и, к удивлению повстанцев, Конфетка и Веточка. Огромный мужчина, которого Эрик тут же прозвал «уродом», был, очевидно, водителем и телохранителем. Он почтительно открыл задние двери для всех троих, а затем занял место за рулём.

Людам из Земли Родичей Сидни показался чучелом, похожим на напыщенного павлина из-за штанов в обтяжку, открытой рубашки и множества безвкусных драгоценностей, украшавших его пухлое тело. Девочки же на расстоянии напоминали подростков, одетых в модные джинсы и прозрачные блузки.

Лимузин вылетел на Федеральный бульвар и устремился на юг мимо старых баров, захудалых мотелей и всех этих уродливых порождений развалившихся городов Америки середины 21-ого столетия. Налётчики следовали за автомобилем на расстоянии в полквартила. Держать жертву в поле зрения и не быть обнаруженными, было сложной задачей, но эта слежка была необходима, потому что осведомители повстанческой армии в районе Денвера не смогли установить домашний адрес Сидни Коэна.

Лимузин повернул на запад по 6-й Авеню, а затем на юг в Уодсворт.

– Ух, – выдохнул Требор. – Это округ Джефферсон. Боги с нами!

Округ Джефферсон тянулся на много миль к западу от Денвера, и дорога всё время шла в горах. Отсюда возвращение воинов домой казалось сравнительно несложным.

Из слов Требора Эрик понял, что это будет трудная ночь. Несмотря на тщательное планирование Требором повстанческих набегов, он, похоже, тоже верил в приметы. Если Требор сказал, что Боги с ними, то так оно и было, или, возможно, удача просто улыбается смелым.

Тем временем в лимузине не всё шло гладко. Даже при том, что для девочек это был день зарплаты, и они должны были получить недельную дозу кокаина и по несколько сот долларов наличными, их рабочий день ещё не закончился. Им ещё предстояло одно частное выступление, которое Сидни требовал от девушек в дни платежа, один раз в неделю.

Сидни тоже был в плохом настроении, хотя и с нетерпением ждал оргии с двумя Белыми девочками. В клубе не было полного состава, и доходы падали. Сидни винил в этом двух этих девчонок, которые потребовали более высокой оплаты, прежде чем согласились повторить самые развратные действия, которые он требовал от них на своих вечеринках. Сегодня вечером, клялся себе Козн, девки заплатят за своё упрямство или не получают никакого белого порошка. Порка связанных и беспомощных обнажённых женщин была его любимейшим развлечением.

«Урод» свернул в элитный район Грин Гейблз. Сейчас, в конце апреля, аккуратные лужайки еще только покрывались зеленью, так как весна запаздывала в город, расположенный на высоте полутора километров. Роскошные дома на огромных участках располагались на расстояниях в сотни метров друг от друга, разделённые деревьями, кустами и глухими заборами, так что каждый дом напоминал обособленную крепость. Лимузин выехал на подъездную аллею, обсаженную кустарником. Четвёрка, погружённая в собственные мысли, ни разу не подумала посмотреть назад, где скромный седан медленно притормаживал у поворота на аллею. И, конечно, они не знали, что эта машина остановилась всего в паре метров от дороги, невидимая за кустарником.

– Наша дешёвая машина торчит здесь, как бельмо на глазу, – впервые прервал молчание Требор.

– Давай я схожу на разведку, – предложил Эрик. – Можешь отогнать машину куда-нибудь и возвращайся минут через пятнадцать.

Требор согласился. Эрик исчез за кустами, а Требор отъехал в более безопасное место, где мог спокойно всё обдумать.

Сознание того, что красота Белых женщин может скоро навсегда исчезнуть с лица земли, придавало ему сил в борьбе. И всё же, несмотря на всё, что Требор совершил во имя сохранения прелести Белых женщин в этом мире, он не наслаждался их обществом уже более четырнадцати лет. У него не было никаких иллюзий в отношении Конфетки и Веточки. Они так хороши, что у них будут прекрасные дети, но лишь позже, после окончания длительного времени перевоспитания и обучения.

Последние оставшиеся под правлением ЗОГа молодые Белые женщины жили в утонченных наслаждениях и роскоши, о которых не могли мечтать даже британские монархи двумя столетиями раньше. К их ногам были брошены наркотики, дорогие автомашины, телевизионные роли, деньги и лесть, а изобретения Белых мужчин, начиная со стиральных машин и микроволновых печей и кончая другой бытовой техникой, устранили необходимость в работе по дому. Женщины не захотели добровольно отказаться от всего этого, как настойчиво их ни умоляли Белые мужчины. Именно поэтому похищения женщин стали единственным выходом из этого тупика. Несомненно, эти две девочки были ещё более испорчены и себялюбивы, чем большинство остальных. Требор понимал, что ему придётся быть суровым и даже жестоким при их перевоспитании и обучении, что не было свойственно ему при обращении с женщинами. И всё же ему была невыносима мысль, что их красота, заложенная в генах, может не перейти к детям. Он глубоко вздохнул и зашагал назад, чтобы встретиться с Эриком.

Эрик подал ему условный знак сразу за съездом к дому Козна.

– Да, Боги с нами, – весело сказал он. – Это огромный дом-ранчо с пристроенным гаражом на четыре машины. «Урод» собрался было уезжать пять минут назад, но с ним произошёл «несчастный случай».

Эрик похлопал по своему ножу и усмехнулся, а Требор только хмыкнул. Эрик продолжил:

– Наверху темно, но я слышал музыку из окон. Слабый свет идёт, наверное, из подвального этажа. Я думаю, что они там. Никаких собак. Есть система охранной сигнализации. Задний двор окружён глухим забором. Приступим! – торопливо докладывал на ходу Эрик.

Мгновение спустя два суровых мстителя тихо проскользнули мимо огромного гаража. Требор нёс брезентовую сумку с инструментами и приборами. Оба были вооружены пистолетами калибра 9 мм и острыми как бритва ножами.

Эрик следил за окнами и обстановкой вокруг двора, в то время как Требор колдовал над системой охранной сигнализации. Для опытного подпольщика – бывшего преподавателя электроники в колледже Рэд Рокс, отключение сигнализации не представляло трудностей и требовало лишь времени и терпения.

Двадцать минут спустя бойцы проникли в дом и оказались в такой огромной кухне, какую Эрику нигде не приходилось видеть, за исключением может быть производственных предприятий. Музыка, если так можно было назвать доносившийся ритмичный шум, была не столь громкой, как им показалось вначале, но всё же достаточной, чтобы заглушить звуки их легких шагов.

Как Эрик и предполагал, слабый свет шёл со стороны лестницы, ведущей в подвал. Один за другим они осторожно соскользнули вниз по лестнице. В подвале через приоткрытую дверь была видна такая крикливая и вульгарная обстановка, какую им трудно было даже представить. За исключением одного угла большой комнаты, в котором размещался открытый общий душ и ванны с горячей водой, весь пол был покрыт белоснежным и толстым шикарным ковром. На стенах тёмно-красного цвета висели картины, слишком непристойные, чтобы их можно было назвать искусством, вперемешку с зеркалами от пола до потолка. В центре возвышалась кровать, которая, должно быть, была изготовлена на заказ специально для оргий. Вокруг громадной кровати размерами примерно три на три метра по углам на стойках были установлены видеокamеры. Над стойками и вокруг них были равномерно вбиты крюки для пут, на полке над спинкой кровати лежали кнуты и сексуальные игрушки, а потолок был одним сплошным зеркалом.

Воины Земли Родичей, конечно, не знали о намерениях Сиды развратничать с девочками до последней степени их унижения. Не было им известно и то, как отчаянно девочки нуждались в кокаине. И всё же зависимость девушек была такой сильной, что они согласились с требованиями Сиды: они обе были раздеты догола, одна из них связана, а другая могла двигаться. Но зрелище превратилось из распутного в смехотворное при виде извращенца Сидни, совершенно голого, не считая золотых цепей, браслетов и колец, с огромным животом, свисающим на тонкие ножки. Он дирижировал представлением, держа в руках плетёную из нескольких коротких ремней.

Девочки, совсем одуревшие от наркотиков, не заметили приближения к сцене Требора и Эрика. Сидни, который стоял спиной к двери, тоже был слишком увлечён. Владелец Порнодворца заметил надвигающуюся беду слишком поздно. Требор сильным пинком ноги в правый бок отбросил мерзкого выродка на кровать, где тот свалился на спину Конфетки. На мгновение наступила тишина, и слышались лишь музыка и мучительные стоны Сидни. Веточка первая увидела повстанцев и отчаянно вскрикнула, но тут же умолкла, когда Эрик навёл на неё свой пистолет.

– Ни звука, пока не спросят, ясно? – Голос Эрика не оставлял сомнений, что от них требуется. Обе девочки кивнули, но стонущий Сидни был не в состоянии выполнить приказ. Требор потянулся через кровать и ударил урода в нос рукояткой пистолета. После мучительного воя Сид подтвердил, что действительно понял команду.

Требор схватил в руку золотые цепи на шее Сиды и сдёрнул его с кровати, держа вертикально на расстоянии вытянутой руки.

– Хорошо, сначала главное, – начал он. – Ты, – его пристальный взгляд упал на Конфетку, – развяжи её! – И он показал на Веточку рукой с пистолетом. – А ты, – каждый раз, когда он говорил, он жёстко подчёркивал слово «ты», – скажи, как нам выключить этот проклятый грохот, который вы называете музыкой.

Он дёрнул за цепи. Всхлипывающий Сидни показал на пульт управления у ближайшей стены. Веточка была теперь развязана, и Требор указал ей пистолетом: – Выключи это!

Веточка, несмотря на дурь от наркотика, испуганно кинулась выполнять приказ. В наступившей тишине голос Требора зазвучал ещё более угрожающе.

– Теперь вы обе сядьте там, – и он махнул на ближайший край кровати. Девочки быстро сели, даже не пытаясь прикрыть свою наготу, то ли от потрясения, то ли под действием кокаина.

– А теперь, мистер Коэн, где деньги, которые вы принесли домой?

Козн начал отрицать, что у него дома есть деньги, но был прерван Требором, который въехал коленом ему в пах, почти раздавив мошонку. Отвратительное существо долго лежало на полу, держась за промежность и хныкая.

– Мое терпение кончается, Сидни, – предупредил Требор.

– Там, – выродок, мокрый от пота, задыхаясь, показал на дверь в дальнем конце его комнаты «для игр». Эрик молча пошёл к двери и исчез из виду. Мгновение спустя он возвратился с портфелем, который он бросил открытым на кровать. Внутри были две-три тысячи долларов наличными и какие-то документы.

– Сидни, Сидни, – произнес нараспев Требор. – Я разочарован в тебе. Я имел в виду все деньги, которые ты держишь дома.

– Это – всё, – выдохнул Козн, делая последнюю попытку спасти свои грязные деньги, добытые в порнобизнесе.

– Хорошо, я принимаю условия твоей игры, – угрожающе предупредил Требор. Несколько сломанных пальцев, много крика, и через две минуты было достигнуто полное взаимопонимание. Сидни показал место сейфа, скрытого в стене в той же самой комнате, из которой Эрик принес портфель. И, конечно, назвал ключ к нему. Под внимательным взглядом Требора и его прицелом трое пленников хранили полное молчание, пока Эрик ходил проверять правдивость признания Сиды. Минуту спустя, он возвратился со словами: «Да, хороший улов».

Без дальнейшей суматохи, Требор вложил пистолет в кобуру, вынул нож и одним быстрым движением перерезал горло Козна от уха до уха. Кровь струей ударила из его распоротой яремной вены, заливая голые ноги и тела ошеломлённых девочек. Инстинктивно девушки отпрянули подальше от места, где они сидели, и их затошнило при виде этой кровавой сцены, которая была для них в новинку.

Воины Земли Родичей без лишних слов привычно продолжали делать всё, что нужно в таких случаях, даже не взглянув на всё ещё содрогающееся в предсмертных судорогах тело Сидни. Эрик сдёрнул с подушки наволочку, вывалил в неё деньги из портфеля и ушёл в другую комнату, чтобы переложить туда же содержание сейфа.

Требор обратился девочкам:

– Идите, смойте с себя кровь. – Он указал на общий душ. Как известно всем, кто попадал в опасные для жизни ситуации, деятельность снимает страх. Конфетка и Веточка, парализованные увиденным, бросились выполнять приказ и, стоя под душем, слегка пришли в себя.

Под звуки льющейся воды Конфетка прошептала:

– Как ты думаешь, они убьют нас?

– Я думаю, нет, он же приказал нам помыться не для того, чтобы убить нас, – разумно ответила Веточка.

– Может, они хотят нас изнасиловать?

– Может быть, но это не самое страшное для нас. Мы же не девственницы, верно?

– Иногда насильники мучают и убивают женщин.

– Заткнись ты со своим убийством, не пугай меня, – ругнулась Веточка.

– Хорошо, но что ты предлагаешь?

С деловитостью бывалой женщины, Веточка заявила:

– Я предлагаю морочить им мозги независимо оттого, что они хотят, как можно дольше, пока у нас не появится шанс сбежать.

Они договорились о порядке действий. Закончив душ, девушки, подойдя к Требору, попытались, было соблазнить его, насколько это было в силах двух обнажённых и напуганных женщин. И они были просто удивлены, что их чары не сработали, когда Требор резко приказал им одеться. Торопливо одеваясь, изумлённые женщины обменивались растерянными взглядами. Похоже, наконец, нашёлся первый мужчина, которым нельзя было управлять с помощью секса.

Эрик вернулся с наволочкой, полной денег.

– Как думаешь, может, стоит поискать в доме другие ценности?

Требор посмотрел на часы, потом подумал вслух: – Через полтора часа рассветёт. Считаем, что у нас чуть больше часа до поворота, так что, черт возьми, отведём на этот осмотр десять минут. Я буду следить за ними.

Эрик взбежал по лестнице, а девочки глубоко вздохнули от облегчения. Во всяком случае, было похоже, что их не собираются убивать.

До сих пор ни один из мужчин не сказал девочкам ничего кроме коротких команд, одна из которых требовала молчания. Так что они обе боялись начать разговор со своим безжалостным похитителем. Девушки тихо сидели на кровати, надеясь, что молчаливый мужчина скажет что-нибудь, что прояснит их судьбу, и в то же время боялись этих слов. Казавшиеся бесконечными минуты напряжения, пронизанного страхом, тянулись в абсолютной тишине. Наконец Конфетка не выдержала.

– Я могу спросить? – робко проговорила она.

– Можно мне Вас спросить? – поправил её Требор.

– Можно мне Вас спросить? – повторила Конфетка, чувствуя себя как школьница.

– Можно, но сначала дайте мне одну из простыней от этой кровати. – Пока Конфетка и Веточка снимали необычных размеров простыню с огромной кровати, Требор подумал, что женщина редко выглядит одинаково хорошо, как одетая, так и раздетая. Но эти две девушки выглядели замечательно в любом виде.

Конфетка подала Требору простыню, и он сел на стул напротив кровати. Затем вынул нож из ножен и начал резать простыню на полосы.

– Для чего это? – спросила Конфетка.

– Чтобы связать вас друг с другом.

– Я думаю, чтобы мы не смогли убежать?

– Точно.

– Вы едете куда-то?

– Да.

– Вы не убьете нас, правда?

– Нет.

Короткие ответы Требора не очень-то успокаивали.

Конфетка попробовала зайти с другой стороны.

– Вы не собираетесь заняться с нами любовью?

– Нельзя заниматься любовью, если ты не влюблена, – коротко ответил Требор.

Пока Конфетка и Веточка перебаривали эти слова, возвратился Эрик.

– Мало что можно использовать, правда, я нашёл у него в спальне пистолет калибра 11,4 мм и четыре коробки патронов.

– Хорошо, – сказал Требор. – Тогда сделаем вот что. Я поведу машину, одна девочка сядет на переднее место со мной, а другая с тобой сзади. Этими полосками мы свяжем девочек вместе, чтобы ни одна не смогла выскочить, если мы попадём на красный свет.

Требор обратился к девочкам:

– Вы видели, что случилось с Сидом. Я могу считать, что вы не наделаете никаких глупостей, чтобы с вами не случилось то же самое?

Обе девушки, дрожа, поклялись слушаться.

Эрик заставил Веточку нести наволочку с деньгами, крепко держа её тонкое запястье в одной руке, когда они вышли из дома. Требор так же крепко держал блондинку. Они переложили груз на заднее сидение, привязали девушек друг к другу и направились домой.

Небо позади машины только начало светлеть, когда они повернули на запад по скоростной автостраде «6-я Авеню». После резкого прекращения разговора, Конфетка и Веточка потерянно молчали, в страхе размышляя о своём будущем. Кокаин переставал действовать, и результатом этого, как обычно, было обострение состояния страха.

Они достигли пересечения с межштатной дорогой «70» на Голден, вышли на неё и начали подъем в предгорья. Внезапно Веточка озарилось: «Земля Родичей!»

Задыхаясь, она выкрикнула:

– Ребята, вы – с Земли Родичей!

Повстанцы были широко известны и вне Земли Родичей, и внутри неё. Но, конечно, печать и телевидение ЗОГа без конца распространяли о них всяческие ужасы и чудовищную ложь. Каждый ребёнок Америки вне Земли Родичей, начиная с младенцев, знал страшные истории о похищениях, пытках, насилиях и массовых убийствах в Земле Родичей, и что с её воинами можно столкнуться на каждом шагу. Повстанцы стали пугалами, которыми матери устраивали непослушных детей. Конфетка и Веточка, естественно, верили каждому слову пропаганды ЗОГа и теперь ещё больше перепугались.

Примерно через двадцать миль к западу от Голдена Требор снизил скорость машины, а затем на черепашьей скорости свернул на наклонный съезд с основной дороги, объезжая огромные выбоины на проезжей части с остатками асфальтового покрытия.

ЗОГ поддерживал в исправном состоянии главные межштатные автодороги с востока на запад через Землю Родичей, хотя при этом дорожные работы приходилось вести под охраной вооружённых солдат и под прикрытием с воздуха. Но власти оставили все попытки отремонтировать въезды или наклонные съезды более десяти лет назад. Штатные и просёлочные дороги также находились в полном запустении. С низа наклонного съезда, Требор направился на север, всё ещё на скорости десять-пятнадцать миль в час, в зависимости от состояния дороги.

К шести часам утра даже девочки измучились, а они не спали только с полудня предыдущего дня. Требор и Эрик почти засыпали, так они провели двадцать четыре часа подряд без сна и часто в напряжении.

– Я хочу в туалет, – пожаловалась Конфетка.

– Я тоже, – пискнула Веточка.

– Ещё пара минут, – был ответ. И точно, несколько минут спустя Требор остановил машину и искусно замаскировал ветками следы съезда с дороги. В густом лесу из жёлтых сосен следы машины будут незаметны. Они съехали с дороги, миновали низкий кустарник и осторожно двинулись через густой лес. Через полмили показалась хижина из бревен, так близко прижавшаяся к высоким деревьям, что её невозможно было заметить с воздуха, разве что с вертолёта, пилот которого точно знает, куда смотреть.

– Ну, теперь вы можете развязать друг друга, уборная за хижинкой. И не вздумайте бежать. Здесь только медведи, пумы, змеи и лес на двадцать миль. Вы заблудитесь через десять минут.

– Уборная? – удивилась Веточка.

– Да, ты же сказала, что хочешь в туалет.

– А-а-а..., – наконец дошло до городской девочки середины 21-ого столетия. – Подвинься, Конфетка, я должна выйти.

Требор и Эрик достали кое-какие пищевые продукты и дополнительные одеяла из багажника машины и поднесли их к передней двери хижины, не расставаясь с винтовками, висящими за плечами. В хижине, которая была первой остановкой на пути доставки товаров и людей на Землю Родичей, хранилась стопка раскладушек, которые заменяли кровати, стояла дровяная печь для готовки и отопления, а также имелись запасы различной одежды и других предметов первой необходимости. Эрик посмотрел в заднее окно, чтобы проверить, не вздумали ли девочки бежать. Конфетка ждала у двери одноместной уборной. Требор взял ведро и пошёл за водой к близлежащему ручью, а Эрик вышел, чтобы наколоть щепок для растопки. Так что, когда несколько минут спустя девочки нерешительно открыли чёрный ход хижины, в ней было пусто.

– Ну, я была там первый раз в жизни, а ты? – Конфетка имела в виду уборную.

– Да, я тоже. Ты видела эту паутину? Я была в шоке и думала, что умру!

Эрик принёс охапку щепок для растопки. Он свалил их в деревянный ящик рядом с печью и сказал: – Не могли бы вы развести огонь и приготовить какой-нибудь завтрак? Продукты вот там. – Он показал на коробку на кухонном столе.

– Мм, ну, в общем, мм, хорошо, – запнулась Веточка, не желая признаться, что совершенно не представляет себе с чего начать.

Между собой девочки выяснили, как снять толстые железные листы, закрывающие место для дров в плите для готовки. – Мне кажется, что надо засовывать дерево сюда, – шептала Конфетка. Но когда они сделали это, оказалось, что спички, почему-то не поджигают щепки.

Вошёл Требор с ведром свежей воды и, усмехаясь, смотрел на их неумелые действия.

– Идите сюда, – сказал он и повёл их наружу. – Сначала положите сосновые иглы внизу бункера для огня. Потом – слой шишек, и сверху них дрова. Потом поджигаете иглы. И проверьте, что заслонка дымохода открыта. – Городские девочки совместно справились с задачей и ощутили необычное чувство гордости, когда услышали потрескивание огня.

– Теперь, о продуктах, – Веточка вернулась к действительности. В коробке были яйца, сухое молоко, сахар, соль, пшеничная мука грубого помола, сухофрукты и ещё кое-что по мелочи.

– Я думаю, мы должны спросить их, что они хотят, а? – сказала Конфетка.

– Да, я тоже так считаю, и, может быть, спросить, как это приготовить. Они наверно думают, что мы – изрядные дуры.

Снаружи Требор и Эрик закрепляли на машине маскировочный брезент. Конфетка осмелилась заговорить первой.

– Вы, ребята, наверное, думаете, что мы – дуры. Мы хотим спросить, что вы хотите на завтрак, но, честно говоря, мы ни черта не умеем готовить.

– Но можем научиться, – добавила Веточка, стараясь понравиться и считая, что они – в опасности. Обе девочки полагали, что их жизни зависели от угождения воинам Земли Родичей, и были готовы на всё, чтобы быть приятными и услужливыми.

– Они принадлежат тебе, – сказал Эрик и продолжил привязывать брезент.

«Они принадлежат тебе» – эти четыре слова много сказали и Конфетке и Веточке. Образы гарема или сексуальных рабынь пронесли перед их мысленным взором. Или, ещё хуже, бесполок рабынь. Как всех наркоманов, их смертельно пугала невозможность найти поставщика кокаина. Во всяком случае, стало ясно, что старший мужчина, Требор, был тот, кому они должны угождать.

– Хорошо, азы кулинарии, получается, – проворчал Требор и пошёл в хижину, а его пленницы гуськом поспешили за ним. Вскоре аромат лепёшек, жареных яиц и свежесваренного кофе, усиленный запахом горящих сосновых дров, заполнил хижину.

Вдруг Требор дал знак своим поварихам-новичкам.

– Гляньте, – и он показал в окно. Не дальше чем в двадцати метрах от чёрного хода медленно шли в поисках корма самка и её оленёнок. Девочки смотрели, очевидно, очарованные тем, чего они никогда не видели прежде.

– Сколько малышу? – спросила Конфетка.

– Ну, наверно ему несколько месяцев.

Олененок во всём подражал матери и, сделав несколько шагов, оглядывался в поисках возможных врагов.

– Вы их застрелите, или вам не нравится оленьё мясо?

– Мы никогда не стреляем самок, особенно если у них малыши, и мы не голодаем. Самки любого биологического вида – его самое большое сокровище, – ответил Требор.

– О! – произнесла Веточка, запоминая ответ, чтобы позднее обдумать его.

– Это относится и к женщинам? – спросила Конфетка, снова стремясь получить подтверждение, что их не ждет участь Сида Коэна.

– Хорошие женщины – также сокровище, – был его ответ, с ударением на слове «хорошие». Это было несколько неясно, но Конфетка решила, что убедит Требора в том, что она «хорошая», чего бы это ни стоило.

Скрытый смысл этого обмена словами не ускользнул от Веточки. Она не забыла, что женщины соперничают друг с другом. И она должна быть, по крайней мере, столь же «хороша» как и Конфетка.

Обе девочки были удивлены тем, каким вкусным оказался завтрак, несмотря на треснувшее блюдо, жестяные кружки и так называемые «серебряные» столовые приборы. Когда они закончили

еду, Требор сказал, чтобы Конфетка помогла Эрику поставить раскладушки, сообщив, что всем надо поспать. Потом он велел Веточке загрузить грязные тарелки в большой таз.

– Пошли, я покажу тебе ручей. – Они поднялись по склону вверх за хижинкой примерно на двадцать метров.

Пока Веточка с сознанием долга полоскала посуду в прозрачной холодной воде, она рискнула спросить: – Что ваш друг имел в виду, когда сказал: «Они принадлежат тебе?»

– «Принадлежат», значит «принадлежат». Что тебе непонятно? – Его ответ был немного вызывающим.

– Мм, ну, в общем, просто это звучит довольно забавно – «владеть людьми». – Веточка подбирала слова, не желая противоречить своему похитителю.

Тогда Требор разъяснил свои слова немного подробнее:

– Сид Коэн владел тобой – телом, душой и мыслями. Он завладел тобой, приучив к кокаину. Я убил твоего владельца и захватил тебя, так что теперь у тебя новый хозяин. Так было миллионы лет. Радуйся, что большинство арийских мужчин относится к своим женщинам с достоинством и уважением, если и когда они заслуживают этого. В противном случае они женщин наказывают.

Веточка признала, что в словах Требора была определенная правда. Она не думала о Сидни, как о «хозяине», но он, конечно, распоряжался её жизнью. Хотя секс был для Веточки только способом управления людьми, получения преимуществ или чисто телесного удовольствия, она признала, что Сид использовал её больше, чем она его. Даже сейчас мысль о лишении соблазнительной дозы кокаина беспокоила её больше чем внезапное похищение, которое она только что пережила.

Тем временем в хижине Конфетка также выпрашивала Эрика. Она тоже пыталась понять, что означают слова Эрика «они – твои» и спросила об этом.

– Именно то, что я сказал, – был его ответ.

– Вы считаете, что мы его рабыни? – спросила Конфетка.

– Я думаю, вы станете, в конце концов, его жёнами, хотя для этого вам придется очень постараться и многому научиться. Но пока рабыни – хорошее определение.

– Угу. – Она подумала секунду, а затем спросила: – Почему вы не хотите полюбить одну из нас? По-вашему мы что, уродки?

– Нет, вы – не уродки, но сейчас у меня на уме другая девочка. Кроме того, прошло много времени, прежде чем Требор решил взять себе женщин.

– У всех мужчин в Земле Родичей больше одной жены?

– У большинства.

– Почему?

– Во-первых, единобрачие равнозначно кастрации и расовому самоубийству. А, во-вторых, раз лишь в Земле Родичей сохранились хорошие Белые мужчины, у них должно быть много детей.

– Единобрачие – это кастрация? – Конфетка была действительно озадачена.

– Сексуальное чувство – мать жажды сражения, а жажда сражения – мать народов. Сексуальное желание мужчин расы, которая стремится выжить, надо разжечь до крайней степени, и это желание нельзя порочить, ослаблять или неверно направлять, – объяснял Эрик.

Их беседу прервало возвращение Веточки и Требора.

Перед тем как они растянулись на раскладушках часика на четыре, Конфетка прошептала Веточке: – Подружка, я должна тебе кое-что рассказать.

– Я тоже, – ответила та.

Обе девочки украдкой посматривали на своих похитителей, особенно на Требора, отмечая его жилистую фигуру и плоский живот. Конфетка вспомнила, как Веточка часто говорила: «Я люблю мужчин без брюха», когда смеялась над Сидом Коэном или каким-нибудь пузатым зрителем во время их представлений во Дворце. Неохотно признаваясь самим себе в сексуальном магнетизме своего нового «владельца», девочки не знали, что испокон веков женщины приспосабливались к своим похитителям и обычно влюблялись в них. Ведь это – просто отражение всей природы, где курица, лвыца, кобыла или другая самка подчиняется главенствующему самцу, который в борьбе завоевал

право на продолжение рода. И ещё они не знали, что ревность жён одного мужчины друг к другу и неестественна и не нужна.

Пару часов спустя все снова сидели в машине, готовясь возобновить путешествие.

Несколько раз девочки слышали, как мужчины упоминали неизвестного по имени Вотан, и, пытаясь заручиться их расположением, пока машина медленно двигалась на северо-запад, Веточка спросила:

– Кто этот Вотан?

– Вотан – главный бог самой распространённой собственной веры Белого человека, – объяснил Требор.

– Что значит «собственной»?

– Это означает естественной религии, которая в данном случае защищает Белый Род.

– Тогда почему я не слышала об этом раньше?

– Нет, ты о ней слышала! День недели среда назван по имени Вотана, четверг – его сына Тора, вторник – его товарища Тира, а пятница – в честь Фригги, жены Вотана.

Когда Эрик заметил самолёт ЗОГа на большой высоте, Конфетка спросила:

– А вы не боитесь бомбёжек?

– Больше не боимся. Раньше мы привыкли к тому, что нас бомбят каждый день, но теперь враги знают, что если они ещё раз так сделают, мы проникнем на их территорию и убьём несколько важных шишек – каких-нибудь политических деятелей. Так что теперь бомбёжки прекратились. Они также обстреливали нас ракетами с наведением по тепловому излучению. Но ракеты попадали только в наши костры-ловушки.

– И вы жили так много лет?! Веточка была поражена и захотела узнать, зачем были нужны все эти жертвы.

– Здесь единственное место, оставшееся для Белых людей. Американское правительство – ЗОГ почти истребило нашу Белую расу.

– А мои преподаватели говорили, что Земля Родичей стремится поработить весь мир.

– Как мы можем сделать это, когда осталось так мало Белых, а у ЗОГа есть самолёты, бомбы и ракеты? Вы увидите, что правительство лжёт, когда мы доберёмся до наших карт и книг! – с горечью ответил Требор.

В течение многих часов они продвигались всё глубже в горы, поросшие деревьями. Часто мужчины показывали диких зверей: оленей, лосей, енотов, дикобразов и даже чёрного медведя. Леса и животные, когда-то жестоко истребляемые, бурно возрождались под опекой повстанцев, живущих в гармонии с природой.

Ещё засветло они достигли места, на котором когда-то, видимо, стояла очаровательная туристская деревня. Теперь больше половины зданий лежало в руинах.

– Что здесь случилось? – спросила Конфетка.

– Бомбовый налёт ЗОГа, – скупое ответил Эрик.

В центре того, что осталось от деревни, Требор свернул с разбитого шоссе, и они переехали деревянный мост над маленькой речкой. – Мэтьюсвилл через две минуты, – объявил он.

Девушки, сидящие сзади, переглянулись. И Конфетка спросила: – А в Мэтьюсвилле есть люди?

– Да, это община Земли Родичей, – сообщил Требор.

Тогда на заднем сиденье снова послышался оживлённый шепот, а потом Конфетка спросила:

– Мы..., можно нам поговорить с Вами прежде, чем мы приедем туда?

– Конечно, говорите.

– Нам хотелось бы поговорить наедине, можно? – повторила Веточка.

– Пожалуйста!

Мужчины переглянулись, пожали плечами, как будто говоря: «Почему бы и нет?» Требор свернул на обочину разбитого шоссе и остановился, и Эрик вышел, сказав, что он немного прогуляется.

– Давайте и мы тоже разомнём ноги, – предложил Требор. Он вышел из машины и прислонился к переднему бугеру, скрестив руки на груди. Девочки прижались к нему с двух сторон, всё ещё пытались использовать своё очарование, чтобы расположить к себе воина.

Веточка спросила:

– Мы останемся в Мэтьюсвилле?

– Да, по крайней мере, на некоторое время.

– Пожалуйста, не рассказывайте людям, что мы делали в доме Сида, – добавила Конфетка, – Мы не геи, не лесбиянки, честное слово, клянусь.

Требор тщательно обдумал свой ответ.

– Во-первых, надо говорить «извращенец», а не «гей». Геи – это весёлые счастливые существа. Извращенец означает мужского гомосексуалиста. В Земле Родичей ни один извращенец не посмел бы сказать об этом открыто. А во-вторых, настоящих лесбиянок среди арийских женщин чертовски мало. Вы устраивали шоу для человека, который владел вами. Я не сомневаюсь, что секс приятен, но мужчина был всё же главной причиной. И, наконец, ни у кого в Земле Родичей нет никаких причин знать больше о вашем прошлом, чем вы сами захотите рассказать. Поверьте, многие из наших женщин, захваченные на территории ЗОГа, имеют прошлое не менее интересное, чем ваше.

– Спасибо, – хором сказали обе девушки. Потом Конфетка спросила: – А как Эрик?

Требор уверил их, что его товарищ – не болтун. Но, почувствовав, что его пленницы слишком рано успокоились, добавил строгим тоном:

– Тем не менее, для вашего собственного блага вам лучше помнить, что я – ваш хозяин, и если я буду недоволен вами, то могу наказать или избавиться от вас. Подумайте о судьбе Сида Коэна, когда у вас возникнут мысли сбежать, пофлиртовать с другими мужчинами или быть наглыми. Я ясно выражаюсь?

Обе пленницы одновременно закивали головами, стараясь подавить чувство страха.

Вернулся Эрик, и возобновился последний этап путешествия. На заднем сиденье Веточка шептала на ухо Конфетке: – Ты поняла, что означают слова «твоя жизнь ни черта не стоит?»

– Теперь поняла, – шепнула в ответ Конфетка.

Мэтьюсвилл не «показался» – в обычном смысле этого выражения. Требор просто вдруг остановил машину под огромной жёлтой сосной и выключил двигатель. Конфетка разглядела хижину, умело скрытую в густом лесу. Веточка заметила другую, потом ещё одну. Как они смогли видеть, несколько десятков деревенских домов, хижин и бывших передвижных домиков были разбросаны на расстоянии в нескольких сот метров, а в пределах нескольких квадратных километров их, видимо, было много больше.

Отовсюду спешили люди, и оказалось, что их похитители – настоящие народные любимцы. На поляне непрерывно раздавались крики «Хайлса, родичи!». Конфетка и Веточка потерянно стояли около машины, чувствуя себя неуютно в своей бросающейся в глаза непрактичной одежде. Все женщины, которых они видели, были в свитерах или кофтах для защиты от быстро охлаждающегося горного воздуха. На такой высоте, как только солнце садится за пики гор, температура быстро падает. На голых руках девочек уже выступила гусиная кожа.

Здесь женщины выглядели необыкновенно привлекательными, и многие из них были в положении. Но больше всего девушкам бросилась в глаза целая толпа Белых детей. Вне Земли Родичей они никогда не видели вместе больше горстки Белых детей, причем в городе их было во много раз меньше, чем цветных.

– А это ваши друзья? – спросил кто-то.

Требор подозвал пленниц и представил их по именам.

– Они, вероятно, останутся со мной, – сообщил толпе Требор, а затем добавил: – Я надеюсь, что вы окажете им гостеприимство.

Все взрослые точно поняли, что означали слова Требора. Прежде всего, что девочки остаются с ним, и ни одна из них не принадлежит Эрику. И всем было понятно, почему он сказал «вероятно» – это означало, что они ещё должны были пройти медицинский осмотр. В начале 21-ого столетия были созданы домашние тесты для проверки неизлечимых болезней, особенно тех, которые передаются

половым путем. В общине были такие тесты, и все вновь прибывшие женщины сразу же проходили обследование, так как до проверки они считались опасными источниками инфекций. Для получения результатов требовалось несколько минут, и таким образом судьба пленниц решалась очень быстро. Неизлечимо больным вводились смертельные инъекции, и они спокойно уходили в мир иной.

Высокая привлекательная женщина в возрасте Требора подошла к девочкам.

– Пойдёмте со мной, мы получим для вас кое-какую тёплую одежду, – предложила она. Девушки посмотрели на Требора, чтобы получить разрешение. – Хорошая идея, Грета, и не могла бы ты потом показать девочкам дорогу к моей хижине?

Грета ушла с девочками и несколькими другими женщинами. Они засыпали Конфетку и Веточку вопросами о жизни под властью ЗОГа, особенно о модах и новостях.

Одна из хижин оказалась складом для всей общины. Прежде всего, там хранилась одежда, а также постельные и столовые принадлежности для дома. Скоро у девочек был практичный гардероб, похожий на одежду остальных членов общины.

Тем временем у мужчин накопилась масса вопросов к Эрику и Требору. Для воинов-Родичей были жизненно важны такие вещи, как знаки различия вооружённых сил ЗОГа, новинки полицейской техники и сведения от сторонников Земли Родичей, не говоря уже об острых ощущениях, которые они получали от ярких насмешливо-иронических рассказов Требора о его боевых операциях.

Конфетка и Веточка, нагруженные вещами, под руководством Греты дошли до хижины Требора, в то время как сам воин всё ещё оставался в кругу друзей и соратников. Грета показала им, как зажечь керосиновую лампу, говоря: «Мы экономим керосин, так как его трудно достать». Пожелав девочкам удачи, Грета ушла, оставив парочку исследовать их новое жилище.

Хижина была сделана из бревен и имела дровяную печь для готовки и обогрева. Старомодная двуспальная кровать с металлической спинкой, панцирной сеткой и блестящими шарами стояла у дальней стены. Провод, натянутый в одном углу пустой хижины, служил вешалкой для одежды. На нём висели несколько полотенец и различная одежда. Мебель, включая кресло-качалку, была в основном самодельной.

– Ну, добро пожаловать в ад! – Теперь, когда они остались одни, Конфетка дала волю своим чувствам.

– Да, я знаю, но лучше мы начнём работать как хорошие маленькие рабыни, чтобы остаться в живых, ведь он может вернуться в любую минуту.

– Ты права, – вздохнула Конфетка. Они повесили свою одежду рядом с одеждой Требора и начали раскладывать вещи, которые принесли, а это оказалось непросто, потому что полок и шкафов было мало.

– Как ты думаешь, он не захочет секса сегодня ночью? – размышляла вслух Конфетка.

– Кто знает, да и пусть, если это сделает его добрее.

– Проклятье, нет даже душа или ванны. Как можно без этого после секса? – простонала Конфетка.

– А я хочу пи-пи, – добавила Веточка. Взяв фонарь, они исследовали дорожку за хижинкой и нашли уборную.

После возвращения Веточка спросила: – Как думаешь, все спят в этой кровати? – показала она на железную койку. – Наверное, так, ведь она здесь одна.

Они услышали шаги и быстро поднялись, чтобы встретить Требора у двери, а их мрачное настроение чудесным образом сменилось на наигранно-приветливое и бодрое.

– Привет, мы ждали вас, – проговорила Веточка. Она понимала, что её слова звучат фальшиво, но ничего веселее не пришло ей в голову. Поведение Требора было учтивым, но не более того. Он держал в руках дополнительные одеяла и спальный мешок.

– И вам тоже привет. Я думаю, что всё это очень непохоже на роскошь, которая вас окружала раньше, но мы вместе постараемся сделать хижину гораздо более уютной. Пока я не построю какую-нибудь перегородку, я натяну провод, и мы повесим простыни или одеяла для создания некоторого уединения, когда вам этого захочется. Завтра поставлю здесь ванну. Правда нам придётся заполнять её старомодным способом – водой, нагретой на печи. Теперь, если вы вдвоём растопите печку и разогреете банку тушёнки, мы сможем немного перекусить перед сном. Завтра я покажу вам, где насос, а сегодня вечером принесу воды. Вон там, в большом тазу, я держу воду для мытья и уборки. –

Он показал на большой оцинкованный таз для стирки. – Питьева вода в ведре с крышкой. Мы строим водопровод, так что в будущем должно стать легче.

Он взял ведро и вышел наружу. Пока девочки разводили огонь, чему они уже научились, послышалось скрипение старомодного ручного насоса.

– Боже мой, да это же дни освоения дикого Запада, – простонала Конфетка.

– Чёрт возьми, Конфетка, мне это нравится не больше, чем тебе, но нытьё никому из нас не поможет.

– О, так вот ты какая, маленькая рабыня Требора? – съязвила Конфетка.

– А что остается делать, – спокойно ответила Веточка.

У Конфетки враждебность быстро прошла:

– Ладно, прости, я думаю, всё это вместе просто меня достало. И вчера наша жизнь была хреновой, а сегодня хуже некуда.

– Я знаю, но мы должны помочь друг другу пройти через это. – Веточка в этот момент оказалась более мужественной или лучше владела собой, чем её подруга.

Позже за ужином Требор сказал им, что медсестра общины придет рано утром, чтобы провести медицинский осмотр. После мытья тарелок он устроил занавес из простыни в одном конце хижины, так что каждая девушка смогла обернуться губкой в относительном уединении. Требор приказал им ложиться на кровать, потому что у него есть спальный мешок, и вообще он привык спать на полу. Они вежливо запротестовали, говоря, что это «его кровать».

– Ариец не может позволить, чтобы женщины спали на полу, а он – на кровати, – ответил Требор. Это произвело на девушек сильное впечатление.

Лёжа в кровати, в самой тёмной из комнат, где они когда-либо бывали, и одновременно самой тихой, Веточка шепнула:

– Ты знаешь, в других обстоятельствах я могла бы полюбить этого парня.

– И я, честно говоря, тоже, – созналась Конфетка, – но мы должны выбраться отсюда. Я так жить не смогу.

– И я.

Погружённые в свои мысли и испытывая потребность в кокаине, девушки с трудом смогли уснуть.

Требору тоже было о чем подумать, лёжа в спальном мешке. Эта часть задачи «похищение жён» оказалась большей проблемой, чем он рассчитывал. Требор сознательно не хотел привязываться к девочкам, пока медицинские испытания не покажут, что они – «хранительницы», «берегини». У Требора не было никаких иллюзий относительно их примирительного отношения. Он понимал, что их улыбки были фальшивыми и вызывались страхом и желанием понравиться ему. Надо было достраивать и переделывать хижину, а также перевоспитывать пленниц. Это непростая задача, но он напомнил себе, что и другие повстанцы Земли Родичей прошли через подобные трудности, так что с этим можно справиться. Требор, как всегда предельно честный с самим собой, просчитал все плюсы и минусы. К плюсам относился секс с этими красотками, который будет несравненно хорош, но об этом пока не стоило и думать. Требор никогда не переставал философски поражаться тому, на что готовы мужчины, чтобы овладеть красивой женщиной, и он признал, что теперь должен включить себя в их число. Ну и хорошо, напомнил он себе: жребий брошен, и теперь слишком поздно менять курс. Как всегда, фаталистическое отношение к тому, что решили богини судьбы Норны, позволило ему отключиться и спокойно уснуть.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

На следующий день было воскресенье 1-ого мая. Ни Конфетка, ни Веточка привыкли месяцами не вставать с постели раньше полудня. Когда настойчивый голос Требора, наконец, разбудил девочек, на рассвете, они были совершенно не расположены «встать и сиять». Отчасти причиной их скверного настроения была ломка — зудящее, настойчивое чувство, которое возникает у наркоманов после отказа от кокаина. Ворчливые голоса девушек звучали грубо и недовольно, пока они полностью не пришли в себя и не вспомнили, где находятся. Но даже после этого девушки не смогли сразу взять себя в руки, чтобы войти в свои роли завоевательниц «расположения» хозяина, которые они так тщательно заучивали прошлым вечером.

Хотя Требор ничего не сказал, но по выражению его лица и интонациям голоса девочки могли судить, что он был недоволен их детским ворчанием. В его голосе слышалось явное неудовольствие, когда он попросил их, «быть любезными, встать и приготовить что-нибудь на завтрак».

– Мне нужно кое-что сделать, но через полчаса я вернусь, — объявил он и оставил девушек подумывать, как восстановить дружеские отношения и свою репутацию.

На высоте более 2000 метров над уровнем моря в Скалистых горах Колорадо рано утром холодно даже в мае. Девочки дрожали, ведь они встали с постели из-под тёплого стёганого одеяла в одних рубашках Требора, которые использовали вместо ночных сорочек.

Веточка попробовала пошутить, когда они надели одежду, которую носили остальные женщины в общине.

– Как тебе понравился раздражённый муж в первое утро, а?

– Не смешно, — ответила Конфетка. — По-существу, он — наш общий муж.

– Да мне просто хочется, чтобы он хоть разок улыбнулся.

– Он и улыбался каждому встречающему на улице вчера вечером.

– Похоже, все здесь его любят, а он любит всех. Только с нами он холоден, — заметила Веточка.

– Ну вот, а теперь кто из нас недоволен?

– Ладно, ты права, давай заставим улыбнуться эту старую каменную физиономию.

Они разделили хозяйственные работы, и пока одна застилала постель, другая разводила огонь в печи. При дневном свете походы в уборную оказались не так уж страшными.

– Боже, как я хочу в душ, — стонала Конфетка.

– Ладно, я думаю, мы можем нагреть воду в чайнике, вылить её в один из тазов и обтереться губкой. Я потру тебе спину, если ты потрёшь мне.

– Это лучше, чем ничего. Я уверена, что наш «муж» не любит женщин, от которых плохо пахнет. — Голос Конфетки был пропитан издёвкой.

– Просто всё это слишком невероятно, — размышляла вслух Веточка. — Ещё вчера мы ничего не знали об этом парне, и вот мы здесь, похищены, вот-вот станем сексуальными рабынями или ещё хрен знает чем, да ещё шутим, что нашим мужем будет убийца.

Во время завтрака Требор снова был учтив, но сдержан. По крайней мере, у него нашёлся повод для разговора.

– Скоро придет Анна, наша медсестра, а на самом деле — наш доктор. Она полностью обследует каждую из вас. Я уйду на некоторое время. Позже мы поедем за покупками, так что вы сможете выбрать всё необходимое, чтобы привести в порядок это жилище и сделать его более удобным. После этого будет праздник Блот и фестиваль Первого мая. Может быть, вы захотите принарядиться по этому случаю. Вам решать.

Медсестра Анна оказалась милой рыжеволосой женщиной лет сорока. Несколько веснушек на носу и щеках делали её ирландские черты ещё более очаровательными. Она тоже была беременна. Вчера девочки видели так много женщин с младенцами в «процессе изготовления», что отчетливо поняли: народ в общине не страдает от недостатка любви и дружбы.

Врачебный подход Анны, если можно так выразиться, был непринужденным и доброжелательным. Девочки свободно говорили и задавали вопросы о медицинских обследованиях и об общине. Они узнали, что благодаря последним достижениям медицинской науки анализы их крови будут готовы через несколько часов.

В ответ на вопросы об их сексуальной жизни, девочки признались, что принимали как специальные антибиотики для профилактики, так и противовирусные лекарства. «На всякий случай», как они выразились, намекая, что имели сексуальных партнеров, в которых не были уверены. После осмотра их носовых каналов Анна не грубо, но твердо сказала: «Больше никакого кокаина».

Анна рассказала девочкам, что Блот – это религиозный обряд, который обычно проводится на открытом воздухе. Она сказала, что такие обряды были введены, чтобы отмечать смену времен года и чтить благородных предков. Они также узнали, что Мэтьюсвилл был назван в честь Роберта Мэтьюса – арийского героя, который был убит, точнее, сожжён заживо, по приказу правительства Соединённых Штатов несколько десятков лет назад.

Медсестра ушла, взяв образцы крови. Девочки закончили мыть тарелки после завтрака в ожидании возвращения их «супруга и повелителя», как Конфетка прозвала Требора. Прошло два часа, а Требор всё не появлялся.

– Давай пойдем гулять, – предложила Веточка.

На улице они почти сразу же встретили девочку лет тринадцати, которая назвалась Фретой и предложила показать им окрестности. Веточка пожаловалась Фрете, что Требор опаздывает, хотя обещал взять их за покупками.

– А, его всегда перехватывают по пути с делами Земли Родичей, – ответила Фрета.

Фрета отвела их к большому зданию, которое служило библиотекой, школой и залом собраний. Она также познакомила их с несколькими женщинами из общины, которые показали интерьеры своих домов. По сравнению со строгим и голым пространством хижины Требора их жилища выглядели почти цивилизованно.

Наконец Требор возвратился, сидя за рулем почти нового грузовика грузоподъемностью около тонны. Обитатели Земли Родичей считали, что, когда подворачивается случай, надо просто красть самое лучшее. – Вы готовы идти за покупками? – спросил он. Девочки изобразили воодушевление и сели в машину, радуясь и одновременно скрывая равнодушие.

Когда машина замедлила движение на мокрой дороге, Требор объявил, что он только что говорил с медсестрой Анной.

– И что? – осведомилась Конфетка.

– Вы обе – «хранительницы» – Требор находился в прекрасном настроении. Конечно, девушки не знали, что его радость была связана с тем, что отрицательный исход обследования означал бы для них смертный приговор.

Вскоре они вновь оказались в разрушенной бомбёжкой деревне у подножия горы.

– Почти половина домов и складов – в руинах, – рассказал Требор. – В остальных ещё осталась полезная домашняя утварь. Выберите, что вам нужно или что может пригодиться для нашего дома. – Ни одна из девочек не пропустила слово «нашего», и вообще им понравился такой новый способ покупок.

Скоро посуда, стулья, шкафчики, кушетка, зеркала, ванна и другие приобретения переполнили грузовик, и Требор призвал девочек умерить аппетит, сказав, что при необходимости они смогут снова вернуться сюда.

Девочки энергично и с творческой фантазией принялись за обустройство своего нового дома, создавая менее суровую обстановку и рассчитывая наилучшим образом использовать ситуацию. Но не успели они всё закончить, как Требор прервал их хлопоты, предложив начать готовиться к вечернему празднику Блот и развлечениям. Естественно, у девочек появились вопросы о том, что за праздник отмечается, и что им можно надеть.

– Первое мая – праздник плодородия. Большинство женщин одевается немного вызывающе, подчеркивая, так сказать, свои достоинства, – пояснил Требор. И добавил: – Конечно, не должно быть ничего похожего на одежду двух девочек из Дворца Сида.

Никто из них ещё не знал, что Эрик и Требор видели их представление в Порнодворце.

– Вы видели нас там?! – вырвалось у Конфетки.

– Да.

– И Вы всё же выбрали нас в подруги?

– Я решил, что вы демонстрируете свои прелести скрелингам в последний раз, – сказал Требор с обезоруживающей улыбкой.

– Скрелингам? – Веточка произнесла это слово с вопросительной интонацией.

– Это все небелые люди, – ответил он.

– А, значит, всё произошло не потому что мы завели Вас, или Вы захотели заняться с нами любовью? – Конфетка казалась немножко разочарованной, как будто не могла поверить, что кто-то может и не считать её неотразимой. Ей и Веточке уже было любопытно, почему Требор пока ни разу не воспользовался их пленом в своих интересах. Большинство мужчин при первой возможности начали бы их тискать.

– О нет, вы были чертовски завлекательны, но я уже говорил, что секс и любовь – разные вещи. Очень хорошо, если они совпадают.

– Да, так что же мы должны надеть на этот праздник? – спросила Веточка.

– У вас множество одежды, которые вы только что «купили». Я уверен, что там найдется что-нибудь подходящее. На прошлое Первое мая я видел расклешённые юбки, мини-юбки, короткие блузки, кажется, вы так это называете. У вас нет времени что-нибудь сшить и придумать, как делает большинство женщин, но я уверен, что у вас всё прекрасно получится.

Удивительно, как новые условия жизни отражаются на поведении людей, размышлял Требор, пока девочки выбирали наряды, примеряя их за парой натянутых простыней, служащих временной перегородкой. Они вели себя со всей скромностью, полностью противоположной дерзкому презрению к общепринятым нормам, которое он и Эрик наблюдали вчера.

Вскоре девочки предстали перед ним в юбках свободного покроя чуть выше колена и в блузках, плотно облегающих их стройные фигурки. Они спросили, «подойдет ли это?»

– Хороший выбор для кадрили, – одобрил Требор. Обе девочки слышали о кадрили, но ни одна не умела её танцевать. На территории ЗОГа все танцы, обычные для Белых людей столетием ранее, или не поощрялись, или были запрещены как «расистские».

На открытом воздухе по случаю праздника они увидели несколько столов, заставленных угощениями, приготовленными специально для этого события. Как и все женщины. Веточка и Конфетка оценивающе разглядывали других женщин. Самодельные наряды женской половины были действительно оригинальны и привлекательны. Скроенные на свой вкус, они подчеркивали лучшие черты каждой женщины или то, что больше нравилось её супругу. И при некоторой сдержанности каждая женщина всё-таки смогла подчеркнуть свою женственность.

Детей было в два-три раза больше чем взрослых, и они были самыми послушными детьми, которых девочки когда-либо видели, даже притом, что их энергия и любопытство казались безграничными.

По требованию мужчины, которого звали Готти, вся община образовала круг. Готти держал в одной руке странный предмет. Он был покрыт непонятными знаками.

– Что это такое, и что на этой штуке? – тихо спросила Конфетка. Она стояла с одного боку Требора.

– Это – обрядовый молот Тора, а на нем – руны, – прошептал он в ответ.

Веточка вспомнила, что она должна быть столь же хороша или лучше Конфетки, и, решив показать заинтересованность, тоже спросила: – А что такое руны?

– Ну, об этом долго рассказывать. Я позже объясню. Пока просто повторяйте, что Готти говорит, а другие – делают.

После обряда заиграла музыка. Несколько скрипок, аккордеон и гармоника составляли «оркестр». Если музыкантам не хватало мастерства, они с лихвой восполняли его вдохновением. Группа старших детей образовала круг вокруг Майского столба, с лентами в руках. Они начали прыгать, танцевать и бегать вокруг столба, выполняя сложные фигуры с лентами в лад с музыкой. Девочкам очень хотелось понять, что означает это представление.

– Это – праздник плодородия. Столб олицетворяет стоящий мужской фаллос, который оплодотворяет женщину так же, как солнце – землю.

– Какой «фаллос»? Член? – не поняла Веточка.

– Конечно, дурочка, – поддразнила её Конфетка.

– Кого это ты назвала «дурочкой», овца? – огрызнулась Веточка.

– Ну, хватит! – одёрнул их Требор. Девочки хоть и надулись, но перестали препираться, потому что соперничество было запрещено.

Начался пир, и тут девочки сообразили, что они единственные, кто не принес еду. Но Требор успокоил их, сказав, что всё в порядке, и он внёс вклад за их семейство. И снова было отмечено объединяющее их слово.

– Что Вы внесли? – спросила Веточка, вспомнив, что в хижине из еды ничего не было приготовлено.

– Ну, после того, как Эрик получил свою половину, от денег Сида Козна всё ещё оставалось около ста тысяч долларов, так что я отдал половину общине, – пояснил Требор.

– Пятьдесят тысяч наших денег! – охнула Конфетка. Поняв, что она только что сказала, она поправилась, – Я имела в виду Ваши деньги. – Требор усмехнулся с таким тёплым выражением, каким он до сих пор не одаривал девочек, и сказал: – Да, это были наши деньги, но теперь мы не будем тратить в течение долгого времени.

– Я думаю, ведь тут их и негде потратить, – отметила Веточка.

– Ну, можно всегда послать деньги с кем-нибудь, кто едет в договорной город.

– Договорной город?

– Да. По законам ЗОГа торговать с Землей Родичей запрещено, но на практике человеческую природу и жадность не изменишь. На границе Земли Родичей есть города, где за наличные деньги можно купить всё, что угодно. Мы называем их договорными городами.

На празднике был в изобилии самодельный напиток, который, как узнали девочки, назывался медовухой. Требор объяснил, что он изготовлен из забродившего меда. После еды они взяли с собой кружки с медовухой, когда толпа примерно из трёхсот человек разбилась на несколько групп за исключением музыкантов и людей, собравшихся вокруг большого возвышения.

– Ну, давайте потанцуем. – Требор легонько подтолкнул девочек в спину. Он впервые прикоснулся к ним, и они почувствовали собственнический характер этого жеста.

Танец начался с группы любителей, жаждущих показать свое мастерство. У девочек юбки до колена позволяли видеть гибкие обнажённые ноги, когда они подпрыгивали и дефилировали по знаку ведущего танца. Пока они наблюдали за танцем, Требор заметил молодого человека по имени Рагнар, которому вчера исполнилось семнадцать лет.

– Извините, я на минутку, – предупредил он девушек и отошел поговорить с Рагнаром.

Девочки видели, как Требор серьезно побеседовал с Рагнаром, а затем возвратился в сопровождении этого молодого человека.

– Сейчас будет танец новичков, и Рагнар согласился быть партнером одной из вас, хорошо? – Естественно, они согласились, но тут же все встали перед выбором, как разбиться на пары. Рагнар, с учтивостью, которая не вязалась с его молодостью, начал уверять, что не может выбрать одну из двух таких красивых девушек.

– Боюсь, это покажется немного грубоватым, но я предлагаю бросить монетку, – решил проблему Требор. – Если орёл, ты получаешь Конфетку, а если решка, то Веточку. – Выпала решка.

Веточка подумала про себя, «а ведь эта сучка Конфетка может приручить Требора». Но потом она услышала, как Требор сказал: «Прекрасно, мы можем меняться партнерами в каждом танце». «А он не заводит любимиц», – подумала про себя Конфетка.

Требор редко встречал женщин, которые не могли быстро научиться танцу, и его новые подруги не были исключением. Кроме того, как и почти все женщины, они не могли устоять перед наслаждением музыкой и движением.

Вечер пролетел как несколько минут.

– Было очень здорово, – признала Веточка, когда они возвращались к своей хижине, сделав ударение на прошедшем времени, удивившем даже её самое.

– Конечно, разве нет? – поддержала её Конфетка.

– Вы обе прекрасно выглядели, – запоздало сделал им комплимент Требор, – и более привлекательно, чем когда-нибудь вас видел Сид.

Девочки подумали про себя: странно, что он так говорит, ведь он видел нас, когда мы выступали совершенно голыми.

Дома действие адреналина от танцев постепенно прошло, и девочки почувствовали мертвецкую усталость. Они были на ногах с рассвета, что было для них совершенно ново. Потом добавилось телесное утомление от «посещения магазина», перестановки мебели, и, наконец, праздника.

Требор сказал им, что утром подсоединит слив к ванне, и раскрыл другие планы. Тем временем, девочки застелили две маленьких кровати, которые взяли для себя раньше. И только почти засыпая, обе поняли, что не думали о кокаине целый день.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

На следующее утро Веточка проснулась рано от звонких ударов по железу. Свернувшись калачиком под тёплым стёганым одеялом, она посмотрела на Конфетку, всё ещё спящую в соседней односпальной кровати. Окончательно проснувшись, Веточка поняла, что Требор на улице делает слив для ванны. «Это мой шанс опередить Конфетку», – обрадовалась она.

Встав с кровати, Веточка поправила волосы, надела туфли и, чтобы выглядеть как можно сексуальнее, искусно завязала одну из рубашек Требора, которую надевала вместо ночной рубашки. Не обращая внимания на прохладный воздух перед восходом солнца, она вышла, чтобы найти Требора.

В этот момент он, раздетый по пояс, несмотря на холод, размахивал киркой, копая канаву для сточных вод. Она приняла позу, выставив стройную, красивую ножку, и сказала: «Привет!».

Требор прервал работу, оперся на ручку кирки и, внимательно оглядев Веточку с головы до ног, с широкой усмешкой произнес: «Прекрасно выглядишь для раннего утра».

Всегда готовая заигрывать с мужчинами Веточка кокетливо спросила, что он хочет на завтрак. Требор поднялся из мелкой траншеи, схватил в горсть чёрные локоны Веточки и притянул её к себе, почти как пещерный человек. Она уже была готова к какому-нибудь физическому насилию, но Требор позволил себе лишь слегка коснуться губами её губ в мимолётном и нежном поцелуе, которого Веточка прежде даже не представляла себе. Потом он отпустил её, сорвал один-единственный голубой цветок из множества цветущих повсюду растений и прикрепил его Веточке за ухо.

– Красивый цветок для прелестной женщины, – сказал он. – И я...хочу овсянки с изюмом.

Ошеломленная, Веточка застыла на мгновение молча, пытаясь разобраться в красивых цветах, овсянке и своих чувствах.

–Хорошо? – спросил Требор.

– А? Ну да, отлично, – она запнулась. – Я позову Вас.

Голова Веточки кружилась, когда она вернулась в хижину. Как у столь жестокого человека, в чём она сама убедилась в ту ночь, когда была похищена, могут быть такие благородные манеры? Её душевное смятение усиливала привлекательность жилистого, мускулистого тела Требора. Но ведь есть ещё Конфетка, неужели же придётся делить Требора с ней?

Видимо незаметно для себя Веточка слишком шумно разводила огонь в дровяной печи, чтобы вскипятить воду для кофе и овсянки. Во всяком случае, Конфетка проснулась и оглядела Веточку и комнату.

– Цветок – хороший знак, – произнесла она с каплей зависти в голосе, заметив бутон за ухом Веточки.

– Мне его подарил Требор. – В ответе Веточки прозвучала нотка превосходства.

Конфетка хотела ответить колкостью, но потом сдержала себя. И тут же подумала про себя: «Да, борьба обостряется». Конфетка твёрдо решила не уступать и парировать любые уловки Веточки соблазнить Требора. А пока она выбрала приторно-сладкий и ехидный тон в разговоре с Веточкой, к чему всегда прибегают женщины-соперницы.

– Так-так, и чего ещё мы добились с нашим новым мужем? – спросила Конфетка, вставая с кровати.

– О, он только сказал мне, что хочет на завтрак, ну, и поцеловал меня. – Веточка, как бы задумавшись, нарочно изобразила звук поцелуя.

Скрывая свою злость оттого, что соперница её опередила, Конфетка спросила, что это был за поцелуй.

– Он был необычным, – всё, что смогла придумать в ответ Веточка.

Конфетка изменила тему разговора.

– Хорошо, я думаю, мне нужно «отпустить паучка». Они стали называть походы в уборную словами «отпустить паучка».

– Можно тебя попросить накачать ещё немного воды, когда ты будешь на улице?

Конфетке не понравилась просьба Веточки, но она решила использовать возможность и показать Требору, что она тоже сделала кое-что полезное. Так что она кивнула и вышла через заднюю дверь, поправив причёску, что не осталось незамеченным Веточкой.

Веточка немножко позлорадствовала, но потом, вспомнив крепкую фигуру блондинки и её скандинавскую красоту, решила умножить свои усилия по соблазнению. Мужчины – известные ветренники.

Конфетка приветствовала Требора на его рабочей площадке, где он всё ещё работал киркой и лопатой. Он так же откровенно оглядел её сверху донизу, как раньше Веточку, а затем промычал низким голосом: «Уууу..., прекрасно».

– Вы имеете в виду это? – спросила Конфетка, слегка обнажив красивую стройную ногу. Стоя на два метра ниже неё в траншее, Требор слегка провёл одним пальцем по её красивой икре и сказал: – Нет, ведро, которое ты несёшь.

– Мужчины! – бросила она в ответ, подхватывая его игривое настроение.

– Да, знаешь, я поспорил с Эриком на все мои деньги, что ты – никакая не лесбиянка, – сознался Требор.

– Когда?

– Во время вашего представления во Дворце.

– Да, но как Вы догадались?

– Первое – ты слишком красивая, но сейчас более важно, что я хочу есть. Как там у нас с завтраком?

Конфетка почувствовала, что сексуальная игра была намеренно прервана. Хотя это её огорчило, но вернуть игривое настроение уже не было никакой возможности. Поэтому с наигранной жизнерадостностью Конфетка сообщила Требору, что она идёт за водой, а потом узнает, когда будет готов завтрак.

Качая воду, Конфетка взвесила необычность ситуации. Обычно каждый мужчина буквально умолял её переспать с ним при первой возможности. И всё же Требор, у которого было очевидное право в любой момент, когда он захочет, силой овладеть ею или Веточкой, и который показал себя безжалостным убийцей, не сделал этого. И потом он поцеловал Веточку, а не её. Она подумала про себя: «Не может быть, чтобы я потеряла сексуальную привлекательность в мои двадцать два года».

После завтрака Требор занял девочек ручным трудом, которого им прежде никогда не приходилось выполнять. Сбор камней, их переноска к отводной траншее, и, наконец, повторная засыпка грунтом сливной системы были самой трудной физической работой, которую девочки могли себе вообразить. Тем временем Требор устанавливал раковину в углу их хижин, который служил кухней и прикручивал трубы к ней и к ванне. К концу дня стало ясно, что перегородки в хижине придётся ждать, по крайней мере, ещё день, но зато вечером девочки были вознаграждены долгими, роскошными ваннами. Хижина становилась всё уютнее.

Пока девушки расслабляли свои натруженные мышцы в горячей воде, принесенной в ведрах с печки, Требор ушёл в библиотеку общины. Он возвратился с толстыми книгами для каждой девочки, и попросил их прочитать эти тома от корки до корки и как можно скорее, хотя его просьба была больше похожа на приказ.

После ванны девочки надели привлекательное дамское бельё и купальные халаты, найденные во время поездки в деревню. Потом они продолжили самый откровенный до сих пор разговор с Требором, в то время как он блаженствовал, принимая тёплую ванну. Отвечая на его вопросы, девушки рассказали о своей прежней жизни, детстве, школе и т.д. Как и можно было ожидать, они оказались типичными продуктами «политически корректного» образования, принятого ЗОГ. Подобно большинству немногих молодых Белых женщин, оставшихся вне Земли Родичей, они родились и выросли в сельских общинах. Привлечённые блеском и золотом, которые ожидали последних молодых Белых женщин, они уехали в большой город – Денвер. Там девочки закружились в удовольствиях и были сокрушены наркотиками, которые поставляли Сыны Муспелля или муспелльхеймеры, как Требор называл соплеменников Сида Коэна. Кокаин и другие наркотики для развлечений свободно распространялись на бесконечных вечеринках, на которые приглашали девочек, а когда они пристрастились к наркотикам, им понадобился поставщик. Вот так они и нашли

Сида Козна, а через него познакомились друг с другом. Девушки обнаружили, что у них много общего, и решили жить в одной квартирке с двумя спальнями в Лейквуде, западном пригороде Денвера.

Хотя Веточка была на пару месяцев моложе Конфетки, она была более практичной и осторожной из них двух, а также более «образованной», если можно назвать образованием пропаганду, преподносимую в колледжах ЗОГа. Во всяком случае, Веточка три семестра посещала двухгодичный колледж в восточном Колорадо. Тем временем Конфетка до переезда в Денвер после средней школы оттрубила три года на разных бесперспективных работах в Лимоне в штате Колорадо.

Подобно всем пленницам – а они всё ещё считали себя ими – Конфетка и Веточка упорно трудились, чтобы снискать расположение своего похитителя. Инстинктивно они пытались «расположить» к себе того, кто имел власть над их жизнью и смертью. Конечно, они не могли знать, что убийство Сида Козна было совершенно необычно для истинной природы Требора.

Решив поддержать беседу и зная так называемую «культурную публику», где мужчины любят поговорить о себе, Веточка спросила: «Требор – ваше настоящее имя?»

– Теперь да.

– А как Вы его выбрали?

«Гм, да, можно сказать так. Требор – это имя Роберт, если прочитать его наоборот. Я взял его в честь Роберта Джея Мэтьюса, вождя общества – Ордена «Брудер Швайген» («Безмолвное братство»).

Это вызвало вопросы о том, что собой представляло общество «Брудер Швайген», и как оно повлияло на образование Земли Родичей. Наконец Требор появился из-за простыни, служащей перегородкой между комнатой и ванной. С одним полотенцем вокруг талии, он подошёл к недавно приобретенному шкафу со своей одеждой и натянул трусы и джинсы, продолжая беседу. Конфетка и Веточка с плохо скрываемым интересом наблюдали этот непринужденный показ им своего тела. «Плоский живот», – подумала Веточка. «Хороший зад», – отметила Конфетка. Девушки ругали себя за то, что думают об этом похитителе и убийце, как о мужчине, но в глубине души, каждая из них уже призналась себе, что хотела бы первой разделить постель с этим отважным воином.

На следующий день с помощью девочек Требор закончил главную перегородку, разделяющую бревенчатую хижину пополам, так что теперь три кровати и место для сна находились в одной её части, а другая половина служила гостиной, кухней и, конечно, местом для ванны. Тут Требор объявил, что работу над перегородкой придётся пока приостановить, потому что он с другими мужчинами следующие несколько дней будет помогать Эрику строить хижину.

– А он собирается скоро, м-м, «заполучить» подругу, да? – Конфетка почти сказала «украсть».

– Воля богов, – согласился Требор. Они поняли, что Требор использует эту фразу всякий раз, когда дело бывает связано с риском.

После завтрака Требор посоветовал им начать читать книги, которые он принес, и пообещал вернуться домой к ужину, когда стемнеет.

В сотнях метров за густым лесом девочки вскоре услышали звуки стройки. Они покорно уселись за книги, которые, оказались собранием сочинений мужчин с такими фамилиями, как Ницше, Шпенглер, Роквелл, и других, о которых они никогда в жизни не слышали. Как девочки ни старались сосредоточиться на материале, их мысли всё время рассеивались, и они вернулись к разговору. Подруги воспользовались тем, что они остались одни, чтобы обсудить всё, что у них действительно было на уме.

– Мы должны бежать отсюда, – начала Конфетка.

– Как?

– Но мы наверняка не сможем пройти почти сто километров, когда кругом медведи и пумы.

Всегда практичная Веточка ответила:

– Тогда нам нужно украсть автомобиль, а?

– Они где-то прячут свои автомашины и грузовики, чтобы их нельзя было заметить с воздуха. Насколько я знаю, отсюда не видно ни одной машины, – возразила Конфетка.

Веточка засомневалась:

– Они могут убить нас, если поймают. Я всё время помню, что они сделали с Сидом.

– Да, – размышляла Конфетка, – Ты знаешь, я не жалею об этом мерзавце. Я, правда, устала от его требований и, особенно, от этих частных представлений.

– Я знаю, что ты имеешь в виду, – согласилась Веточка. – Мне уже с трудом верится во все эти вещи, которые мы проделывали для этого жирного маленького извращенца.

– Фактически, мы делали это за кокаин, а не для него, – поправила Конфетка.

– Что бы ты дала за дозу кокаина прямо сейчас? – спросила Веточка.

– Боже, ты говоришь об этом, а мне кажется, что его долго не будет.

Они согласились, что придётся изучить немного из того, что напечатано в этих книгах, пока Требор не вернулся домой.

– Слушай, тут написано, что электрическое освещение изобрёл Белый человек по имени Эдисон, а другой Белый по имени Александр Белл придумал телефон, и Клеопатра была Белой женщиной! – воскликнула Конфетка.

– Нет, мои преподаватели говорили, что это были чёрные.

– Пусть так, но у них здесь, похоже, копии из энциклопедии 1930-х годов, – продолжила Конфетка.

– Да чёрт его знает? Любой может написать книгу. – Мнение Веточки как обычно было сугубо деловым.

Чем больше девушки читали, тем очевиднее становилось, что или эти книги, которые им дал Требор, были полной подделкой, или то, что им преподавали всю жизнь, было ложью. Подруги не могли преодолеть результаты многолетней идеологической обработки, но нужно было угодить их «супругу и повелителю», так что они продолжили чтение.

К этому времени они начали понимать, что нужно готовить для Требора, который был почти полным вегетарианцем, хотя при случае с удовольствием баловался небольшим количеством мяса. Когда он затемно возвратился домой, у девочек был готов ужин. Подобно опытным супругам всего мира, они рассчитывали свои соответствующие дни. Требор с восторгом рассказал об успехах в строительстве хижины Эрика. Стены были уже готовы, пол на месте, а завтра они надеялись закончить крышу, окна и двери. С этого момента окончательная отделка дома будет заботой Эрика. В свою очередь, девочки попробовали удивить его, по их мнению, умными вопросами, по книгам, которые они изучали большую часть дня после обеда.

– После ужина вечером пойдём погуляем, – сказал Требор. – Вы должны увидеть некоторые доказательства правды в этих книгах, и потом есть ещё кое-что, что я хочу показать вам, так как сегодня новолуние и ясная ночь. – Требор чувствовал, что они сомневаются в подлинности книг, которые он дал им прочитать.

– Что такое «новолуние»? – спросила Конфетка.

– Это – противоположность полнолуния. Другими словами, не видно никакой луны.

– А почему это так важно?

– Сами увидите, – только и сказал он.

Надев свитеры, девочки во главе с Требором сначала зашли в здание общины, в библиотеку. Там он показал им учебники, энциклопедии и другие справочники, изданные в промежутки времени с 1850-х по 1930-е годы, в которых было подтверждено всё, что он им рассказывал.

– Как видите, мы в Земле Родичей не имеем никаких возможностей отпечатать и изготовить все эти книги, – объяснил он. Потом Требор развернул карту мира. – Посмотрите на это небольшое государство вот здесь, – произнес он, указывая на Германию.

– Да.

– Это – Германия, небольшое пятнышко размером с один американский штат. Об этой стране ваши преподаватели говорили, что она стремилась завоевать весь мир. Вот в этих справочниках вы можете убедиться, что враги Германия превосходили её по площади в 144 раза. По природным ресурсам – в тысячи раз, и безнадежно много – по численности населения. Другие книги покажут вам, что германцы, позже названные немцами, в течение тысяч лет были защитниками Белой расы от захватчиков из Африки и Азии, таких как мавры и монголы Чингисхана. Чтобы истребить Белую расу, сыны Муспелля сначала должны были уничтожить Германию.

Требор говорил в течение двух часов и при свете керосиновой лампы указывал девочкам на противоречия в политических и религиозных взглядах, под влиянием которых они находились или следовали им всю свою жизнь. Наконец он сказал: – Ладно, этого более чем достаточно, чтобы свернуть вам мозги за один вечер. Пошли, поднимемся на гору.

В самую тёмную ночь, какую девушки когда-либо видели, Требор вёл их несколько сотен метров по вьющейся тропинке. Он знал здесь каждый шаг и предупреждал о препятствиях. Скоро они достигли голой скалы. Все трое вскарабкались на вершину, которая была маленькой ровной площадкой примерно в один квадратный метр, чуть возвышающейся над верхушками деревьев.

Задышавшись от напряжения, Конфетка и Веточка остановились, даже не в силах спросить, зачем они сюда пришли.

И тогда Требор, указывая на небо, сказал: – Смотрите!

Высоко над ними в прозрачном горном воздухе, свободном от загрязнений или отраженного света городов, сияла гигантская панорама вселенной во всём своем великолепном блеске, с миллиардами и миллиардами звёзд, образующих узоры на бархатном чёрном фоне. Млечный путь действительно напоминал белую ленту.

– Великолепно, правда? – спросил Требор.

– Боже мой! Я и не подозревала, что это может так выглядеть, – выдохнула Конфетка.

– И так продолжается, наверное, до бесконечности, на миллионы световых лет дальше того, что мы можем разглядеть невооруженным глазом. Это заставляет человека чувствовать себя совершенно ничтожным, правда? – размышлял вслух Требор.

– Как маленькая козявка, – согласилась Веточка.

– Вы знаете, что в этих галактиках есть спирали, которые описываются такой же математической зависимостью, что и расположение семян подсолнечника и листьев папоротника? – спросил он.

– Нет, а что это означает? – спросила Веточка.

– Это означает, что, когда наши предки, великие арийские философы древности, говорили: «Как наверху, так и внизу», они считали, что мы и мир являемся отражением космического разума, и они были правы.

– Вы имеете в виду Бога? – уточнила Конфетка.

– Я подразумеваю под этим силу и разум вселенной, которую мы называем Богом. То, что для нас, вотанистов, следующих своей истинной вере, символизирует «Отец всего сущего Вотан».

– Я не понимаю. Что Вы подразумеваете под словом «символизирует»? Вотан есть или его нет? – опять спросила Веточка.

– Я думаю, что мы охватили все эзотерические тайны, с которыми можно справиться за один вечер, – усмехнулся Требор, а затем добавил: – Просто подумайте сегодня о величии всего этого, – он снова указал на небеса, – и постарайтесь понять, что, хотя мы ничтожны по размерам, но можем быть невероятно ценными как звенья в вечной цепи судеб.

– Что это значит? – ничего не поняла Конфетка.

Но Требор лишь загадочно обронил: «Однажды вы всё поймёте». Стоя между его новыми подругами, Требор обнимал руками за плечи каждую из девушек, продолжая постепенно развивать их телесную близость. Почти бессознательно каждая из девочек обвила его талию одной рукой, и они все вместе пристально вглядывались в невероятное зрелище в небесах.

И всё же мысли Требора в наибольшей степени были сосредоточены на космосе. Мысли Веточки витали в другом месте. Какой странный мужчина, подумала она в сотый раз, такой сильный, суровый и безжалостный, и одновременно нежный и умный. Да, и желанный. Она чувствовала руку Конфетки рядом со своей рукой там, где они обхватили талию Требора. Можно ли быть счастливой, деля этого мужчину с другой? Нет, сказала себе Веточка, я должна бежать из Земли Родичей. Мысли Конфетки были примерно такими же.

Требор разрушил чары: – Да, рабочие дни начинаются рано. Я предлагаю идти домой.

Перегородка в хижине, делящая заднюю половину их жилья на отдельные спальни, ещё не была достроена. И скоро все трое думали каждый о своем, лёжа в отдельных кроватях на расстоянии вытянутой руки.

– Требор? – Это Веточка позвала его по имени. – Можно мне задать Вам вопрос?

– Почему нет?

– Обещаете не сердиться?

– Нет, – ответил он, – я, наверное, потеряю самообладание. – Но его замечание было явно шутливым.

– Я серьёзно, – настаивала Веточка.

– Хорошо, хорошо, обещаю.

– Женщины здесь не ревнуют, когда у их мужа больше одной жены, я имею в виду «подруги»?

– Почему они должны ревновать?

И Веточка, и Конфетка нашли его ответ разочаровывающим. Конфетка тоже вставила вопрос: – Разве Вы не верите в любовь?

Требор ответил: – Когда у тебя появится второй ребёнок, разве ты будешь меньше любить первого?

– Ну, я должна над этим подумать, – ответила Конфетка.

Веточка была более конкретной.

– Парни спят с двумя или тремя подругами одновременно?

– Боже, женщина, я же вотанист. Как я могу знать? – Снова в его голосе послышался поощряющий юмор.

– А какое отношение к этому у вотаниста?

– Вотанист считает, что не его дело, чем другие занимаются в своих собственных домах.

– Мне это нравится, – сказала Конфетка.

Веточка продолжала настаивать.

– Хорошо, тогда, раз Вы обещали не сердиться, какой секс Вам нравится?

– Хорошо. Да-а-а, тяжёлый вопрос. Позволь мне подумать минутку. – После напряженного размышления он сформулировал такой ответ: – Я полагаю, что есть время для всякого секса, иногда романтического, иногда дикого, иногда нежного, иногда немного фантастического. Чтобы это волновало.

– Мне это нравится, – повторила Конфетка.

– Так, что же Вы тянете с нами? – продолжила Веточка. – Разве мы не возбуждаем Вас?

– Ты думаешь уже время? – Требор имел обыкновение отвечать на вопрос вопросом, что сбывало с толку.

– Время? Как можно это знать?

– Ты знаешь, на мгновение, на вершине горы под звёздами сегодня вечером, я думал, что у нас там что-то началось. У меня было такое чувство – ну, если вы не знаете, это – пустая трата слов. Когда придёт день, и объединятся желание и любовь, я надеюсь, мы всё поймем. Теперь, чёрт возьми, давайте спать.

Сон долго не шёл к Веточке и Конфетке. Их мысли улетели назад к тем невинным дням, когда у них, подростков, любовь и страсть действительно соединялись в девичьих мечтаниях. Задолго до того, как наркотики, лёгкий секс, пьянки и ночная жизнь сделали из них женщин, умудренных жизненным опытом. Что же было реальностью – Земля Родичей, или то, что её обитатели называли ЗОГом? Действительно ли Требор был жестоком убийцей и похитителем или воплощённой девичьей мечтой? Наконец они уснули беспокойным сном.

Основная часть хижины Эрика была закончена на закате следующего дня. По просьбе Требора к обеду девочки приготовили для работников угощение, чтобы отметить это событие. Даже по их относительно равнодушному восприятию бескорыстность и дух товарищества Родичей были удивительны. Эрик со смущённой улыбкой выносил непрерывные грубые шуточки о сексуальных приключениях, которыми он наверняка будет наслаждаться в своем новом доме.

– Они похожи на компанию больших детей, правда? – размышляла вслух Веточка, обращаясь к Конфетке.

– Да, иногда, но в другое время они чертовски серьёзны и опасны.

– Романтичные дураки? – подумала вслух Веточка.

– Я считаю так, но точно нового сорта, ты понимаешь, что я имею в виду? – Конфетка немного блеснула философией.

Они хотели провести большую часть дня, читая предложенные им книги и приготовить вопросы к вечеру. Вместо этого развернулись события, которые привели к очень болезненному уроку для подруг Требора.

В переднюю дверь кто-то постучал, и Конфетка пошла открывать. Зашла молодая девочка Фрета, которая иногда помогала медсестре Анне.

– Анне нужна помощь. – В голосе Фреты слышалось крайнее беспокойство и тревога.

Все вместе они тут же бегом помчались вниз с холма к дому медсестры. Задняя часть хижины Анны представляла собой чистый, хотя и скромно оборудованный пункт первой помощи. Когда они пришли, Анна спешно готовила к операции молодого человека, тело которого, залитое кровью, лежало на столе высотой чуть больше метра.

– Это Браги, – сказала она Требору. Без паузы, не глядя, что за женщины рядом с ним, она приказала: – Вы, быстро снимите с него одежду. – Конфетка и Веточка бросились выполнять приказ.

– Я думаю это лазерная винтовка. Пробит его жилет. Судя по крови, возможно, поврежден или перебит большой сосуд, – сказала Анна, продолжая работать. – Браги принесли Рот и Рик. Они нашли его в первой хижине по пути на Форт-Коллинз. Пока Браги ещё был в сознании, он успел рассказать, что полицейские, которые их остановили, были из Ла-Порты. Он был вместе с Джорджем. Тело Джорджа, уже мёртвого, тоже было в автомобиле.

Анна уже поставила внутривенную капельницу на руку Браги.

– Сейчас я ввела ему болеутоляющий препарат. – Она назвала синтетический наркотик, известный на улицах ЗОГа и среди наркоманов как «Топ», сокращенно от слова «утопия», из-за его эйфористического действия. Фактически «Топ» был голубой мечтой и самым ценным приобретением любого наркомана.

– Сейчас мне надо ввести ему снотворное, но я подумала, что может быть тебе стоит попробовать сначала поговорить с ним, – сказала Анна Требору. Стало ясно, что Браги может не выжить после операции.

Требор взял раненого солдата за левую руку и наклонился поближе.

– Ты слышишь меня, Браги? Это Требор.

Глаза Браги блеснули и открылись, и он попытался ответить, но кровь в горле вызвала приступ кашля.

– Держись, Родич. Поговорим позже, – подбодрил его Требор. Он обратился к Анне, которая показывала Конфетке и Веточке, куда убрать пропитанную кровью одежду, и сказал: – Бесполезно, лучше оперируй его быстрее.

Требор, Анна и Фрета знали, что делать каждому, и тут же занялись анестезией, контролем жизненных показателей и самой операцией. Конфетка и Веточка обменялись понимающими взглядами наркоманок, и каждая, когда никто на них не смотрел, положила в карман по упаковке «Топа». Потом они наблюдали за отчаянной операцией с интересом, который был не совсем притворным.

– Да, разрыв аорты, – услышали они бормотание Анны. «Дай то или это», – показывала она, и Фрета подавала ей хирургические инструменты. Прошёл целый час прежде, чем Анна начала зашивать вскрытую грудь повстанца Земли Родичей.

– В нём много жизненной силы, – проговорил Требор.

– Да, но он потерял страшно много крови, и его организм испытывает сильный шок. Я буду держать его на болеутоляющих и антибиотиках на случай инфекции. Остальное – в руках Норн и его самого. – Как и все Родичи, Анна беспрекословно верила в судьбу.

Требор отослал своих женщин домой и ушёл поговорить с двумя мужчинами, которые привезли Браги.

– Мы ехали за фруктами, – начал один из мужчин по имени Рот. Поездки за свежими фруктами и овощами для общины приходилось проделывать в договорные города.

– Мы нашли Браги и Джорджа в их машине в полукилометре от первой хижины по дороге из Форт-Коллинз. Прежде, чем Браги потерял сознание, он успел сказать мне, что это были полицейские из Ла-Порты, и у них была лазерная винтовка. Он и Джордж выскочили из машины, и Джордж получил полный разряд. Видимо, он умер ещё до того, как упал на землю. Браги разрядил обойму из своей винтовки в автомобиль полицейских, но теперь они, должно быть, носят пуленепробиваемые жилеты. Во всяком случае, у полицейских было достаточно времени на перезарядку лазерной винтовки, чтобы быстро всадить в Браги заряд. Но он сумел втащить тело Джорджа в машину и погнал на запад. Видимо, полицейская машина была повреждена, потому что погони не было. Потом Браги ослабел от потери крови и немного не доехал до хижины. Это всё, что мы знаем.

– Фрукты были их единственным заданием? – спросил Требор.

– Нет, они вели наблюдение за одним профессором из университета штата Колорадо. Я думаю, что это «происшествие» было спланировано заранее.

Требор был почти уверен в том, кто был этот профессор. В этом университете работал «преподаватель» по фамилии Гольдберг, который бывал просто счастлив, когда ему удавалось устроить смешанные браки между скрелингами и немногими Белыми студентками, которые присутствовали у него на занятиях. Одна из подруг Родичей, которая была спасена несколько лет назад, раньше действительно была студенткой у Гольдберга.

– Хорошо, утром я поеду на восток, а вы все, если хотите, можете присоединиться ко мне, – заметил Требор, как бы вскользь, скрывая свои глубокие переживания. Рик и Рот тут же предложили поехать с ним. В Земле Родичей был закон: если ЗОГ убивал одного из повстанцев, то следовало немедленное отмщение, когда за одного своего воина требовалось уничтожить, по крайней мере, двух врагов.

Требор с трудом дошёл до новой хижины Эрика, где молодой солдат как раз готовился идти спать. Услышав о событиях вечера, Эрик также сразу же безоговорочно вызвался пойти с командой мстителей. Они договорились выехать на следующий день, как только появится облачность.

Но дома, к сожалению, Требору отдохнуть не удалось. Как только он добрался до хижины, опять раздался стук в дверь. На сей раз это оказалась Анна. У неё был мрачный вид.

– Браги? – спросил Требор.

– Нет, он всё ещё без сознания. Фрета приглядывает за ним.

– Ну, хорошо. – С явным облегчением сказал Требор.

– Есть ещё кое-что, – с неохотой продолжила Анна.

– Да?

– У меня не хватает двух упаковок болеутоляющего. – Анна медленно произносила слова, полные дурных предзнаменований.

Требор тщательно всё взвесил. Совершенно ясно, что ему не хотелось признать очевидное, но его новые подружки были единственными наркоманками в общине. И у них была возможность украсть эти упаковки.

С печальным смирением в голосе и с грустным выражением лица он спросил у Конфетки и Веточки, которые слышали весь разговор:

– Ну, и где это?

Обе девушки начали громко отрицать, что вообще слышали о пропавшем «Топе». Когда обыск их карманов ничего не дал, они возликовали: «Мы же говорили!» Но когда Требор обыскал ящики шкафа, они поняли, что попались, и их поведение стало примирительным, по крайней мере, внешне. Все наркоманы оправдывают всё, что они делают, чтобы получить наркотики.

Требор возвратил упаковки Анне, говоря: – Я полагаю, это означает, что завтра в первую очередь созывается Тинг.

– Боюсь, что так. – В голосе Анны слышалось сочувствие мучениям Требора.

– Ты должна будешь выступить с обвинениями.

– Да, я знаю, – и с этими словами Анна ушла.

Требор зашёл в спальню и собрал свой спальный мешок с несколькими другими вещами. По пути к выходу он произнес: – Я не хочу оставаться с лгунями и воровками. Завтра вас будут судить на Тинге.

– Что это за «Тинг»? – спросила Конфетка.

– Сбор общины, – кратко ответил Требор.

– Вы знаете, что мы не просили привозить нас сюда, – заявила Веточка с некоторым вызовом и издёвкой в голосе.

Единственным ответом Требора был испепеляющий брезгливый взгляд. Этой ночью он спал на полу в хижине Эрика.

Девочки пребывали в счастливой неизвестности относительно серьёзности их проступка в глазах Родичей-вотанистов. Ложь и кражи действительно были в общине несслыханным делом, отчасти потому, что каждый чувствовал себя членом одной большой семьи с уникальной судьбой, и отчасти потому, что оборона общины требовала единства.

– Засуньте свой чёртов «Тинг» в одно место. Давай сматываться отсюда, – выругалась Конфетка.

– Интересно, как далеко мы уйдем в этом лесу в полночь? – возразила Веточка.

– Маленький вонючий «Топ», а они всполошились, будто наступил конец света. – Конфетку разозлила несправедливость всего этого дела. Веточка согласилась, но объяснила Конфетке, что вызывающее поведение не улучшит положения.

– Он сказал, что Анна должна «выдвинуть обвинения». Этот «Тинг» должен походить на суд, – размышляла Конфетка.

– Ну и что, здесь заправляют делами мужчины. Что они собираются сделать с парой девчонок за кражу болеутоляющего лекарства?

– Да, и мы здесь самые красивые женщины. – Бравата в словах Конфетки показывала на желание заверить друг друга, что в этом деле нет ничего серьёзного, но в глубине души у них теплился страх при воспоминании о последних мгновениях жизни Сида Коэна.

В общем, девочки были довольно встревожены, так что на следующий день они встали рано утром. Рассчитывая повлиять на мужчин, которые по их предположениям должны были их судить, они очень старательно привели в порядок свои прически, нанесли макияж и надушились. Потом они оделись в самую скромную одежду, привычную в общине.

Девушки уже собрались и пили кофе, когда вскоре после восхода солнца появился Требор. Он держался холодно, но они были к этому готовы. Девушки твёрдо усвоили, что внешность женщины является её оружием в жизненной борьбе, и обе были уверены в действии своего оружия там, где дело касалось мужчин.

Их посадили за Требором в первом ряду зала, в том же здании, где находились школа и библиотека, и имелось место для собраний. Смотря на то, как заполняется зал, они отметили, что каждый мужчина пришёл с одной или несколькими подругами. Перед тем как Требор встал и обратился к собранию, в помещении собрались около двадцати мужчин и почти вдвое больше женщин.

– Я потребовал созвать этот Тинг по двум причинам, и обе неприятные, – объявил он. – Во-первых, как большинство из вас знает, вчера полицией ЗОГа был убит наш добрый родич Джордж. Джордж оставил двух подруг и девять детей. Погребальный костер будет сегодня вечером, хотя, конечно, некоторые из нас будут отсутствовать, поскольку мы должны, как обычно, сделать дела на востоке. Я уверен, что все мы будем помогать подругам Джорджа и выразим им своё уважение.

– И, во-вторых, я говорю это с большим сожалением, речь идёт о зле, за которое я сам, по крайней мере, частично несу ответственность, так как я привёл обвиняемых в общину. Анна, пожалуйста, сообщи, как было дело.

Анна поднялась, повернулась лицом к собранию и подробно изложила обвинения в воровстве и лжи. – Это преступление особенно непростительно из-за того, что было украдено, – добавила она. – Этот обезболивающий препарат жизненно важен для раненых воинов Земли Родичей. В момент воровства Браги как раз лежал на операционном столе. Кража лекарства могла обречь других наших героев на боль или смерть. К сожалению, как потерпевшая сторона, я должна просить о серьёзном наказании.

Она села, и началось общее обсуждение.

Требор встал первым, подтвердил всё, что сказала Анна, и затем добавил: – Однако, пожалуйста, примите во внимание, что эти две девушки ещё плохо знакомы с общиной и совершенно не знакомы с нашими законами и их чрезвычайной важностью. Если девушек можно перевоспитать, разве они не будут более ценными для нашего народа живые, а не мёртвые? Тем не менее, пусть свершится воля народа. – И он закончил свое выступление.

Серьёзность положения, в которое попали Веточка и Конфетка, наконец, дошла до них. Ведь речь шла о жизни и смерти, их собственной жизни. В изложении Анны эта кража лекарства у раненных солдат действительно звучала ужасно. Хуже всего было то, что не только мужчины решали их судьбу. Оказалось, что каждая семья имеет один голос при принятии решений «Тинга». Глава семьи голосовал, но лишь после совета со своей подругой или подругами. Кроме того, что мужчины, похоже, прислушивались к мнению своих подруг, но и выступающие женщины были едины в своем осуждении. Девушки слышали, как одна женщина точно выразила это мнение: «Если бы мой муж или сын остались без лекарства из-за вора в общине, я была бы безжалостна».

Горячие споры продолжались более двух часов прежде, чем было принято решение. В соответствии с обычным порядком потерпевшая сторона, – в данном случае, Анна, – зачитала приговор. Чётким, мрачным голосом она объявила: «Конфетка, будущая подруга Требора, и Веточка, будущая подруга Требора, по решению Тинга вы объявляетесь воровками и лгунями. За это назначается следующее наказание: вас разденут донага и выпорют на виду всей общины. Повторное нарушение заслуживает высшей меры наказания».

– Однако, поскольку вы плохо знакомы с общиной, и из уважения к Требору, мы считаем неподходящим, чтобы вас раздели на глазах мужчин – членов общины. Поэтому вас накажут в этом зале женщины и только в присутствии женщин.

– Знайте, что вас наказывают не по злему умыслу. Те, у кого нет совести, должны просто следовать правилам, необходимым для выживания народа и общины, из страха перед болью.

Мужчины все, как один, поднялись и вышли из зала. В один момент Конфетка и Веточка оказались голыми, а руки их связаны над головой. Никакие мольбы, обещания, слёзы, а позже и крики, их не спасли. Одна из женщин, отвечающих за дисциплину, сказала: «Слёзы вам не помогут, воровки! Эти уловки действуют только на мужчин».

Позже, когда девушки приковыляли назад в хижину Требора, неся в руках одежду, потому что любое прикосновение к рубцам на теле было слишком болезненным, в их ушах ещё звучали последние слова, которые они слышали.

– Разве наркотики, ложь и воровство стоят этого позора? Стоит ли из-за них умирать?

К счастью, в хижине их хотя бы не ждали обвиняющие взгляды или слова Требора. Его уже не было дома. На кухонном столе лежала короткая записка, которая гласила: «С прошлым покончено. Будущее каждый творит сам. Поступайте правильно. Если пожелают Боги, я вернусь через три дня».

– И что теперь? – спросила Конфетка.

– Я не знаю. Боже мой, я думала, что умру. Я и не знала, что человеку может быть так больно.

– И всё ещё больно, – стонала Конфетка.

В этот момент в дверь опять раздался стук. Девочки обменялись испуганными взглядами. Это не мог быть друг, ведь они не знали никого в общине.

Веточка бочком подошла к двери, держа свою одежду перед собой, и приоткрыла её.

– Привет! – Это была Фрета, помощница Анны. – Простите, мне можно войти?

– Ну конечно, – пропустила её Веточка.

– Анна прислала вот это. – Фрета протянула бутылку с зеленовато-синей жидкостью. – Она сказала, что надо смазывать этой мазью ваши больные места несколько раз в день, и это поможет.

– Это прислала Анна? – удилась Веточка, не поверившая, что Анна, которая так красноречиво выступала против них, теперь вдруг проявила о них заботу.

– Конечно, а почему нет? – ответила девочка.

– Хорошо, а ты знаешь, – Веточка запнулась – что случилось сегодня утром?

– Но, – ответила Фрета, – если ребёнок ведёт себя плохо, ему дают по попе. Потом всё это забывают. Вы поступили неправильно, и вас очень сильно отшлёпали, а теперь всё это будет забыто.

– Ты шутишь? Все люди здесь, особенно женщины, ненавидят нас! Теперь мы не сможем снова выйти на улицу.

– Да, правда, – весело ответила девочка. – Но вам лучше намазаться этой мазью и одеться. Я думаю, что к вам придут гости.

Внезапно девушки поняли, как глупо они должны выглядеть, стоя совершенно голыми посреди комнаты, разговаривая с полностью одетой и, конечно, всё понимающей девочкой.

– Ой, спасибо. Садись, а я, вернее, мы сейчас вернёмся. – Веточка взяла мазь. Они с Конфеткой удалились в спальню со всем достоинством, на какое были способны две голые женщины, покрытые кровавыми рубцами от порки.

В задней комнате они стонали, нанося мазь на себя и друг на друга.

– Ой, правда, это помогает, – стонала Конфетка.

– Точно помогает! Удивительно, что это?

– Какая тебе разница? Радуйся, что нам дали эту мазь.

Без особого восторга они начали гадать, кто бы это мог к ним пожаловать.

– Ты знаешь, на всякий случай, мы должны сварить немного кофе, – предложила Веточка. Девочки, надев самую мягкую одежду, которую им удалось найти, вернулись в переднюю комнату.

– Вы обе такие хорошенькие, и я понимаю, почему Требор выбрал именно вас, – сделала им комплимент Фрета.

– Спасибо, Фреточка, но честно говоря, как раз сейчас я не чувствую себя очень хорошенькой, – откровенно ответила ей Веточка.

– И я тоже, – кивнула её подруга.

– Требор оставил записку, что его не будет два-три дня. Ты не знаешь, где он? – спросила Конфетка.

– Конечно, знаю. Он с Эриком, Риком и Росом пошёл на Вали.

– Пошёл на «Вали»?

– Да, так они называют мечь за убитых товарищей. От имени Бога мести Вали.

– Да, и что же делают на Вали? – спросила Веточка.

– Они убивают одного из нас, а мы убиваем двух из них. Они понимают только такой язык.

Небрежная манера, с которой эта совершенно невинная девочка говорила об убийстве, поразила Конфетку и Веточку.

– Просто так пойти и убить кого-то?

– Война есть война, с грабежом и женщинами, достающимися победителям, с рабством или смертью проигравших, – ответила Фрета с пугающей новичков убеждёностью.

Беседу прервала первая, пришедшая после Фреты женщина. Как оказалось, она была одной из многих гостей в этот долгий вечер. Женщины предложили научить девочек шить, огородничать, работать с кожей и многому другому, что они делали в общине. Веточка и Конфетка с парой жён-сестер также сходили засвидетельствовать уважение жёнам погибшего Джорджа. Там они слышали упоминания Асгарда, Валгаллы, Тюра, моста Бифрост и другие слова, которые сбивали их с толку. Жёны-сестры называли себя Сифен и Скади.

– Откуда у вас такие странные имена? – спросила Конфетка.

– И почему каждый, кажется, использует только одно имя? – добавила Веточка.

– Это главным образом имена Богов и Богинь нашего народа, и мы часто принимаем новые имена в Земле Родичей.

– А фамилий нет?

– Ну, есть своеобразные фамилии. Ты – Конфетка Требора, а она – Веточка Требора, – ответила Сифен.

– Я.., можно мне задать тебе ещё один вопрос? – Веточка была чрезвычайно вежлива.

– Ну конечно, – кивнула Сифен.

– Хорошо, мм, сначала, мм, кто является вашим общим мужем – я имею в виду, имя друга?

– Наш друг-муж сам называет себя Болди, отчасти из уважения к богу Бальдру и отчасти в шутку, так как у него длинные красивые волосы.

– Бальдр – Бог?

– Да, Бог лета и солнечного света.

– Так, а кто из вас был первой женой Болди? – спросила Веточка.

– Я, – сказала Скади.

– Разве ты не ревновала, когда он взял ещё одну жену? Ой, я имею в виду подругу!

– Ревновала!? – засмеялась Скади. – Я сама выбрала Сифен и помогла Болди выкрасть её.

– Почему, разве ты не любишь Болди?

– Я люблю этого человека более нежно, чем кого-либо другого на Мидгард (земле), кроме, может быть, наших детей, – ответила Скади.

– Я тоже, – как эхо повторила Сифен.

В то время как Конфетка и Веточка обучались жизни на новом месте в Земле Родичей, в нескольких милях оттуда, двигаясь почти прямо на восток, четыре Родича вели два своих седана через колеи и выбоины на тропах и дорогах. Разговоров было мало, поскольку каждый из мужчин был занят мыслями об убитых товарищах и мести. Так что они обменивались только короткими деловыми репликами.

Требор, который вёл передний автомобиль, сказал:

– Мы должны достать несколько этих лазерных винтовок. Я слышал, что они могут сбить вертолёт или низколетящий самолёт.

– Ну, старина, если в каждой общине Земли Родичей будет одна из таких винтовок, наша жизнь станет легче, – сказал Эрик с жаром.

– Хорошо, мы попробуем. Для этого и нужен болторез. – Они считали, что лазерные винтовки привинчивают болтами в сейфах полицейских машин так же, как это делалось с дробовиками.

Позади них за рулем второго автомобиля сидел Рос, здоровенный мужчина лет сорока. Обращаясь к Рику, стройному блондину, по крайней мере, лет на двадцать лет моложе него, он размышлял вслух:

– Лазерные винтовки для местных полицейских – это новость.

– Ну, я слышал, что в полицейском отделе одни скрелинги, если не считать нескольких белых женщин. Думаю, ЗОГ считает безопасным делом доверять новое оружие расовым врагам нашего народа.

Население Ла-Порты, когда-то маленького пригорода Форт-Коллинз, теперь достигло ста тысяч человек, а он всё расползлся на север и запад. Западная граница пригорода была всего в нескольких минутах езды от гор и территории Земли Родичей. Население пригорода на девяносто процентов состояло из мексиканцев, а остальные десять процентов приходились на смесь из нескольких рас, но полицейский отдел был мексиканским, по крайней мере, на девяносто девять процентов.

– Как думаешь, Браги выкарабкается? – спросил Рик.

– Сомневаюсь, но шанс у него есть. Когда мы уезжали, он дышал спокойно.

– Если он не выживет, я снова пойду на Вали в следующий раз, – поклялся Рик.

Браги был ровесником Рика и его близким другом.

– Неумно идти на горячую голову, – предостерег Рос.

– Ты прав, я сначала остыну, – согласился младший повстанец.

К сумеркам они были в первой хижине, где Джордж и Браги были днем раньше. С близлежащего выступа были видны бесконечные огни Передового хребта. С севера Форт-Коллинза до юга Колорадо-Спрингс весь Передовой хребет стал одним длинным городом, сто миль в длину и в некоторых местах до пятидесяти миль в ширину. По размерам и населению он напоминал Мехико.

От своих осведомителей повстанцы знали об одной пончиковой в западной части Ла-Порты, куда полицейские часто заходили выпить кофе. Повстанцы просили своих Богов, чтобы для некоторых скрелингов-полицейских этот кофе оказался последним в жизни.

Мстители оставили один замаскированный автомобиль у хижины, а затем медленно поползли вниз последние десять миль до границы территории ЗОГа. Их седан был загружен «под завязку»: четверо мужчин, винтовки, рюкзаки и, на всякий случай, болторез. К девяти часам они с невинным видом расположились в переулке, из которого просматривалась автостоянка у пончиковой. Прошло больше часа, когда появился полицейский автомобиль. Из него вышли загорелый мексиканец и толстая белая женщина, оба одетые в кричащую форму, разработанную муниципалитетом скрелингов в Ла-Порте, и вразвалку пошли в пончиковую.

– Рик, сходи на разведку.

Рик меньше всех был похож на повстанца, и его отправили пройти мимо полицейского автомобиля и посмотреть, не заперта ли внутри лазерная винтовка. Как только Рик открыл свою дверь, Требор схватил его за руку.

– Нет, подожди. – Второй полицейский автомобиль въехал на стоянку и припарковался, и из него вышли мексиканские полицейские. – Давай, попробуй ещё раз, – скомандовал Требор.

Минуту спустя Рик возвратился.

– Норны с нами. Есть разное оружие, которое я не знаю. Оно прикреплено к приборной панели, и толстая шлюха даже не закрыла двери. Если сигнализация не включена, я попробую вытащить какое-нибудь оружие из их автомобиля, пока они не вышли.

– Ну, если мы собираемся уничтожить всех четырёх, это вряд ли удастся сделать без шума, – сказал Требор. – Бьём, хватаем и бежим. Рик, ты и Эрик, идите к автомобилям. Посмотрите, не сможете ли вы тихо вытащить первое ружьё. Если сигнализация отключена, Рос и я немедленно уничтожаем полицейских. Они всё время будут у нас под прицелом через окно. Если вы без шума вытащите первое ружьё, дайте знак. После этого мы уничтожим полицейских. А вы тогда прострелите окна другой машины, если она закрыта, вытащите ружьё, и мы уходим. Максимум тридцать секунд. Всё понятно?

Все кивнули.

Как назло, на первой полицейской машине была включена сигнализация, хотя снаружи ничего не было слышно. Очевидно, в карманных рациях полицейских зазвучал сигнал тревоги, потому что как только Рик открыл дверь их машины, все четверо полицейских уставились на него через окно.

– Огонь! – крикнул Требор.

Пули пробили переднюю витрину пончиковой и как золотые пчёлы впелись в головы и тела врагов, уже падающих и разлетающихся в разные стороны. Все четверо полицейских с выходными пулевыми отверстиями величиной с кулак замятво упали на пол. Покупатели и работники магазина закричали и попадали на пол, но Рик и Эрик спокойно продолжили свою работу. Пока Рик вытаскивал оружие из первой машины с помощью болтореза, Эрик вытащил свой пистолет и несколькими выстрелами выбил боковое окно другого автомобиля со стороны водителя. Он открыл дверь и дождался, пока Рик не подошёл с болторезом и оружием в другой руке. Ещё десять секунд, и они рванули к своей машине, завладев двумя драгоценными лазерными винтовками.

Не было никакого смысла выезжать из города по окольной дороге. В считанные минуты главные дороги будут перекрыты по всем направлениям. На максимально возможной скорости без явного нарушения ограничений они понеслись прямо на запад, считая минуты до границ Земли Родичей. Через две мили хорошего шоссе и ещё две мили разбитого шоссе по Земле Родичей перед входом в густой лес Рик доложил с заднего места: «Погоня на машинах, до четырёх единиц, с включёнными фарами. Газуй!».

Требор втопил педаль газа в пол, и мощный двигатель их тщательно отобранного седана ответил резким рывком вперёд. Повстанцы пролетели последние две мили шоссе на скорости больше ста

пятидесяти километров в час, а автомобили погони всё ещё отставали, по крайней мере, на километр. В конце заброшенной дороги Требору пришлось снизить скорость до пятнадцати – двадцати километров в час, лавируя между выбоинами, насколько позволяли фары, но он не волновался о машинах погони. У них были такие же проблемы.

– Следите за вертолётами, ребята.

Опустив стекла, три остальных пассажира высунули головы и смотрели вперёд и назад.

Всего в нескольких сотнях метров впереди Требор увидел первые деревья, которые означали безопасность. Внезапно Рик закричал: – Вертушка, прямо сзади, в километре!

– Никаких шансов уйти, – подумал Требор. – Он уже навёл на нас ракеты.

Деревья были уже на расстоянии меньше ста метров.

– Взять рюкзаки, оружие, и лазерные винтовки! – громко скомандовал он. – Уходим! – Требор ударил по тормозам, и все четыре диверсанта, согнувшись, рванули к деревьям со всей скоростью, на какую были способны их ноги с тем грузом, который они несли. Позади них второй пилот вертолёта нажал кнопку пуска, и ракета, захватившая в прицел горячий выхлоп автомобиля, ревя понеслась к цели на скорости шестьсот километров в час.

Едва диверсанты достигли опушки леса, раздался страшный взрыв: их машина буквально испарилась от мощной взрывчатки. Воины Земли Родичей на минуту перевели дух, а затем начали перевязывать свои рюкзаки.

– Ух, близко, – выдохнул Рос.

– Охрененно близко, – согласился Эрик.

– А эта проклятая вертушка ещё здесь, – заметил Рик.

– Она точно здесь? – пробормотал Требор, и в его глазах мелькнула какая-то мысль. – Дай-ка я гляну на одну из этих лазерных винтовок. – Как все подпольщики, Требор читал любую литературу об оружии ЗОГа, появляющуюся в открытой печати и закрытые данные, которые удавалось выкрасть. Через мгновение он зарядил винтовку.

Используя ветку дерева как опору, Требор навёл прицел на топливный бак вертолёта, который кружил над горящими обломками их машины.

– Адиос, я надеюсь, – пробормотал он и нажал спусковой крючок.

Лазерный луч пробил в топливном баке вертолёта отверстие размером с карандаш. За доли секунды металл накалился докрасна и поджёг пары в баке. Сверкнула вспышка, и раздался грохот взрыва, а потом слышался лишь треск обломков, дождём падающих с неба и приближающийся вой сирен.

– Вот вам за Браги, – мстительно подумал Требор.

Повстанцы без привала начали десятимильный подъём к хижине и второму автомобилю. Из-за труднопроходимой местности и необходимости следить за появлением самолётов ЗОГ, на это требовалось много времени, но никто не жаловался.

Между тем на западе в Мэтьювилле, на расстоянии менее восьмидесяти километров по прямой, новые жёны Требора около десяти часов вечера попытались лечь спать, но, несмотря на лекарство Анны, им всё ещё было очень больно. Девушки никак не могли уснуть, и вместо этого говорили друг с другом.

– Давай будем честными перед самими собой, – начала думать вслух Веточка. – Ясно, что никому не удастся убежать из Земли Родичей, так что мы должны постараться выпутаться из этой истории наилучшим образом. В глазах Родичей мы – лживые воровки и наркоманки. Если бы Требор не убедил народ дать нам время, как новеньким, нас уже могло не быть в живых.

– Да, но ведь он нас насильно похитил! – прервала её Конфетка.

– Это теперь неважно. Придётся играть картами, которые у нас на руках. Каждый здесь говорит о судьбе, даже на тех похоронах или как это у них называется.

Немного ранее вместе со всеми членами общины они наблюдали, как далеко внизу в долине разгорался огонь. Как объяснила им Фрета, это был погребальный костёр. «Джордж на пути в

Валгаллу. Он избежал соломенной смерти». Так девушки узнали, что соломенная смерть означает смерть мужчины в кровати, а не в сражении.

– Так или иначе, Требор – один из их героев и, по существу, – наш хозяин.

– Да.

– Ну, тогда мы должны сделать то, что всегда делали женщины, а?

– Я понимаю, – ответила Конфетка, всё ещё не понимая, к чему клонит Веточка.

– Я имею в виду, что если все любят Требора, его можно убедить, что он любит нас, а мы любим его, верно?

– Он – большая рыба в маленьком пруду?

– В единственном пруду, – ответила Веточка.

Конфетка согласилась, что в этой идее есть смысл. – Но, – напомнила она Веточке, – сейчас в глазах Требора мы хуже кучки дерьма.

– Может быть, но скажи, встречались ли тебе какие-нибудь мужики, которых ты не могла бы соблазнить, если бы захотела?

– Ну, немного, если вообще такие были, – согласилась или похвасталась Конфетка.

– Мне тоже не встречались, и против нас двоих он не имеет никаких шансов. Ты можешь представить парня, который не захотел бы двух красивых женщин?

– Обычно они все хотят, – согласилась Конфетка, а потом спросила: – Ну и какой у тебя план?

– Что самое важное для Требора?

– Пожалуй, эта община.

– Правильно. Давай с этого момента убеждать его, что она важна и для нас. Он должен попасться на этот крючок.

– Угу, я согласна. В этом есть смысл, а как насчет секса? Ведь это то, что точно нужно всем мужикам.

– Мы должны узнать то, что он любит, и закрутим ему голову, вот и всё.

– Легко сказать, но я чувствую, что Требор отличается от всех мужиков, которых мы знали прежде. Кажется, у него есть какая-то романтическая мечта или что-то вроде этого.

– Может и так, – согласилась Веточка, – но вспомни, что он решил похитить нас, когда смотрел на наше представление во Дворце. Вся романтика и весь здравый смысл вылетают в трубу, когда мужик озабочен.

– Ну, если он воображает что-то романтическое о нас, он делает большую ошибку. В конце концов, он знает, кто мы на самом деле.

– Ты что имеешь в виду под словами «кто мы на самом деле»? – взъерошилась Веточка.

– Мы – пара стриптизёрш, подсевших на наркотики, лгуны и воровки, и он это знает. – Конфетка разошлась в угаре самокритики.

– Ты говори про себя, – разозлилась Веточка. Она почувствовала себя неприятно задетой, и, пытаясь найти положение, которое не причиняло бы боль, обиженно замолчала.

Почти целый час в чёрной как смоль темноте стояла полная тишина. Потом голос Веточки нарушил мрачное молчание: – Конфетка, ты не спишь?

– Нет.

– Я тоже – наркоманка, шлюха, лгунья и воровка.

Конфетка минутку обдумывала это признание.

– Мир?

– Мир.

– Думаю, что я сегодня не усну, а ты?

– И у меня ни в одном глазу, – призналась Веточка.

– Хочешь встать и выпить чаю или ещё что-нибудь сделать?

– Неплохо бы. Лучше пусть наши зады болят от сидения, чем всё тело.

– Да, и давай намажем побольше волшебной мази Анны, – предложила Конфетка.

– Хорошо, я возьму лампу и зажгу её.

Вскоре они сидели на кухне, пили чай и впервые в жизни были честны перед самими собой и друг перед другом. Они, наконец, сообразили, что не нужно ничего из себя строить, когда сидишь абсолютно голый из-за того, что твоё тело покрыто ноющими рубцами от порки, полученной за ложь и воровство.

– А ты понимаешь, что от нас ждут младенцев? – спросила Веточка.

– Знаешь, в глубине души я всегда хотела когда-нибудь стать матерью, а ты?

– И я тоже. Я слышала, что здесь все женщины кормят грудью несколько лет. У меня будут такие же большие груди, как у тебя, – предположила Веточка.

– Ну, они у тебя не такие уж маленькие. Я всегда хотела, чтобы у меня был твой размер.

– Это забавно. А мне всегда хотелось иметь такую большую грудь как у тебя, – ехидно хихикнула Веточка.

– Мне кажется, что грудничкам всё равно, лишь бы в них было молоко, а?

– Да. Теперь вопрос, что нравится Требору? – Веточка тут же пожалела о своих словах. – Прости, я не хотела начать соревнование.

– Это хорошо, – заверила её Конфетка. – Мы должны избежать любой ревности, хотя я всё ещё не понимаю, как этим женщинам удается справиться с ней.

– Я думаю, что они любят друг друга, – размышляла Веточка. Затем, заметив пристальный вопросительный взгляд Конфетки, она поспешила добавить: – Я не имела в виду это, я думаю..это похоже... – она искала слово. – Я просто не знаю, как сказать, но ты ведь меня понимаешь.

– Я никогда не могла любить тебя в этом смысле, – сказала Конфетка.

– О?

– Ты очень хорошенькая, с тобой трудно соперничать.

Успокоенная Веточка ответила: – Ты гораздо сексуальнее меня. – Такие признания женщины обычно делают друг другу с иронией, саркастически или в насмешку, и поэтому обе девушки после этих слов чувствовали себя смущёнными.

– Хорошо, что Требор не слышит двух голых женщин, признающих друг другу в симпатии. Он решил бы, что мы, правда, лесбиянки, а? – рассмеялась Конфетка, снимая неловкость момента.

Беседа становилась отрывочной, поскольку страшная усталость навалилась на обеих девушек. И внезапно раздался стук во входную дверь.

– Чёрт! Уже два часа утра! – воскликнула Конфетка.

Веточка подбежала к двери и спросила: – Кто там?

– Уолф, – прозвучал приглушенный голос. – Я увидел у вас свет и подумал, что вы захотите услышать новости о Вали.

– Уолф? Уолф? – спросила Веточка Конфетку. – Кто этот Уолф?

– Наверное, это тот одноногий парень, который дежурит в радиорубке в ночную смену.

– Да, я помню. Минутку, – ответила она через дверь. Обе девушки быстро надели купальные халаты. Веточка открыла дверь.

– Я слышал новости, переданные радиостанцией ЗОГа из Форт-Коллинза, – сказал Уолф, не делая никаких попыток войти.

– Хорошо, входите, – посторонилась Веточка.

– Это было бы нехорошо, слишком поздно, да и Требора нет, – пояснил Уолф. – Я только хотел сказать вам, что наши мужчины, видимо, в безопасности, и их набег был успешным.

– Спасибо, Уолф. Это важные новости.

– Пожалуйста. Спокойной ночи, – и Уолф поковылял прочь на своих костылях.

– Это было очень любезно с его стороны, – заметила Конфетка.

– Да, отчасти потому, что мы – жёны Требора, мне кажется.

– Ты думала о том, что случится с нами, если Требора убьют во время одного из его походов? – спросила Веточка.

– Даже думать не хочу. Давай ложиться спать.

В спальне Веточка удивила Конфетку, сказав: – Давай спать в кровати Требора, пока он не вернется домой, а?

– Почему?

– Просто потому что, ну я не знаю, просто потому, что это его кровать.

– Вроде привыкания к ней?

– Да, наверно.

– Ладно, согласна.

Они ещё раз смазали себя и друг друга мазью и обнажённые осторожно скользнули под простыни.

– Спорю, если бы Требор знал, что мы обе были в его кровати, как сейчас, он бы так не стремился играть в войнушку, – рискнула заметить Конфетка.

– Надеюсь, но я чувствую, что Требор – один из тех людей, кто исполняет свой долг до конца.

– Наверно ты права. Давай немного вздремнём. – На сей раз, несмотря на боль, они немедленно уснули.

Тем временем, пока не рассвело, четыре воина Земли Родичей в кромешной тьме упорно прокладывали путь через труднопроходимый подлесок, всё выше и выше и на запад. Наконец на рассвете они стали на привал.

– На этот район наведены спутники наблюдения. Отдыхаем, пока днем не появится облачность, – решил Требор.

Из своих пайков неприкосновенного запаса повстанцы приготовили еду и счастливо растянулись на кроватях из сосновых игл, укрывшись под густыми ветвями елей и сосен. В одно мгновение все, кроме назначенного часового, уснули беспробудным сном мужчин, которые сильно устали после хорошо проделанной работы.

Несколько часов спустя воины продолжили поход, чувствуя себя удивительно свежими и горя желанием побыстрее добраться домой, где они смогут удивить своих близких рассказами о вчерашних подвигах. Если бы их автомобиль не был уничтожен, они были бы дома в начале дня или не позже полудня в зависимости от облачности.

А в Мэтьюсвилле Уолф рассказал всем, что он узнал о набеге, но, конечно, все понимали, что радио ЗОГа часто передает наглуго пропагандистскую ложь. И к полудню много народу, особенно близкие друзья и родственники участников похода, украдкой бросали беспокойные взгляды в долину внизу в поисках признаков появления машины.

Конфетка и Веточка обнаружили, что они испытывают точно такие же чувства, как и все остальные. Теперь, когда они поняли, что их судьбы тесно переплелись с судьбой Требора, а все их планы на будущее зависят от его счастливого возвращения.

Сифен пригласила девушек помочь прополоть сорняки и полить сад общины и заметила, что они время от времени бросают взгляды вниз на дорогу.

– Лучше всего привыкнуть к этому. Они или возвращаются или не возвращаются, – посоветовала Сифен.

– Это всегда так, да? – спросила Веточка.

– Большинство женщин здесь каждый год проводит несколько дней или даже несколько недель в ожидании, задаваясь вопросом, вернутся ли их мужья обратно.

– Боже мой, и как вы можете так жить? – спросила Конфетка.

– Я считаю, что раз нет другого способа остановить умышленное убийство нашей расы сынами Муспелля, то у нас нет выбора, – ответила Сифен.

– Неудивительно, что вы так любите своих мужчин. Ведь каждый день для них может стать последним, – заключила Веточка.

– Это правда, – согласилась Сифен. – Но не только. Наши мужья – настоящие отважные мужчины, и они раз за разом снова и снова рискуют жизнями, пока живы. Нет ничего лучше любви настоящего мужчины.

Сравнение сильного поджарого тела Требора и отвратительного образа Сида Козна мелькнуло в головах обеих девушек. Веточка подумала о его поцелуе, губах, мягко скользнувших по её губам, а Конфетка вспомнила его палец, скользнувший по её голой лодыжке. Они взглянули друг на друга.

– Мы втрескались, что-ли? – спросила Веточка.

– Боюсь что так, – призналась Конфетка.

Часы тянулись и тянулись, день превратился в вечер, а затем в ночь, и всё ещё не было никаких признаков возвращения воинов. Наконец девушки, обессиленные бессонной ночью и ожиданием, сдались и решили идти спать.

Ещё раз они помогли друг другу нанести мазь Анны на до сих пор болевшие рубцы от ударов и обнажёнными осторожно забрались под простыни.

– Здесь нет никого, кто может сравниться с Требором, чьей женой я захотела бы стать. А ты? – спросила Конфетка.

– Да. Никто с ним не сравнится. Поэтому мне и страшно, а вдруг его убьют?

– Не говори об этом. Мы ведь только что договорились любить его вдвоём, – почти простонала Конфетка. Потом, посчитав слово «любовь» неподходящим, она исправилась: – Я имела в виду, быть настоящими жёнами.

– Ты думаешь, что это любовь? – прошептала Веточка.

– Кто знает? Было бы хорошо, если бы он относился к нам, как эти парни относятся к своим жёнам. Даже когда они беременны и с большими животами, они могут сказать, что мужья любят их.

– Спорю, я знаю, что именно поэтому женщины не ревнуют к друг другу. И потому, что мужчины никогда не бросают своих жён и не берут вместо них новых.

– Теперь это имеет смысл, – подтвердила Конфетка и, немного подумав, добавила, – кроме случаев, когда они гибнут.

На этой грустной ноте обе замолчали и вскоре уснули.

В четыре часа утра Требор и его боевые товарищи вернулись в Мэтьюсвилл. Требор устал как никогда и решил не принимать ванну, пока не увидит, что парочка спит в его кровати. При свете мигающей керосиновой лампы он разглядел, что простыни почти сползли с их обнажённых тел с ужасными следами от порки.

В хижине было холодно, так что Требор поправил простыни, а сверху накрыл девушек стёганым одеялом. Потом он возвратился на кухню, развёл огонь в печи и поставил греть воду в ведре. Возможно, горячая ванна освежит его как сон, подумал Требор. Вскоре он смыл грязь и пот после тяжёлого марша и сел выпить кружку медовухи.

Девочки получили суровое наказание, размышлял Требор. Он надеялся, что они хорошо усвоят этот урок. Ведь повторный проступок вполне может стоить им жизни. В общине действовали строгие правила, а выживание требовало безжалостного соблюдения основных законов и кодекса чести.

Требор также должен был признаться самому себе, что в его размышлениях было нечто большее, чем довольно альтруистическое намерение передать потомкам гены девушек и свои собственные. Чем-то они меня тронули, наивного старого дурака, несмотря на их сомнительное прошлое, думал он. Я всегда должен помнить, что они – лгуны и воровки, и к тому же – наркоманки.

Однако перед тем как погасить лампу и лечь на кровать одной из девочек, он долго смотрел на их лица, по-детски умиротворённые во сне. Пять минут спустя Требор уже спал как убитый.

Веточка пробудилась на рассвете, чтобы «отпустить паучка», должно быть из-за чая, выпитого среди ночи. «Ой!» – пробормотала она, из-за того, что из-за движения всё её тело снова пронизала

боль. Но лишь полностью проснувшись, Веточка заметила стёганое одеяло. Неужели Конфетка вставала среди ночи и накрыла их? Она поглядела на подругу, всё ещё спящую рядом с ней, вспомнила ночной разговор и с удивлением не почувствовала никакой вины или затруднений. Наверное, дружба с сестрой-женой возможна, подумала она.

Веточка выскользнула из-под тёплого стёганого одеяла и сунула ноги в шлёпанцы, прежде чем рискнуть пройти по холодному деревянному полу. И только надевая свой халат, она, наконец, увидела Требора в соседней кровати. Веточка долго стояла у его кровати, пристально глядя на его лёгкие каштановые волосы и чёткий скандинавский профиль. «Девушка, а он хорошо скроен и крепко сшит», – сказала она самой себе, выходя на цыпочках из комнаты в уборную.

Позже, собираясь развести огонь в печи на кухне, Веточка почувствовала, что тлеющие угольки ещё горячие. Значит, Требор вернулся домой всего несколько часов назад, сделала она правильный вывод. Поставив чайник на печь, чтобы вскипятить воду, Веточка тихо возвратилась в спальню.

Потом она осторожно растолкала спящую Конфетку. Когда глаза блондинки открылись, первое, что она увидела, было лицо Веточки в нескольких сантиметрах от её лица, с пальцем на губах, подающим знак «тихо». Веточка показала на спящего Требора. Конфетка кивнула в знак понимания и тихо выскользнула из кровати.

Веточка отметила безупречно сложенное тело подруги-блондинки, которое не портили даже шрамы, всё ещё видимые на её коже. «Не ревнуй!», – напомнила она себе. События последних трёх дней промелькнули в её голове. Как стало возможно, что она и Конфетка смогли так быстро измениться?

Когда Веточка ещё раз взглянула на спящего Требора, она опять задалась вопросом о том, что готовит ближайшее будущее ему и его молодому товарищу Эрику...

ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ – СПАСЕНИЕ

Шестнадцатилетняя Дори Джонсон, подобно большинству девочек её возраста, мало думала о прошлом. Молодые устремлены в будущее, а оно представлялось Дори бесконечной вереницей удовольствий и приключений.

Дори, как одну из немногих Белых девочек в её пригородной средней школе, осыпали знаками внимания и просьбами о свиданиях скрелинги всех оттенков и мастей. И лишь изредка с ней пытались завести знакомство застенчивые или робкие Белые мальчики.

К сожалению, Белые мальчики в её школе, и так немногочисленные, были совершенно сбиты с толку пропагандой вечной «вины» Белых, проводимой ЗОГом, и страхом нарушения анти-белых законов. Эти законы использовались для наказания Белых за малейшее отклонение от рабского подобрастия, совершенно не давая Белым ребятам утвердить себя среди школьников. Ну, а природа молодых женщин такова, что забитые мужчины, лишённые всех прав, для них мало привлекательны.

В тот вечер Дори мысленно стояла перед не столь уж редким для неё выбором. С каким парнем пойти на танцы после возвращения домой на уик-энд? Наконец она остановилась на двух возможностях.

Первый парень был развязным негром-старшеклассником, который блистал в баскетбольной команде и болтал на жаргоне. Вторым был мексиканец, дорогая одежда и новый спортивный автомобиль которого были куплены на деньги от продажи наркотиков товарищам-одноклассникам.

Будучи жертвой пропаганды вседозволенности, поощряемой всем обществом, включая преподавателей, Дори, как и большинство девочек в школе, имела эротический опыт общения с обоими полами. Но девушка до сих пор избегала сексуальных контактов с мужчинами, не из-за запретов, а скорее из страха беременности или болезни.

Она давно поняла, что с помощью соблазнения можно управлять мужчинами и применяла это своё оружие без зазрения совести. Дори, которой уделяли мало внимания и мать-алкоголичка, и лживый отец-адвокат, выросла расчётливой, практичной, умной и эгоистичной девушкой. Наркотики, драки и различные сексуальные игры превратились в неотъемлемую часть её жизни.

По-существу, именно непрерывная откровенная болтовня Дори о самой себе ускорила её похищение, которое по планам воинов Земли Родичей должно было произойти позднее. Она доверила одной из подружек своё решение переспать со скрелингом. Подружка, тайная сторонница Родичей, по цепочке передала эти сведения другому соратнику, а тот, в свою очередь, в заданное время послал повстанцам закодированное сообщение на особой радиочастоте.

Уолф, радист, пошёл в хижину Эрика предупредить его, что время не терпит. Эрик в свою очередь поделился новостью с Требором, и они срочно начали готовиться к поездке за Дори.

– Мы не сможем добраться туда до вечера, – сказал Требор.

– Я знаю, но завтра ночью не должно быть никаких проблем. У нас же есть все нужные разведданные. – Эрик был встревожен. Он уже был увлечён, хотя видел только снимок Дори. Конечно, Эрик не мог знать, что за этим милым и невинным личиком скрывается коварное, двуличное и очень расчётливое существо.

Дори жила с родителями в роскошном доме рядом с 18-м участком поля для гольфа загородного клуба к северу от Арвада, пригорода в северо-западных предместьях Денвера. Кроме планов на случай непредвиденных обстоятельств, в голове Эрика многократно и в мельчайших подробностях проигрывались все планы похищения.

На следующий день, пока Требор и Эрик медленно спускались вниз по плохим безлюдным дорогам, Требор рассказал Эрику о проблемах, с которыми он столкнётся в лице озлобленной, испуганной, испорченной и, в общем-то, бесполезной будущей подруги-жены, у которой к тому же мозги до дыр промыты пропагандой ЗОГа.

– Я знаю, знаю, – возражал Эрик, – но ты же сам говоришь, что женщины невероятно легко поддаются влиянию, особенно когда они молоды.

– Это правда, но помни, что эта девочка живёт в роскоши, которая и не снилась даже королям и королевам прошлого. У неё нет совершенно никакого опыта жизни в окружающем мире, и она вообще неспособна на что-нибудь полезное, пока её не научат. И она будет сопротивляться.

Оценка Требора оказалась отрезвляющей, и Эрик несколько часов молча размышлял об этом. После наступления темноты, они снова начали разговаривать, поскольку оказались на территории ЗОГ, но только о деле, подробно обсуждая свои действия и возможное изменение обстановки.

Поле для гольфа загородного клуба было окружено сплошным забором из сетки высотой два с половиной метра. Ворота к подъездной дороге для ремонтных автомобилей и снабжения были расположены в дальнем от дома конце поля. Открыть ворота было для Требора детской забавой. Однако им пришлось оставить автомобиль припаркованным вне поля и пойти к дому родителей Дори пешком, чтобы их не обнаружили рабочие, которые ухаживают за полем, поливают и косят траву на лужайках всю ночь напролёт.

Незадолго до полуночи опытные повстанцы в тёмной одежде и с обычным набором оружия и приспособлений добрались до своей цели – двухэтажного кирпичного дома. Все огни в доме были погашены. Найдя в гараже пару дорогих автомобилей, воины посчитали, что вся семья уже спит, и с радостью обнаружили, что чёрный ход роскошного дома не заперт.

– Кажется, эти богачи чувствуют себя в полной безопасности, – прошептал Эрик.

Требор только хмыкнул в ответ.

Из-за отдалённости в доме было слишком темно, чтобы можно было обследовать его без помощи фонариков, которые они принесли с собой. Разведка первого этажа показала, что людей там нет. Бесшумно скользнув вверх по лестнице на второй этаж, воины увидели там десяток дверей, но все они были закрыты. Было непонятно, какая дверь ведёт в спальню Дори. Было слишком темно, и в комнатах ничего не было видно. Воины достали фонарики. Они могли разбудить хозяев, но приходилось рисковать.

Повстанцы пошептались, стоя в конце прихожей.

– Можно начать здесь с первой двери, – сказал Требор.

– Давай я пойду первый, – рвался вперед Эрик.

– Ладно.

Медленно и тихо Эрик повернул ручку двери первого дверного проема и приоткрыл её. Было темно, хоть глаз коли, и ничего не видно. Внезапно Требор включил фонарик и осветил, как оказалось, какую-то студию или кабинет. В комнате никого не было кроме самих повстанцев. Они вздохнули от разочарования, что придётся повторять эту напряжённую операцию.

Вторая дверь открылась в пустую спальню для гостей. Третья комната оказалась занятой, но, к сожалению, не Дори. Фонарик Требора осветил пару, спящую на огромной кровати. Мужчина, крупный экземпляр лет под пятьдесят, проснулся почти мгновенно, закрывая глаза от света. Он удивленно пробормотал: – Кто вы такие, чёрт побери?!

Эрик щёлкнул выключателем света и закрыл дверь. Теперь оба воина стояли открыто, нацелив пистолеты на кровать. В этот момент женщина проснулась, увидела повстанцев и закричала.

– Заткнись, – предупредил Требор тихим, но угрожающим голосом, направив свой пистолет прямо в искажённое ужасом лицо женщины. Крик резко оборвался.

– Ясно, кого она разбудила. Ты лучше иди, быстрее ищи свою девочку, – посоветовал Требор.

Эрик бросился искать спальню Дори, а Требор начал клейкой лентой связывать родителям лодыжки и запястья. Мать Дори была довольно привлекательной женщиной, несмотря на явные признаки далеко не здорового образа жизни. Дрожащим голосом она спросила: – Что вам нужно?

– Только вашу дочь, – ответил Требор. Он с отвращением увидел выражение облегчения, появившееся на лице женщины. Она должна была знать, какие ужасные судьбы часто ожидали похищенных женщин, но, видимо, её это не заботило, раз собственная драгоценная жизнь была вне опасности.

– Зачем вам наша дочь? – спросил грузный мужчина.

– Чтобы спасти её, – кратко ответил Требор.

– Спасти её?! Спасти от кого?!

– От свиданий и браков с небелыми, – объяснил Требор.

– Но в этом же нет ничего плохого. Мы все равны. Мы не должны быть расистами! – Требор почувствовал тошноту, услышав от этой туши примитивную пропаганду ЗОГа.

Тут вмешалась женщина: – Чёрт возьми, моя старшая дочь замужем за афро-американцем! – Этими словами два расовых предателя невольно подписали себе смертный приговор.

Тем временем Эрик обежал весь зал, открывая двери и щёлкая выключателями. Первые две комнаты были пусты. В третьей он обнаружил, что крик матери действительно разбудил Дори. В руке она держала телефон и набирала номер экстренного вызова полиции. Эрик прыгнул через всю комнату и выбил телефон из её руки.

Они посмотрели друг на друга. Дори, одетая в короткую ночнушку, которая не скрывала её красивые ноги и очертания крепких молодых грудей, представляла собой зрелище, которое взволновало Эрика до глубины души, несмотря на всю напряжённость момента. Дерзкий носик, слегка надутые губки и пара веснушек украшали прелестное личико, обрамлённое волной светло-каштановых волос. Несмотря на ужас в глазах Дори, она была прекрасным воплощением женственности.

А Дори увидела коренастого, но хорошо сложенного, аккуратно постриженного молодого человека, держащего пистолет, который показался ей огромным как пушка.

– Пожалуйста, не убивайте меня, – пробормотала она и запнулась.

Хотя арийская душа Эрика стремилась утешить и приласкать девушку, он знал, что его пленнице нужно будет научиться думать совсем иначе, когда уважение и сострадание будут наградой за службу народу, супругу и семье, а не предоставляться по её требованию или просьбе. Так что, он ответил грубо.

– У тебя одна минута, чтобы одеться. Советую надеть джинсы, свитер и кроссовки.

Когда Дори заколебалась, Эрик начал громко отсчитывать секунды, одновременно указывая на свой пистолет. На счет «десять» Дори бросилась выполнять приказ, слишком напуганная, чтобы думать о впечатлении, которая она производит на повстанца. Эрик не ошибся.

Мгновения спустя Эрик и Дори оказались в дверях спальни, где Требор говорил с её родителями.

– Я буду внизу через минуту, – сказал Требор, показывая, что Эрик должен отвести свою пленницу вниз и ждать. Когда они ушли, Требор обратился к паре на кровати.

– Бесчисленные поколения ваших предков боролись, воевали и умирали, чтобы, сегодня на земле существовала красота, подобная красоте вашей дочери. А вы учили ваших дочерей пачкать их наследие, живя с небелыми. Да свершится праведный суд! – С этими словами Требор двумя быстрыми движениями по очереди перерезал им горло.

Он проклял саму память этих мерзких существ, вытер нож об одеяло, а затем ушёл, чтобы присоединиться к Эрику.

– Извини, юная леди, но мы не можем рисковать, что ты вдруг закричишь, – сказал Требор перед тем, как заклеить липкой лентой рот Дори. Оба воина держали Дори за руки, пока не провели её через тёмное поле для гольфа и не посадили на заднее сиденье машины рядом с Эриком.

Когда Требор повёл автомобиль к Земле Родичей, Эрик снял ленту, закрывающую рот Дори.

– Куда вы меня везёте? – спросила она дрожащим голосом.

– В Землю Родичей, – сообщил ей Эрик.

Как и Конфетка с Веточкой раньше, Дори ещё больше перепугалась, услышав такую новость. Уверенная, что её ожидает судьба хуже быстрой смерти, она выдохнула: – Почему, почему меня?

– Потому у тебя хорошие гены, а мне нужна подруга.

– Это вроде жены? – Дори не смогла скрыть удивление в голосе. Эрик просто кивнул.

– А как насчёт него? – она показала на Требора.

– О, Требор совсем недавно обзавёлся двумя новыми подругами. Не беспокойся, ты ему совершенно не нужна.

– Две жены?

– Да. Тебя это удивляет?

Стараясь не обижать своих похитителей, Дори быстро поняла, что не её дело судить. Теперь, когда оказалось, что её не собираются мучить или убивать, она почувствовала себя достаточно уверенной, чтобы задавать вопросы.

– Видимо я буду вашей женой, а я даже не знаю вашего имени? – осмелилась она спросить.

– Эрик.

– Адски трудное дело ухаживать за девушкой, как Вы думаете? – Дори попыталась пошутить, в душе проклиная дрожь в своём голосе.

Эрик расценил её попытку пошутить в такой ситуации, как проявление храбрости, и это его покорило.

– Надо иметь выдержку, чтобы улыбаться в такой миг, – признал Эрик, подумав про себя, что это совсем неплохо для начала.

– Мне страшно, – внезапно разрыдалась Дори и залилась слезами. «Чёрт побери, я продумал всё, кроме носового платка для плачущей женщины», – подсадовал Эрик. Из мешка с оборудованием он вытащил спортивную шапочку вместо платка и молча подал её своей плачущей пленнице.

Наступила долгая тишина, очень неприятная для Дори, пока они не начали подъём в горы. В голове Дори мелькало множество вопросов, но она не знала, с чего начать, или как такие вопросы будут восприняты. Её чрезвычайно практичный ум уже начал продумывать, как очаровать, совратить или как-то иначе подействовать на её похитителя, пока не представится возможность сбежать.

Наконец она нарушила тишину, сказав Эрику: – Меня зовут Дори.

– Да, я знаю.

– Вы уже знали моё имя?

– Конечно. Я не взял бы в подруги первую попавшуюся девушку.

– Вы шпионили за мной, – удивилась Дори.

– Да, в известном смысле.

– А что, если я не захочу стать Вашей женой?

– А разве у тебя есть выбор? И потом, где это в природе решает женщина? Мужчины борются друг с другом за право произвести потомство, а женщина выбирает победителя. Таким образом, воспроизводятся только лучшие гены.

Дори минутку подумала, а затем рискнула возразить: – Но ведь люди не животные.

– Скажи мне, разве люди – не часть животного мира? – не согласился Эрик.

Подумав, она ответила: – Раньше я об этом не думала.

Остальная часть пути домой в Мэтьюсвилл прошла почти так же, как раньше у Конфетки и Веточки. Требор и Эрик позволили более молодой Дори, которая была на грани психического срыва и физически измотана, хорошо выспаться в хижине, лежащей на полпути домой.

В отличие от Конфетки и Веточки, прибытие Дори в Мэтьюсвилл планировалось заранее, и община подготовилась, чтобы оказать ей гостеприимство. После сбивающего с толку множества поздравлений от дружелюбных незнакомцев, Дори не знала, чувствовать ли себя жертвой похищения или королевской особой. Во всяком случае, вскоре она оказалась в руках двух молодых женщин не намного старше себя. Одна из них, явно беременная, назвалась Шейлой, а её подруга – Линдой.

Линда, у которой на руках был младенец, решительно заявила: – Давай решим твои проблемы с одеждой и всем остальным. – Её предложение было сделано так, что возразить было трудно.

– А как с ним? – Дори показала на Эрика, который был увлечён беседой с группой других мужчин. Ей с трудом верилось, что её похититель не беспокоится о том, где она, и не попытается ли сбежать.

– Не волнуйся, – успокоила её Шейла. – Мы покажем тебе вашу хижину, если он не появится первым.

В складском помещении общины, где ей подобрали и снабдили одеждой и женскими вещами, Дори обнаружила, что эти две девушки сгорают от нетерпения поделиться с ней всей информацией о Земле Родичей, Мэтьюсвилле, Эрике и всем, чем угодно, имеющим к ним отношение.

– Некоторые из молодых девочек немного ревнуют тебя, но не волнуйся, у них это скоро пройдёт, – призналась Линда.

– Ревнуют меня? – не поняла Дори.

– Да, Эрик – действительно выгодный жених, и две-три из них хотели быть его первой подругой.

– Выгодный жених!? Он – выгодный жених? Да он украл меня! – Сарказм во вспышке Дори был тонко замаскирован.

– Ты быстро поймёшь, что была спасена, а не похищена. Я сама поняла, что была спасена, через неделю, – убеждала её Шейла.

– Ты тоже была похищена? – спросила Дори.

– Мы обе были спасены, а не похищены, – подтвердила Линда.

– Вы когда-нибудь пробовали сбежать?

– Куда бежать? Разве Эрик не сказал тебе, что это – последнее место на земле для Белых людей? – терпеливо продолжала Шейла.

– Всего этого сразу слишком много для меня, – воскликнула Дори. – Вчера я была в безопасности в своём доме, а теперь здесь в какой-то дикой местности, где меня принуждают выйти замуж за какого-то незнакомого парня, который просто выкрал меня. Так скажите, мне, чёрт побери, что, нужно прыгнуть в его кровать и заняться с ним любовью уже сегодня ночью?

Шейла усмехнулась. – Кто знает? Я задавала себе этот же вопрос в день моего спасения. Мужчины-Родичи не замечены в дурном обращении с женщинами. Я уверена, что когда ты будешь готова к этому, то и он будет готов.

– Что, если я никогда не буду готова? Я имею в виду, что это не брак, и ни о чём таком я никогда в жизни не слышала.

– Ну, Эрик – красивый мужчина, а ты – здоровая девушка. Вы будете готовы, сгорая от желания и нетерпения в назначенное время, честное слово.

Уверенность Шейлы привела Дори в бешенство, но она посчитала самым умным скрыть свой гнев. Вместо этого она решила больше узнать о своём похитителе.

– Скажите хотя бы, сколько лет этому Эрику?

– Я думаю, что ему лет двадцать пять – двадцать шесть, – ответила Линда.

– Довольно стар для девочки, которой только что исполнилось шестнадцать, как ты считаешь?

– Ни один Родич не имеет право взять подругу и завести детей, пока не докажет народу свою ценность в сражении и не убьёт несколько врагов, – разъяснила Шейла. – Именно поэтому большинство мужчин-Родичей лет на десять-двадцать старше своих подруг. Когда девочка превращается в женщину и начинает «сходить с ума по мальчишкам», это сама природа говорит, что пришло время выходить замуж.

– Ты хочешь сказать, что Эрик – убийца?

– Солдаты убивают своих врагов и врагов своего народа, верно? – спросила Линда.

– Да, я согласна.

– И они по-прежнему любят своих жён и детей, не так ли?

– Да, я думаю так.

– Тогда в чём вопрос?

– Ну, я считаю, что всё это слишком ново и неожиданно, мне надо привыкнуть, – запнулась Дори.

– Пожалуй, это всё, что тебе пока нужно, – сказала Линда, указывая на большую кучу вещей. – Давай мы поможем отнести всё это к тебе домой.

В следующем вопросе Дори был скрыт тайный расчёт.

– Вы так и не сказали мне, должна я заняться любовью с Эриком сегодня ночью или нет?

– Поверь мне, тебе не стоит волноваться, – ответила Шейла с хитрой усмешкой, которая привела Дори в недоумение.

– Ладно, чёрт побери, я в любом случае собиралась поскорее покончить с девственностью, – мрачно пошутила Дори.

– Молодец, девчонка! Шутка в трудный момент – это признак смелости, – ответила Линда, ободряюще хлопнув её по руке.

«За сегодняшний вечер я слышу это второй раз», – подумала Дори.

Уже совсем стемнело, когда они с трудом прошли несколько сот метров через частично вырубленный лес до хижины, которую Линда определила как дом Эрика.

– И твой тоже, – добавила она.

Без отражённых городских огней, крошечная тьма была почти абсолютной, в отличие от любой другой ночи, которую помнила Дори. «Жутковато», – подумала она про себя.

– Ладно, Эрика ещё нет. Мы поможем тебе устроиться, – объявила Шейла. В хижине она зажгла керосиновую лампу, которая осветила просторную, но почти пустую комнату.

Один угол комнаты занимало подобие кухни, где стояли кухонный стол и стулья, а также имелась дровяная печь, раковина, бочка с водой и несколько полок. В противоположном углу стояла современная кровать большого размера, окружённая разной простой мебелью, включая платяной шкаф, кресло-качалку и подставку для лампы. На вешалке висела мужская одежда.

В третьем углу виднелась ванна, подсоединённая к открытой сливной трубе. Этот угол, видимо, был предназначен для будущей ванной комнаты. Повсюду были разбросаны инструменты, пистолеты, боеприпасы, книги и другое мужское и боевое снаряжение.

Вдобавок к первому неприятному впечатлению в хижине было холодно, так как она пустовала почти два дня. Дори передёрнуло от мысли, что это будет её «домом».

– Не волнуйся, ты воспитаешь его в мгновение ока, и вы вдвоём приведёте это жильё в порядок за неделю, – успокоила её Линда.

Дори засомневалась.

– Воспитаю?! Я буду его воспитывать? Он же опасен.

К удивлению Дори, Линда и Шейла буквально покатались со смеха, снова и снова повторяя слово «опасен». Потом Линда извинилась: – Прости, но мы смеялись не над тобой, это надо себе представить, чтобы Родич мог обидеть свою подругу.

– Ну, вообще-то был у нас один мужик. Помнишь старого Ральфа? – спросила Шейла у Линды.

– Да, но ведь он пошёл на корм воронам, – ответила Линда.

– Что значит «на корм воронам»? Что случилось с Ральфом? – спросила Дори.

– Ральф, который бил жену и пил, жил в Мэтьюсвилле примерно год назад. Он нарушал нравственный закон общины и не исправился даже после многих предупреждений. Так что мы повесили его, прямо там, на поляне, куда ты подъехала, – объяснила Шейла.

– Что значит «мы его повесили?» – усомнилась Дори.

– Да, вся община проголосовала за это, когда его судили на Тинге, а публичное повешение было предупреждением для всех остальных.

Тут вмешалась Линда и пояснила: – Дело в том, что Белые мужчины-арийцы в своих странах и в соответствии с обычаями хорошо обращаются со своими женщинами и не позволяют другим мужчинам поступать с ними плохо. Так что, когда ты предположила, что Эрик опасен для тебя, нам стало очень смешно.

Шейла добавила:

– Но не подумай, что если женщина становится слишком сварливой или несносной, муж не может отшлёпать её по мягкому месту, чтобы улучшить её поведение. Может, и ещё как, но для этого тебе придётся сильно постараться. Так что, если ты не собираешься вести себя назло Эрику, его будет легко воспитать.

– Я всё ещё не понимаю то, что ты называешь воспитанием мужчины. – Дори притворилась озадаченной, хотя давно считала, что может приворожить и обвести вокруг пальца любого мужчину.

– Если женщина Белого человека счастлива и идёт ему навстречу, особенно в постели, он сделает всё, что в его силах, чтобы угодить ей. Именно ЧТО УГОДНО! В арийских странах женщины всегда были тайной властью. Мужчина должен защищать страну и обеспечивать тебя и твою семью всем, в чём ты нуждаешься. Пока ты льстишь самолюбию мужчины и заставляешь думать, что он – король в собственном доме, он фактически будет твоим рабом. Мужчина будет счастливым добровольным рабом почти буквально, и не сознавая этого.

– Эй, девочки, хватит болтать! Есть ещё работа! – воскликнула Шейла. – Линда, помоги Дори убрать её одежду и вещи, а я разведу огонь. Наверняка Эрику и Дори понадобится горячая вода для ванны, и они страшно голодны. Я посмотрю, есть ли у Эрика здесь что-нибудь, чтобы приготовить ужин.

В задней части хижины Линда положила своего ребёнка в кровать.

– Как его или её зовут? – спросила Дори.

– Это Магни, мальчик.

– И сколько ему?

– Пять месяцев.

– А ты здесь давно? – задала вопрос Дори.

– Около двух лет.

– Тебе было страшно вначале?

Пока они переключивали содержимое шкафа, чтобы освободить место для вещей Дори, Линда ответила ей.

– Да, наверное, один день или даже меньше. В основном я была только смущена и удивлена. Я думаю, меня потрясла внезапная перемена в моей жизни и осознание того, что всю мою жизнь мне лгали о Земле Родичей. Тогда я тоже ещё училась в средней школе, и внезапно почувствовала, что я – взрослая женщина. В то время мне было пятнадцать лет. Хватит пары дней, чтобы всё уладилось, и ты привыкла.

– Мне шестнадцать, и я тоже учусь в старшей школе. Вернее, училась в школе.

– Ну, ты, наверное, очень быстро превратишься из школьницы в учительницу. Я думаю, что община захочет, чтобы ты заменила Шейлу в качестве учительницы третьеклассников. У Шейлы скоро будет ребёнок.

– Разве ты не жалеешь о прежней жизни? – спросила Дори.

– Ей-богу, ни капельки. Всё в Америке сгнило, ЗОГ настроен против Белых, и я презираю своих родителей.

– Мои родители тоже довольно противные, – призналась Дори. – Моя мама пьёт, а папа – лживый политик. Никто не верит ничему, что он говорит. Конечно, он – адвокат, а каждый знает, что все адвокаты такие.

– Ну, тебе понравится честность здешних людей, – убеждала её Линда. – Хотя тебе предстоит привыкнуть к простым условиям жизни.

– Я понимаю. Слушай, я всё думаю: здесь по нужде приходится ходить на двор?

– Да, но мужчины делают водопровод. Мы надеемся, что к весне у нас будут сливные туалеты.

Они закончили перестановку, Линда взяла ребёнка, и скоро все трое сидели вокруг кухонного стола, в то время как вода в ведрах грелась на печи, а тушка тунца запекалась в духовке.

Линда без церемоний расстегнула кофточку и начала кормить Магни.

– Я не знаю ни одной женщины, которая кормила бы грудью, – заметила Дори.

– Это – позор. Материнское молоко – это именно то, что предназначено природой и нужно ребёнку. Кроме того, мне это нравится. Благодаря кормлению я чувствую себя защитницей, матерью и женщиной.

– Это не вредно?

– Нисколько. Чувствуешь себя отлично, по крайней мере, пока у малышей не прорежутся зубки. Я слышала, что они тогда становятся немного капризными.

– Как долго ты его будешь кормить? – спросила Дори.

– Наверное, года два. Это хорошо для ребёнка, и потом при кормлении женщина, кажется, не беременеет. Я думаю, что получается один ребёнок примерно каждые три года.

В этот момент входная дверь открылась, и вошёл Эрик. Сделав два шага, он остановился и заметил: – Ну-ну, хорошенькое дело. Стайка куриц, конечно, перемывает мне косточки.

– Да, у нас хватает, о чём поговорить, – отпарировала Линда. Шутливая перепалка говорила о взаимной симпатии.

– Твои молочные цистерны становятся всё больше, и скоро нам больше не нужно будет привозить молочные продукты, – ответил Эрик, глядя на обнажённую грудь Линды внушительных размеров.

– Да, в общем, Альф не жалуется, – похвасталась Линда, обращаясь к подругам.

Эрик шутливо поднял руки в знак того, что сдаётся, говоря: – Ну, я не собираюсь спорить с Альфом.

– Мы лучше пойдём, – сказала Шейла, вставая. В шутку она добавила: – Эрик, обращайся с Дори хорошо. Она не привыкла к холостяцким лачугам вроде твоей.

– Я надеюсь, что вы потратили всё время, расхваливая мои личные достоинства, да? – обратился он к Шейле.

– Мне надели твои шуточки. Позволь нам уйти, – фыркнула Линда. Пожелав удачи Дори с этим «самовлюблённым варваром», парочка ушла, заявив, что они придут к ней завтра.

Как только они остались одни, наступила долгая неловкая пауза, пока Эрик не сказал: «Привет». Дори только кивнула в ответ.

– Я полагаю, что ты не привыкла к такому шику, как здесь.

– А вы не преувеличиваете? – язвительно ответила Дори.

– Теперь всегда будет только так. – В голосе Эрика прозвучало жёсткое и опасное раздражение, когда он сел за стол напротив Дори и посмотрел в её глаза. – Я многое прощу по понятным причинам, но одного я не потерплю – испорченной, злобной, язвительной маленькой девицы, которая плохо ведёт себя. Я не хотел бы применять силу в отношении тебя, но, если ты не сможешь быть вежливой, мой ремень и твоя голая задница могут познакомиться, и вряд ли тебе это понравится. Вежливость – это всё, о чём я тебя прошу, понятно?

Дори, которая уже была готова ко всему, подняла голову так вызывающе, как могла, и ответила: – Вежливость – это всё, о чём вы просите? Но здесь я вижу только одну кровать.

– Ну и что? Она для тебя недостаточно большая или модная?

– Но вы же ждёте, что я буду спать с вами сегодня ночью, не так ли? – Насмешка в её голосе привела в бешенство Эрика, который собирался предоставить Дори полную свободу в выборе времени интимного сближения. Поэтому теперь в его голосе послышался настоящий гнев, и он отчеканил: – Если я захочу, то могу прямо сейчас раздеть тебя, привязать к кровати и сделать с тобой всё, что угодно. Я захватил тебя на территории противника и имею на это право. Так было всегда в течение тысяч и миллионов лет, пока люди живут на планете. Но пока я так не делаю, верно?

Дори кротко согласилась, почувствовав, что позволила излишнюю дерзость, и увидев гнев Эрика. Из рассказа Шейлы и Линды и из-за угрозы Эрика взяться за ремень, она поняла, что рискует быть отхлёстанной по голому телу, если не сможет успокоить своего разгневанного похитителя.

И тут дело приняло совсем неожиданный оборот: Эрик пошёл к ящику под ружейной стойкой и возвратился с пистолетом в кобуре с боковой застёжкой.

– Встань! – приказал он. Дори нерешительно встала, а он нацепил кобуру с пистолетом на её пояс.

– Вот это защитит тебя от любой опасности, с которой ты можешь столкнуться в Мэтьювилле, в том числе, от того, что ты ошибочно называешь насилием, – сообщил он ей.

– Но это не значит, что я не имею права овладеть тобой в любое время, когда захочу. Теперь, я чувствую, что пахнет ужином. Иди и посмотри, не готов ли он.

Движения Эрика, как и голос, выдавали холодную ярость, и Дори поняла, что зашла слишком далеко.

– Я не называла Вас насильником и потаскуном, – проговорила она самым примирительным тоном, на который была способна.

– Нет, называла. А теперь пшла вон туда! – И он в диком бешенстве махнул рукой в сторону кухонной плиты, так что Дори стало жутко.

«И почему я, дура, просто не пококетничала с ним и не сказала, что он хорошо выглядит, чтобы успокоить его?», мысленно ругала себя Дори. «Боже мой, какая же я – идиотка! Теперь мне придётся придумывать, как всё исправить и укротить этого зверя». После всего, что она наговорила по поводу постели, казалось сомнительным, что Эрика будет легко одурачить, и что любой намёк на секс теперь покажется ему неискренним.

Дори покопалась на полках и нашла тарелки и столовые приборы, чтобы собрать на стол. Она не знала, как долго нужно готовить запеканку, но, посмотрев в духовку, поняла, что ещё не сожгла рыбу, и решила дать ей ещё немного постоять.

Тут она почувствовала, что хочет в туалет, но выйти наружу было страшно. Насмелившись, она подошла к Эрику, который теперь сидел в кресле-качалке у кровати и читал книгу.

– Мне нужно в туалет, – произнесла она самым кротким голосом, на который была способна.

– Хорошо.

– А это не опасно? – виновато пробормотала она.

В ответ он кивнул на пистолет на её поясе, а потом буркнул: «фонарь» и показал на полку. – Просто наведи и нажми на кнопку. А завтра я научу тебя стрелять из пистолета.

«Какая я дура!», – ругала себя Дори, осторожно пробираясь по дорожке к уборной. Снова она проклинала себя за тупость. «Ну и что, если ему хотелось секса? Почти все женщины в мире занимаются этим, а теперь она вынуждена заигрывать как сумасшедшая, и то неизвестно, что он может ещё выкинуть. И хорошо, если это поможет, но он, слава богу, приятный на вид».

Вскоре она снова оказалась за креслом Эрика. Ласковым голосом и с притворным смирением Дори проворковала: – Я думаю, ужин готов. Если Вы соизволите покушать вместе со мной, я буду вежливой, клянусь.

– Я хочу есть, – равнодушно ответил Эрик, не прощая, но и не злясь.

Пока они ели, он сам начал разговор, что Дори приняла за обнадеживающий знак. Ободрённая таким образом, она осмелилась спросить: – Вы, Шейла и Линда должно быть хорошие друзья, правда?

– Да, они – хорошие девчонки.

– Линда не стесняется обнажать свою грудь, да? – Дори теперь старалась завести разговор о сексе, всё ещё считая, что это её лучшее оружие.

– Да нет, одежда служит только для защиты наших тел или согревает нас. Или потому что женщины выглядят более привлекательно в одежде, которая подчёркивает их лучшие черты и скрывает недостатки. Ты согласна?

– Вы считаете, что раз природа дала нам эти тела, нет никаких причин их стыдиться? – спросила Дори.

– Возможно, я сам не смог бы выразиться лучше. Однако, если бы женщины не носили одежду мы, мужчины, не получали бы удовольствие, раздевая их. Я люблю, чтобы моя женщина только мельком показывала мне свои достоинства, нося короткую юбку. Это возбуждает меня. Что касается показа тела, после ужина я повешу одеяло перед ванной, так чтобы ты могла уединиться во время принятия ванны. После такой долгой дороги и всего пережитого нам просто необходимо помыться.

– Это будет чудесно. Спасибо. – Голос Дори буквально сочился притворной благодарностью.

Эрик сменил предмет разговора.

– Я думаю, что все согласны, чтобы с завтрашнего дня ты начала помогать Шейле с восьми часов утра и поработала учительницей.

– Хорошо. – В эту минуту Дори с готовностью согласилась на его предложение, хотя втайне, не переставая думать о побеге.

– Занятия в школе заканчиваются в полдень. Шейла согласна отвести тебя к себе в дом и показать, как в наших условиях можно сделать хижину уютной.

– Хорошо, – согласилась она снова. Подобно актрисе, которая таится в душе каждой женщины, Дори теперь совершенно естественно играла роль, которую выбрала, не понимая, как легко игра может перейти в действительность.

Дори предложила помыть тарелки, пока Эрик вешал одеяло. Прибираясь на кухне, она поглядывала на Эрика, думая, что он – действительно прекрасный образец мужчины, и в нём чудесно сочетаются суровый солдат и обаятельный мальчик.

Тем временем воображение Эрика рисовало картины обнажённой Дори, блестящей от мыльной воды с головы до пят.

– Я предлагаю принести горячей воды с печи и холодной из бочки и смешать в ванне до нужной температуры, – сказала она несколько минут спустя.

– Годится, я тебе помогу.

– А как с полотенцами и мылом?

Эрик нашёл для неё и то, и другое. Потом он решил позволить Дори самой определять развитие событий, несмотря на непреодолимое желание взять то, что теперь по праву принадлежало ему, и уселся в своё любимое кресло-качалку.

Дори погрузилась в тёплую воду, потом намылила всё тело, не переставая при этом думать о ближайших планах. Она признала, что её способность управлять похитителем с помощью секса совершенно явно и резко ухудшилась из-за того, что он мог запросто овладеть ею в любое время, когда захочет. Так что, рассуждала Дори, придётся изо всех сил разжигать его страсть, страсть, которую она могла умерить его любовью. «Больше никаких ехидных замечаний», – предупредила Дори сама себя. И, используя женскую хитрость, она начала свою кампанию, достойную сравнения с завоеванием Клеопатрой самого Цезаря.

– Эрик, – позвала она, – У Вас есть какой-нибудь шампунь?

– Конечно, есть. Я забыл его дать тебе, потому что обычно пользуюсь только куском мыла вместо шампуня.

– Вы не могли бы принести его мне?

– Запросто.

Пока он топтался с другой стороны занавески из одеяла, Дори уже приняла решение действовать и ослепить его своей красотой и наготой, промолвив: «Будьте смелее. Разве Вы не думаете, что нам надо поговорить?»

Когда Эрик подал ей шампунь, она спросила: «Не сделаете ли Вы для меня ещё кое-что?»

– Что именно?

– Принесите мне ещё немного горячей воды.

Пока Эрик ходил к печке, Дори приняла окончательное решение. Когда он вернулся с большим чайником с кипятком, она сказала: – Секунду, мне надо встать, я не хочу ошпариться.

Держась рукой за его плечо, Дори приняла самую привлекательную позу, пока он выливал воду из чайника в ванну, а затем, быстро поцеловав его в щеку, резко опустилась в ванну.

– Всё прекрасно, – объявила она вслух.

Эрик был потрясён до глубины души увиденным божественным женским телом. Он возвратился в своё любимое кресло и попытался сосредоточиться на книге о новом оружии ЗОГа. Но попытка оказалась тщетной.

Тем временем Дори размышляла над событиями дня и своим будущим, наслаждаясь горячей ванной. Очевидно, как и говорили Линда с Шейлой, ей не грозило никакой физической опасности, если она выступала в роли сексуальной соблазнительницы и жены. Совершенно ясно, что сбежать отсюда не было никакой возможности, по крайней мере, без тщательной подготовки и большого количества информации. «Так почему бы не извлечь лучшее из плохих обстоятельств?», рассудила Дори. «Зачем ждать? На следующей неделе, завтра или сегодня ночью, какая разница? Чёрт возьми, сегодня ночью», решила она, трепеща от предвкушения.

– Эрик, – позвала она снова.

– Ваша очередь принимать ванну, если Вы собираетесь разделить со мной постель сегодня ночью.

– Есть, командир! – пошутил Эрик, исполняя все её требования.

Когда Дори надела короткую фланелевую ночную рубашку, то искусно оставила наверху несколько расстёгнутых пуговиц, готовясь дразнить его видом мелькающей груди, думая при этом, насколько мужчины легковерны. Эрик, очевидно, считал её наивной невинной, маленькой девочкой из богатой семьи, с домашним воспитанием и без всякого жизненного и сексуального опыта. «Я – его малышка, заблудившаяся в лесу», – подумала она о себе.

Пока Эрик усердно мылся в ванне, Дори крикнула ему: – Я подумаю о перегородках для комнат, хорошо?

– Ты – хозяйка, – отозвался он.

«Проклятье, насколько я права», – подумала Дори, но её мысли больше относились к наступающему соблазнению, которое она запланировала, чем к разгораживанию комнат.

Эрик закончил мыться, надел чистые джинсы, а потом заметил, что свет лампы притушен, и в хижине стоит таинственная полутьма. Дори растянулась на кровати, две подушки за спиной, одно колено согнуто и торчит вверх, открывая большую часть соблазнительного округлого бедра.

Она согнула пальчик жестом «иди ко мне» и томным голосом нараспев произнесла: – Вы не хотите познакомиться?

– Одни Боги знают, что должен сделать мужчина, чтобы женщина была счастлива. – Эрик охотно включился в игру.

– Ах, так! Ну, если Вам скучно, забудьте про это. – Дори перекадилась на живот, и притворно надулась.

– Нет проблем. Родич всегда помнит о своём долге, – сказал Эрик, растягиваясь около неё и скользя дерзкой рукой по одной шелковисто гладкой голой ножке, пока рука не уперлась в одну из округлых и совершенных по форме ягодич.

– Я сказала «познакомиться», а не «обыскать», – быстро возразила Дори, извиваясь, чтобы сбросить его нетерпеливую руку.

– Ты не говорила, где, – не без остроумия ответил Эрик.

– А как насчет везде? – бросила она, поворачиваясь и подставляя свою твёрдую округлую грудь.

В ответ Эрик зарычал и жадно набросился на красотку. Пока они целовались, Дори крепко обвила руками его мускулистую спину, а он исследовал всё её зрелое цветущее тело нежными и нетерпеливыми пальцами. И вскоре с неудержимой страстью их тела слились в древнем танце-экстазе единения...

В течение долгих мгновений они не разделялись, стремясь продлить это мгновение. Наконец, выдохнув: «Ах, это было невероятно», Эрик перевернулся на спину. Дори повернулась к нему лицом и водила пальцем в волосах на его груди, пытаясь придумать что-нибудь весёлое или остроумное. Но на этот раз все привычные словечки не шли ей в голову. Вместо этого первое, что вырвалось у неё, было: «Я уверена, что я у тебя не первая, правда?»

– Первая за долгое время.

– У тебя было много женщин?

– По-моему, джентльмен не должен рассказывать об этом, согласна?

– Почему нет?

– А ты бы хотела, чтобы каждый парень, с которым ты когда-либо гуляла, везде болтал об этом?

– Я до сих пор никогда не спала с парнем.

– Правда? – Поднятая бровь и сомнение в голосе Эрика показали ей, что он ей не поверил.

– Да, правда-правда.

В полночь они лежали рядом, утомленные физически и эмоционально. «Ты хоть представляешь, насколько сумасшедшими были для меня прошедшие двадцать четыре часа?» – спросила Дори.

– Думаю, да, и ты просто поражаешь меня. Я знаю, что весь этот супер-секс сегодня ночью был просчитан тобой потому, что это в твоих же интересах, но твоя практичность и решительность заставляют меня чувствовать, что ты – необычная девушка.

«Похоже, мне не удалось его одурачить», подумала Дори. Но потом она решила, что это даже к лучшему, потому что Эрик уже казался увлечённым ею независимо от её мотивов.

– Я полагаю, что мы были, ну, в общем, я не знаю, как выразиться ... не полностью откровенны друг с другом, – продолжила она.

– Да, потому что мы пытались использовать друг друга: я, потому что ты завела меня, и ты – из-за попытки управлять мною, – думал вслух Эрик. – Ты действительно мне нравишься, и я думаю, что люблю тебя. Говорить так слишком рано, и это похоже на безумие.

– Именно безумие. Я должна тебя ненавидеть как похитителя, и не спать с тобой, а мне удалось даже получить удовольствие.

– О, так я, наконец, выдержал испытание, – пошутил он.

– Ну, может потребоваться ещё несколько экзаменов, может быть в течение недели или больше, чтобы сделать правильные выводы.

– Слава богу, я люблю испытания.

Позже, в полной темноте под тёплым стеганым одеялом, она прошептала: «Обними меня и скажи, что всё будет хорошо». Мгновение спустя они оба крепко спали.

На следующее утро Эрик проснулся как обычно с рассветом, который в это время года наступает около шести часов. Вскоре ему придётся разбудить Дори, потому что она должна быть в школе в восемь.

Сна в пять с половиной часов после всего пережитого накануне было мало. Эрик решил дать Дори поспать немножко дольше. В этот первый день она получит завтрак в постель.

Он разжёл печь и вскоре позавтракал один и выпил горячего кофе. В семь часов, используя как поднос часть толстой доски, он подал своей женщине завтрак в постель.

Сначала после нескольких хлопков по плечу Дори сердито заворчала и попросила его отвалить.

– Через пару минут я уйду на работу, а тебе надо через час быть в школе, – продолжал он её будить. Когда, наконец, эти слова дошли до Дори, она, перевернувшись на спину и открыла глаза.

– Приподнимись. Я принес тебе завтрак в постель, но так будет только сегодня, – предупредил он. Пока Дори зевала и потягивалась, не забыв показать хорошо запомнившуюся ямочку, Эрик понял, что он действительно увлечён.

– Как вкусно пахнет, – Дори с радостью села, подложив подушки за спину, и положила кустарный поднос на колени.

– Я дал тебе поспать лишний час, потому что пожалел тебя, но теперь через минуту я должен уйти. Мы будем делать водопровод с другими парнями до обеда. Давай встретимся здесь в час, хорошо?

– Хорошо, – промычала она со ртом, полным гречишных блинов с кленовым сиропом. – Разве ты не будешь есть?

– Я уже поел. Теперь пью кофе. – Он поднял чашку. – Да, пока я не забыл, все преподаватели и девочки носят в школе юбки или платья. Как только ты закончишь есть, я покажу тебе через окно кухни, где находится школа, а мне надо бежать. Ты сама справишься?

Дори кивнула.

Пару минут спустя, стоя у окна кухни, Эрик сказал: – Ну, я пошёл. – Наступила неловкая тишина, потому что никто не знал, как расставаться или прощаться. Обоим это казалось странным после страсти и близости в прошедшую ночь.

Они обменялись смущёнными взглядами. И Эрик сказал первое, что пришло в голову: – А ты очень красивая. – Потом повернулся и почти выбежал из хижины.

Дори долго стояла неподвижно, и в её голове промелькнула целая вереница чувств, сомнений, событий и вопросов. Наконец, она в изумлении вернулась к мытью тарелок, а потом надела платье, подходящее для её преподавательской роли, и пошла в школу.

Поскольку топливо для насосной станции, подающей воду в общину, было невозможно получить в достаточных количествах, единственной возможностью оказалась постройка самотёчной системы водоснабжения. Но технические трудности были лишь одной стороной медали. Сама работа была изнурительной. Голова и руки Эрика были полностью заняты ею всю оставшуюся часть утра.

Но для Дори сосредоточиться на отдельном предмете было почти невозможно. Она чувствовала себя ошеломлённой, смущённой и одновременно испытывающей тревогу за своё будущее.

Придя в здание, которое служило библиотекой, местом собраний, танцевальным залом и школой общины, она увидела, что Шейла уже разводит огонь в пузатой печи. Туман мыслей в голове Дори уже достаточно развеялся, чтобы она смогла ответить на дружеское приветствие Шейлы собственным «приветом».

– Похоже, что ты пережила ночь живой и здоровой, – сказала Шейла с дружелюбной усмешкой. Дори чувствовала, что сама должна начать разговор, но на ум ей пришло только короткое «да».

– Я помню мою первую ночь. Я боялась, что Рэнди будет меня бить или изнасилует или ещё что-нибудь сделает со мной, и в то же самое время я боялась не понравиться ему. Я просто не знала, что делать. А с тобой так было?

– Да, было, но я думаю, не более пяти минут, – признала Дори.

– Всего пять минут? – В голосе Шейлы прозвучало искреннее удивление.

– Я довольно опытна в этих делах. Могу сказать, что он и не собирался сделать со мной что-нибудь плохое, так что я всё время думала, как много можно ему позволить.

– Чёрт, ты оказывается довольно храбрая. – Шейла не скрывала своего восхищения такой практичностью Дори.

– Нет, один раз я прилично испугалась, но только на минуту, – призналась Дори.

– Правда? А что случилось?

Дори пожала плечами, говоря: «Да, по-моему, ничего серьёзного. Сразу после того, как вы ушли от нас, я стала с ним базарить, а он пригрозил отхлестать меня по заду ремнём».

– Ничего себе, ты должна рассказать мне всё, когда у нас будет время, хорошо? – Неподдельный интерес Шейлы был и дружественным, и искренним. Дори тоже почувствовала привязанность к своей новой подруге. В этот момент пришли на занятия первые дети, и Шейла торопливо сказала: «Мы поговорим во время перерыва».

– Хорошо, а мне что нужно делать?

– Сегодня, пожалуй, тебе стоит просто приглядеться, что и как мы здесь делаем. Первые два часа будут уроки арифметики и языка. А после перерыва – история и естествознание.

– Естествознание... Я даже не представляю, что это такое.

– Главным образом – здравый смысл, но начать тебе надо вот с этих «88 Предписаний». Шейла протянула ей зачитанную брошюру, говоря: «Прочитай, когда будет время».

Вскоре собралось человек пятнадцать детей в возрасте от пяти до восьми лет, и они спокойно уселись за своими столами.

– Доброе утро, – сказала Шейла.

Класс дружно ответил: «Доброе утро», – и в тишине дети спокойно ждали дальнейших заданий.

– Ребята, есть кто-нибудь, кто не сделал домашнюю работу? – спросила она. Когда никто не поднял руку, она пошла от стола к столу, собирая домашние работы и раздавая новые задания.

– Сегодня утром мы с вами, третьеклассниками, изучим преобразование простых дробей в десятичные, – объявила Шейла, повернув складную учебную доску к классу.

Дори вспомнила, что она не проходила эту тему до восьмого класса. Она не знала, что учебные программы в американских школах намеренно упрощались в течение многих десятилетий.

Пока шёл урок арифметики, Дори открыла брошюру под названием «88 Предписаний» и начала читать. «Боже мой, какой сложный материал», – была её первая мысль. Но она была поражена безукоризненной убедительностью изложения, утверждавшего, что все живые существа подчиняются законам природы. Это было невозможно отрицать.

И хотя Дори прожила всю жизнь под воздействием пропаганды «равенства», она признала, что 29-е Предписание сокрушительно разбивает эти предрассудки. Оно гласило: «Каждый Закон Природы разоблачает понятие «равенства» как ложь. Это поиск наименьшего общего знаменателя, стремление уничтожить каждую выдающуюся расу, нацию или культуру. Чтобы тягловая лошадь бежала так же быстро, как скаковая, сначала нужно покалечить скаковую, и, наоборот, чтобы скаковая лошадь тянула плуг с той же силой, что и тягловая, нужно сперва искалечить тягловую. В любом случае стремление к «равенству» – это уничтожение превосходства».

«А ведь это верно», – решила Дори. Потом она подумала, а не было ли других видов лжи, которые ей преподавали? 85-е Предписание также приковало её внимание. Оно гласило: «О человеке можно судить по его умению сохранять бодрость духа в тяжёлой ситуации». Похожую поговорку о «юморе во время опасности» она уже слышала вчера. Думая о бодрости духа, она вспомнила, что рано утром почти не разговаривала с Эриком. После того, как он подал ей завтрак в постель и позволил побольше поспать, он, должно быть, ожидал какой-то благодарности. Неудивительно, что он так быстро убежал из хижины. И почему жизнь такая сложная?

В десять часов наступил перерыв. Как только дети вышли на улицу, чтобы поиграть, Шейла подошла к Дори.

– Знаешь, я просто умираю от беспокойства. Ты думаешь, что в тот момент Эрик мог ударить тебя ремнём по заднице? Или я лезу не в своё дело?

– Да нет, всё в порядке. – В самом деле, Дори очень хотела обсудить события прошлой ночи, чтобы потом самой переосмыслить вчерашние события. – Он дал мне пистолет. Тогда я поняла, что я в безопасности. Хотя выстрелить в него я, конечно, не смогла бы.

– Мне кажется, что он таким способом хотел успокоить тебя, и это сработало, ведь так, а?

– Конечно, он чертовски умён, – согласилась Дори, добавив: – Он даже сказал, что понял, что я всё время разыгрывала страсть.

– Страсть! Ты не ...? Что, у тебя с ним всё так далеко зашло?

– Ну, а какой, чёрт возьми, у меня был выбор? Я считала, что рано или поздно это всё равно случится, а он действительно некоторое время был просто как бешеный.

Шейла засмеялась. – Ты не должна передо мной оправдываться. Я думаю, что это великолепно! Для большинства девочек нужна неделя или несколько, чтобы принять такое разумное решение. Она заговорщически понизила голос и спросила: «Тебе, правда, понравилось? Так что, вы вдвоём были счастливы?»

– Мне так кажется. Боюсь только, что я его немного обидела утром, хотя совсем нечаянно.

– Как это?

– Ну, он дал мне поспать подольше, а потом принёс мне завтрак в постель, но у меня как будто язык отнялся. Я не могла ничего сказать. Он, наверно, подумал, что я, правда, испорченный ребёнок.

– Ох, не волнуйся. Хорошенько поверти задом, когда вернешься домой, и всё будет хорошо. Мозги у мужичков, в основном, ниже пояса.

– Ты не очень высокого мнения о мужчинах, а? – засомневалась Дори.

– Что ты, я люблю их, и наши мужчины – строители мировой цивилизации. Я только честно говорю об их желаниях. – Шейла поглядела на часы. – Ой, перерыв закончился, пошли работать.

Когда Шейла возвратилась к столу, Дори услышала, как та повторяет про себя: «Завтрак в постели. Чёрт побери!»

Следующий урок был посвящён истории, и тут Дори была действительно поражена тем, как маленькие дети называли множество имён и названий: учёных, философов, мучеников, войн, революций, королей, королев, дат, событий и так далее и тому подобное. Дори засомневалась, сможет ли она чему-нибудь научить этих детей, которые уже знают гораздо больше неё.

Больше всего потрясла Дори логика их рассуждений. Шейла спросила шести или семилетнего мальчика, что побудило воина по имени Герман защищать Центральную Европу от легионов Рима.

Маленький ученик быстро поднялся из-за своего стола и, вежливо стоя за стулом, как все к этому были приучены, в точности повторил 24-е Предписание: «Никакая раса или народ не могут бесконечно продолжать свое существование без собственных территориальных владений, в которых

они вольны распространять, защищать и развивать свой народ». Дори почувствовала желание обнять мальчика.

Время для Дори, полностью увлечённой занятиями, пролетело незаметно, и учебный день закончился.

– Почему бы тебе не зайти ко мне домой?, я покажу тебе, как можно хорошо украсить хижину, используя женское умение, – предложила Шейла.

– Хорошо, но я договорилась быть дома, ммм, да, я думаю, что это – мой дом в любом случае. Мне надо вернуться раньше Эрика. Я должна восстановить наши дружеские отношения.

В доме Шейлы всё, начиная с окрашенных стен, до занавесок на окнах и подушек на мебели, не оставляло сомнений, что он был гораздо уютнее по сравнению с её собственным домом.

– Где же ты достала всё это? – спросила она.

– В основном мы ходим за покупками вон туда, – и Шейла показала в направлении разрушенного бомбёжкой города ниже Мэтьювилла.

– Покупки? Там же нет никаких магазинов.

– Точно, но мы можем просто брать всё, что нужно, из заброшенных домов и зданий.

– И вас ещё сильно бомбят?

– Больше нет. Они устали бомбить костры-ловушки, которые мы разводим для их разведывательных спутников и ракет, наводящихся по тепловому излучению. Раньше каждый раз, когда самолёты ЗОГа бомбили Землю Родичей, наши воины пробирались на вражескую территорию и убивали нескольких проституток из газет, телевидения, политиканов или кого-нибудь ещё из скрелингов. Так что теперь длительное затишье, потому что они не могут доказать, что это мы им мстим.

– А почему правительство не пошлёт армию и не уничтожит всех вас?

– Ну, они не раз пробовали это сделать, но войска скрелингов трусливы и ненадёжны. Однажды они наняли несколько тысяч солдат в Китае, но когда одна их дивизия переправлялась через каньон Медвежья речка, наши парни взорвали Вечнозелёную дамбу и утопили всю компанию. После этого китайцы отозвали свои войска домой.

– Мы никогда не слышали об этом ни из газет, ни по телевидению.

– Ещё бы, ЗОГ не хочет признаться в своей слабости, – объяснила Шейла.

– Проклятье, уже двенадцать сорок пять. Я должна идти. Но сначала скажи мне, что я должна буду преподавать детям?

– Ты можешь справиться с арифметикой и языком, частями речи, пунктуацией, грамматикой и тому подобное, верно?

– Наверно, но всё, что касается истории и естествознания для меня – тёмный лес.

– Не волнуйся, я дам тебе нужные книги, чтобы подучиться, и ко времени, когда мне нужно будет рожать, ты всё будешь знать. Я думаю, что и Эрик будет рад тебе помочь.

– Спасибо. Я должна бежать. – Дори нежно пожала руку подруги и побежала в свой новый дом, всё время обдумывая, как восстановить испорченные отношения. Она знала, что в хижине был хлеб, сыр и другие продукты для бутербродов, поэтому решила приготовить обед и вскипятить воду для кофе к приходу Эрика.

По пути домой со строительной площадки у Эрика было время, чтобы подумать о том, какой приём его ожидает. Кроме ответов на поддразнивание и шуточки коллег о силе «молодожёнов», всё утро он был слишком занят, чтобы заниматься чем-нибудь другим, кроме откосов, давлений и тому подобным. Он напомнил себе, что Дори в прошлые два дня получила такую сильную психическую травму, которая превратила бы большинство других женщин в рыдающие развалины.

Войдя в хижину, он увидел, что, по крайней мере, есть повод начать беседу.

– Вот и отлично, горячая водичка и обед. Я возьму ведро этой воды на улицу и немного сполоснусь.

На кухне Дори сказала: – Не стоит. Я полью тебе здесь. – И налила воды в удобный тазик.

Скоро они сидели за кухонным столом напротив друг друга. Он спросил, как прошло утро.

– Прекрасно. Все дети такие умные, что прямо не верится. И симпатичные. Я даже хотела обнять одного маленького мальчика.

– А как его зовут?

– Брайен. Я думаю ему около шести.

– А, это сын Брет. Я слышал, что он запомнил наизусть все «88 Предписаний» меньше чем за месяц.

– Ой, не думаю, что я смогу это сделать, – восхитилась Дори.

– Спорю, что сможешь, но ты узнаешь так много новых вещей, из-за которых у тебя не будет времени, чтобы учить одни Предписания. Ты напомнила мне: тебе ещё хочется научиться стрелять?

– А я и забыла об этом. Конечно, хочу, но до прошлой ночи я даже не держала в руках пистолет.

– Это хорошо. Значит, у тебя нет никаких вредных привычек, от которых надо отвыкать.

Немного поболтав об утренних событиях, они закончили обед. Никакой враждебности не чувствовалось, но за слишком вежливым разговором всё-таки скрывалась напряжённость.

У кровати стояла пирамида для винтовок с выдвижными ящиками внизу, в которых лежали пистолеты и боеприпасы.

– Давай, я возьму пистолеты, и мы попробуем, – сказал Эрик, надеясь, что деятельность разрядит обстановку.

– Сначала я хочу переодеться в какие-нибудь джинсы, – объявила Дори, идя за ним в спальню. Она быстро выскользнула из платья и сказала: – Пока ты здесь, расстегни мне лифчик. Ты не возражаешь, если я похожу без него, а?

– Рад служить, – ответил Эрик, выполняя просьбу. Бросив взгляд на её прелестную фигуру в одних штанишках, он положил руку на её плечи и, глядя ей в глаза, тихо произнес: «Хочу сказать, Дори, то, что ты делаешь, совсем не нужно. Несомненно, я люблю смотреть на тебя, всю тебя, но то, что вырастет между нами, будет не только страстью и, я не знаю, как выразиться, потому что ты действительно делаешь меня сумасшедшим от желания. Чёрт, я чувствую себя настолько неуклюжим, просто поцелуй меня и одевайся, хорошо?»

Эти нескладные слова тронули Дори. Она шлепнулась на спину на кровать и подозвала Эрика: «Поди сюда на минутку».

Несколько минут они целовались и обнимались, пока она уверяла его, что также чувствовала себя как психически ненормальная. Потом, смягчённая и умиротворённая, она оделась, и они, увешанные разнообразным оружием, вместе отправились на общинное стрельбище.

Дори оказалась способной ученицей и визжала от восторга, попадая в яблочко. Когда они закончили, Дори спросила: – Это значит, что я должна участвовать в набегах?

– Нет, но при необходимости женщины действительно должны уметь защищать свои дома. На самом деле, в природе найдётся немного таких свирепых существ, как женщины, защищающие своих детей.

– Да, я могла бы застрелить любого, кто нападёт на моих детей, – согласилась она.

– А сколько их у нас будет? – спросил Эрик.

– Я не знаю, но, может быть, не будем торопиться? Сначала я хочу привыкнуть к этому месту.

Взявшись за руки, они возвратились в хижину.

Рассматривая пустоватую комнату, Дори сказала: – Когда ты собираешься свозить меня за покупками вон туда? – И она показала в сторону разрушенной деревни.

– Ага, значит Шейла подкинула тебе парочку идей, верно? Наверняка она говорила, что я буду твоим полным рабом, не так ли? Я знаю всё об этой злой и распутной красотке. – Но его усмешка и тон голоса противоречили его резким словам.

– Нет, серьёзно, ты сделаешь всё, что угодно для меня, если я буду хорошей женой, правда? – улыбнулась она.

– Проклятье, может и так, но ты не должна говорить об этом так равнодушно. Это звучит как заключение сделки.

– Возможно, брак и является сделкой, но ты знаешь, я думаю, что мне это понравится. Я считаю, что, возможно, есть худшие мужья, чем ты... Дори, посмотри, видишь тазы, вон там? Они – для стирки, а штука сбоку одного из них называется пресс для отжимания белья. Спорю, что ты никогда раньше не стирала таким образом.

– Что это ты сменил тему? Испугался?

– Подождём, когда тебе будет нужно зарезать, выпотрошить и ошипать цыплёнка. Тогда ты оценишь меня.

Внезапно Дори спросила: – Как ты думаешь, что такое любовь?

– Ты серьёзно? – спросил он, поворачиваясь, чтобы посмотреть ей прямо в глаза. – Ну-у, дружок, это страшно трудный вопрос. Я думаю, ты имеешь в виду любовь между мужчиной и женщиной, а не любовь матери и ребёнка или тому подобное?

– Да, как в старом кино.

– Хорошо, – начал он после раздумья, – Я думаю, это похоже на превращение двух в одно целое, деление всех забот и радостей на двоих и желание делать приятное друг другу. И совместное ведение всех дел, вроде воспитания детей или защиты собственного народа.

– Мне кажется, когда больше одной жены, это не похоже на превращение «двух в одно целое». Я не хочу делить моего мужа ни с кем.

– Ты и не должна, если не хочешь. Некоторые семьи – моногамные. Но в защиту многожёнства я хочу сказать вот что. Если бы у тебя появился второй ребёнок, разве ты стала бы любить первого ребёнка меньше, или твоя любовь выросла, чтобы включить обоих детей?

– Я понимаю тебя, – признала она, – Но если ты хочешь, чтобы я тебя любила, я не буду делить тебя с другой женщиной. Пусть это эгоизм, но, в общем, я ничем не могу помочь.

– Хорошо, давай не будем спорить. Тебе решать, и всё равно ты – всё, что я хочу прямо сейчас.

– Ты думаешь, что мы когда-нибудь сможем сказать, что любим друг друга? – спросила она, немного напряжённым голосом.

– Я уже хочу, но ... проклятье, как я могу сделать это... Я едва тебя знаю. Но я схожу с ума от тебя. Ты понимаешь меня?

– Думаю да, но для меня всё немного по-другому.

– А в чём? Разница, я имею в виду.

– Хорошо, для меня тоже трудно выразить это словами, но, по существу, я уже приняла решение. Я хочу быть тебе хорошей женой и подругой, если ты будешь хорошо относиться ко мне. Могу сказать, что ты отличаешься ото всех, кого я когда-нибудь знала. Ты позволяешь мне чувствовать себя умиротворённой, удовлетворённой и в безопасности. За исключением моментов, когда я сомневаюсь в этом. Теперь ты понимаешь?

Эрик обнял её и очень нежно поцеловал. Крепко обнимая её, он прошептал: «Я думаю, что некоторые вещи просто требуют времени прежде, чем о них можно говорить, но ты можешь сказать, что я чувствую прямо сейчас?»

– Я думаю да, – прошептала она. – Ты чувствуешь то, что я боюсь высказать.

– Я тоже так думаю, – прошептал он в ответ.

Они долго обнимались, крепко прижавшись друг к другу, девочка, которая никогда не знала настоящей любви, и мужчина, держащий в руках свою мечту. И оба заснули с радостным чувством.

На следующее утро во время завтрака они обменивались многозначительными взглядами, прикосновениями, ласками и поцелуями – словом, всем, что любят молодожёны. И из их разговоров, наконец, исчезли защитные остроты и придирки, которыми они обменивались, скрывая свои чувства, в которых оба не были уверены.

После еды, пока Эрик смаковал свою чашку кофе, Дори сказала: – Теперь я знаю, как появляются в Земле Родичей женщины, по крайней мере, некоторые из нас. Но что привело сюда тебя?

– О, дружок, это долгая история. Ты уверена, что хочешь услышать длинный рассказ? Всё действительно не так уж необычно.

– Я хочу знать о тебе всё, – ответила Дори, поставив локти на стол, уперев подбородок в ладони и глядя на него с любящим выражением лица.

– Я вырос на ферме недалеко от Грили. Но, как и большинство фермеров, моего отца разорили банкиры, правительственные распоряжения и управляющие одной крупной фермы, которые сговорились с владельцами зерновых бирж. Так что моему отцу пришлось пойти работать на большой завод мясных консервов в городе.

Школы, в которые я ходил, включая среднюю школу, были в основном заполнены мексиканцами, а остальные были азиаты, чёрные и немного Белых. Понятно, что нас, Белых, как и всюду, терроризировали скрелинги, а учебная программа была полна обычной жвачкой о преступлениях «злого белого человека».

После получения среднего образования я поступил в государственный университет Северного Колорадо, где изучал сельское хозяйство и посещал обязательные курсы социального программирования, которые в наши дни необходимо прослушать, чтобы получить диплом.

Потом я встретил одну девочку, симпатичную, отзывчивую и дружелюбную. Её звали Ширли, и мы встречались несколько раз. А потом появился этот малый по имени Майкл Перельман. Смуглый, с курчавыми чёрными волосами и желтоватыми глазками, похожими на две дырки от мочи в сугробе, мне он казался уродливым. Но у него было много денег, он был говорливым, модно одевался и ездил на новом спортивном автомобиле.

Перельман выпускал в университетском городке информационный бюллетень под названием «Мы – едины», в котором выступал за межрасовую любовь и смешанные браки. Ширли поверила его рассказам как наивный ребёнок. В то время я уже прочитал кой-какую литературу в защиту Белых, которую тайно распространял в университетском городке сторонник Земли Родичей.

Так что однажды я принял решение и поехал на своём старом драндулете в горы, где, как считалось, уже начиналась Земля Родичей, спустился по старой проселочной дороге на несколько миль, остановился и сидел там, сигналивая каждые несколько минут.

Эрик прервал свой рассказ, чтобы попросить ещё одну чашку кофе. Наливая её, Дори спросила: – И что случилось дальше?

– Через некоторое время появились парни с винтовками и спросили, что я хочу. Я не мог понять, повстанцы это или нет, и поэтому просто сказал, что хочу пойти в горы. Один из них спросил, не слишком ли я глуп, чтобы не знать, что это – Земля Родичей. Так я узнал, что попал, куда и хотел. «Так вы и есть те самые Родичи?» «Да, а в чём дело?» – сказал один из них.

«Я хочу присоединиться к вам, ребята», – сказал я ему. Но это оказалось не так-то просто. Они не доверяли мне, что было естественно. Правительство всё время засылает в Землю Родичей лазутчиков. В общем, меня допрашивали несколько месяцев и наблюдали за мной, а также обучали арийской истории, философии и предназначению. Кроме того, мне преподавали военные искусства, владение различным оружием и физически закаляли, всё это – до выхода на задания. К тому времени я чувствовал себя уже подготовленным к боевым действиям. А из-за того, что меня ещё не приняли в повстанцы, я с нетерпением просил отправить меня на задание в одиночку.

Данн, который был старшим в группе, с которой я встретился в первый раз, спросил, что я имею в виду. Я рассказал ему о Майкле Перельмане и сказал, что хочу убить его. Мак-Клор, младший в группе, потребовал, чтобы я принес доказательство, что Перельман мертв, и я согласился. Так я и был принят в воины Земли Родичей».

– Продолжай, я хочу услышать остальное. – Дори была зачарована рассказом.

– Однажды ночью они дали мне штурмовую винтовку и личный пистолет, затем отвели меня к моему автомобилю, который был надёжно спрятан неподалеку. Мы договорились, что они встретят меня на обратном пути, и я поехал.

– Тебе было страшно или, по крайней мере, ты волновался при мысли, что тебя могут поймать? – прервала его Дори.

– Не так сильно, как ты думаешь. Главным образом я был в ярости оттого, что происходит медленное убийство моего народа и то, как все эти скрелинги относятся к Белым мужчинам. Клянусь всем святым! Короче, я добрался до Грили примерно в час после полуночи. Я знал, что Перельман

жил в особняке рядом с университетским городком. Было темно и тихо, так что я стеклорезом вырезал круг в окне около замка. Потом наклеил на круг ленту, выбил его, просунул руку и отпер окно. После этого я забрался внутрь, и затем всё было просто. Эрик сделал паузу, чтобы отпить кофе.

– Так ты убил его, и что ты принес как доказательство?

– Я принес из багажника машины трубу от домкрата, потому что не хотел, чтобы был слышен звук выстрела, если можно обойтись без этого. Перельман был в кровати с женщиной, так что я просто замахнулся и одним взмахом пробил ему череп. Потом я схватил женщину и зажал ей рот, так чтобы она не могла закричать. Мне показалось, что это была Ширли, но я не был уверен в этом из-за темноты. Я показал ей пистолет и предупредил, чтобы она не кричала, а потом оторвал полоску пленки и заклеил ей рот. Я не хотел никого похищать, но когда включил свет и увидел, что это была Ширли, эта идея сразу пришла мне в голову. Так что я возвратился в Землю Родичей с Ширли в багажнике моей машины, бумажником Перельмана и его ушами в пластиковом пакете.

– Ушами! – лицо Дори выразило смешанные чувства.

– Ну, у меня с собой ничего не было, чтобы отрубить его голову, – оправдываясь, сказал Эрик.

– А что случилось с Ширли?

– Её взял в подруги Мак-Клюр. Теперь они живут в общине на границе со штатом Юта.

– Почему ты не оставил её себе?

– Я ждал действительно хорошую женщину по имени Дори, – пошутил он, думая, как умно ответил.

– Хорошо сказано, обольститель, – признала Дори, – А теперь – серьёзно.

– Даже если бы я хотел её, что к тому времени было не так, я ещё не был полноправным воином. Одно задание не дает мужчине право присоединиться к общине, взять подругу и обзавестись потомством. Родичи не делают «поспешных выводов», если повторить слова одной женщины, которую я знаю. Поэтому я не мог этого сделать, даже если бы и захотел.

– В школе нам говорили, что повстанцы Земли Родичей насилуют каждую женщину, которая попадает им в руки, а ведь эта Ширли была, по твоему выражению, «предательницей расы». На твоём месте я бы изнасиловала эту сучку. – Злость в голосе Дори выдала её злость на то, что в жизни Эрика существовала «бывшая любовь», которая обошлась с ним бесчестно.

– Я полагаю, что некоторые молодые повстанцы время от времени забавляются с женщинами – предательницами расы, – признал Эрик. – Несомненно, налетчики-викинги оставляли немного девственниц, когда двенадцать столетий назад совершали набеги на женские монастыри, переполненные монахинями. Развлечения с женщинами побежденного противника стары, как и само существование людей. Но закаленные воины Земли Родичей, которые видят картину в целом или просто по природе глубокие мыслители, вряд ли возьмут насильно женщину, захваченную в бою. Я не говорю, что это плохо. Вотанисты не верят в христианскую чушь вроде «плотского греха», поэтому то, что ты называешь насилуем, в действительности просто форма военных действий. Но насилие жестокает мужчин, которые это делают, и подвергает опасности их инстинкты защиты и заботы о женщинах вообще. Так что, следуя принципам наших ветеранов, я никогда бы так не поступил.

Кроме того, овладеть женщиной – не проблема. Природа сделала нас, мужчин, больше, быстрее и сильнее, чтобы мы могли поймать вас, женщин. Но ведь наша жизнь – это не спортивные соревнования. Подлинное испытание состоит в том, чтобы заставить вас захотеть выполнить предназначение женщины. По крайней мере, именно так я это понимаю.

– Ты знаешь, что мне в тебе нравится? – спросила она, положив свою руку на его.

– Что же?

– Я знаю, что ты говоришь правду. Ты мог бы изнасиловать меня, а не быть таким нежным. Ты имел на это право, ведь я была военнопленной.

– Это – не поспешное суждение? – пошутил Эрик.

Время пролетело, и уже было почти семь утра.

– Я должен идти на работу! – воскликнул Эрик, вскакивая на ноги.

Их расставание было абсолютно другим, чем в предыдущее утро, и они обменялись нежными поцелуями, полными невысказанного смысла.

Дори пришла в школу раньше Шейлы и немедленно развела огонь в печи. Когда Шейла пришла, она уже читала книгу по европейской истории, изданную более чем ста лет назад. Шейла весело поприветствовала Дори. Дори поздоровалась с ней, а затем заметила: – Подружка, похоже, историю действительно переписывали в прошлые сто лет, а?

– Ну конечно, и если ты думаешь, что современные книги по европейской истории плохи, подожди, пока не увидишь, что они сделали с историей Америки. Причина, почему ЗОГ переписывает историю, указана в 19-м и 39-м Предписаниях.

Дори достала свое издание «Предписаний». 19-е Предписание гласило: «Народ, не имеющий убеждённости в собственной неповторимости и ценности, обречён на вымирание». А 39-е Предписание утверждало: «Народ, не знающий своего прошлого, запятнает своё настоящее и разрушит будущее». Дори почувствовала прилив справедливого гнева потому, что ей лгали всю жизнь. Неудивительно, что повстанцы Земли Родичей были готовы бороться, убивать, и даже погибать за то, во что они верили.

– Мне нужно ещё так много узнать, прежде чем я осмелюсь начать преподавать, так что можно мне и сегодня только понаблюдать и поучиться? – спросила она Шейлу.

– Ну конечно, занимайся столько времени, сколько тебе нужно. У меня ещё есть несколько недель, так что я буду здесь вести занятия.

Перечитывая Предписания, Дори натолкнулась на 35-ое Предписание, которое подтолкнуло её к размышлениям о том, что она рассказывала Эрику. Это Предписание гласило: «Гомосексуальность – преступление против Природы. Природа утверждает сохранение своего вида через инстинкт к сексуальному единению, через воспроизведение. Сексуальное стремление мужчины должно быть направлено на обладание женщинами своей расы, так же как и территорией и властью, необходимыми для такого обладания».

Она решила расспросить Эрика об этом позже.

Для Дори, поглощенной занятиями и беседой с Шейлой во время перерыва, утро пролетело в один миг, и она возвратилась в пустую хижину, где приготовила обед и стала нетерпеливо ждать возвращения Эрика.

Когда он пришёл, они дружески приветствовали друг друга, чувствуя всё более крепнущую привязанность и симпатию.

– Мы идём сегодня по магазинам? – спросила она.

– Хорошая идея. Я должен взять кое-какие деревяшки из стен для перегородок, а ты сможешь походить вокруг и поискать нужные тебе вещи. Я спущусь к нашему укрытию для машин и получу грузовик сразу после обеда.

Они поговорили о вещах, которые ей были нужны для обустройства хижины. Потом Дори задала вопрос о предмете, о котором давно хотела спросить.

– Утром я изучала Предписания, и там есть одно, в котором говорится, что гомосексуализм – преступление против природы. Так что, это Предписание относится к мужчинам-гомосексуалистам? – спросила Дори.

– По-моему, да. Эти извращенцы разносят болезни, и они известны своей неразборчивостью. И самое главное, что, во времена опасности для народа наши мужчины должны бороться за женщин и территорию.

– Так что вы будете убивать извращенцев?

– Если бы извращенцы признались в своём отклонении и стали защищать свой «образ жизни», я уверен, что у нас, в Земле Родичей, их казнили бы.

Они закончили завтрак, так что беседа прекратилась сама собой. Эрик пошёл получать грузовик, а Дори прибрала кухню. Когда Эрик возвратился, он посоветовал ей взять пистолет, потому что никто никогда не покидал общину безоружным. Для себя он выбрал штурмовую винтовку. Они отправились в деревню.

По пути Дори сказала: – У меня ещё вопрос.

– Давай.

– Кто такие Сыны Муспелля, и как они достигли такого могущества, что смогли приговорить нашу расу к смерти?

– Ничего себе вопрос, и хороший и уместный! Давай сегодня вечером после ужина пройдемся немного по истинной истории власти денег и людей, которые называют себя «богоизбранными».

– Сыны Муспелля и «богоизбранные» – это одно и то же? – спросила Дори.

– Да, и их история и власть денег относятся к самым важным темам, которая ты должна изучить, чтобы стать хорошей учительницей.

Эрик остановился на улице, где ещё стояли рядом несколько неповрежденных домов. Взяв большой лом, он вошёл в первый дом, и Дори тоже отправилась на поиск.

Три часа спустя они возвратились домой на грузовике, загруженном строительными материалами и множеством мебели, бытовой утварью и художественными украшениями. Ещё через два часа всё это было перенесено в хижину, и к ужину они оба были голодны как волки.

После ужина Дори снова вспомнила о Сынах Муспелля, но тут Эрик насторожился и сказал: – Послушай. – В прохладном вечернем воздухе слышался тихий звук народных музыкальных инструментов.

– Давай поговорим об этом позже. Это играют наши музыканты, значит, сегодня вечером будут неурочные танцы. Давай приведём себя в порядок и пойдём туда. – Потом, поняв, что он не оставил Дори выбора, Эрик добавил: – Если ты хочешь.

Дори тут же ухватилась за эту идею и, естественно, спросила, что можно надеть.

– Большинство девочек, наверно, будут в длинных юбках для танцев вроде кадрили, – сообщил Эрик.

Час спустя молодожёны вошли в зал общины под звуки зажигательной музыки, исполняемой на гармошках, гитарах, аккордеоне и скрипке. Отовсюду всё ещё подходили другие члены общины, и большинство из них старались вновь поприветствовать Дори.

Среди подходящей толпы она заметила Требора. Хотя Требор был в одежде для вечернего торжества, от старшего из её похитителей ещё исходило ощущение опасности, которую, казалось, излучала вся его стройная плотная фигура, и все кругом посматривали на него с особым уважением.

Требора сопровождали две молодых женщины такой редкой красоты, что Дори с опаской посмотрела на соперниц, как того диктует ревнивая женская природа. Она ткнула Эрика под ребро и спросила: – Я думаю, это и есть те две новые подруги, которых, как ты сказал, захватил Требор?

– Да.

– Они хорошенькие, да? – Дори закинула удочку, чтобы Эрик уверил её, что она красивее, чем эта изящная парочка, приближающаяся к ним вместе с Требором.

Эрик мудро ответил: – Ты – лучше.

– Родич! – Приветствовал Эрика Требор и получил в ответ такое же приветствие, а потом они похлопали друг друга по плечам.

– Дори, – Он склонил голову в учтивом поклоне.

– Требор, – ответила она, как положено.

– Конфетка, Веточка, я хочу, чтобы вы познакомились с Дори. Дори, это Конфетка, а это Веточка. – В том, как три женщины жали руки и одновременно оценивали друг друга, было ещё больше строгой официальности. Три красивых женщины в одной маленькой группе образуют взрывоопасную смесь, подумали мужчины.

После демонстрации десятком детей и молодых людей танца под названием «клогданс» (танец в деревянных башмаках), похожего на чечётку, но под живую и энергичную музыку, по кругу пошла медовуха. Каждый, кто по очереди отпивал глоток медовухи, предлагал тост в честь героя или героини, Урд, Верданди или Скульд.

– Что означают эти слова? – спросила Дори шепотом.

– Это Норны, три богини судьбы – три сестры. Урд представляет прошлое, Верданди – настоящее, а Скульд – будущее.

– Что мне сказать, когда настанет моя очередь? Я же не знаю никаких героев или героинь.

– Боги и богини – наши предки. Ты можешь всегда сказать тост в честь любого бога или богини.

– Хорошо, а в чью честь? Как их зовут?

– Как насчет богини Фрейи? Просто подними свою чашку и скажи: «Фрейе, богине любви и красоты».

Хор возгласов «Хейлса!» приветствовал тост Дори, так как все участники с радостью разделяли её чувства. После тостов были кадрили и полька, с которыми Дори была плохо знакома, но они оказались близки её арийской душе.

Позже, когда Эрик с Дори, вернувшись домой, удобно устроились в кровати, они впервые не почувствовали напряжения или страсти, которые мешали спокойному отдыху. Приятная беседа и духовное единение казались им естественным удовольствием, но никому ещё не хотелось спать.

– А ведь ты собирался рассказать мне о Сынах Муспелля, – напомнила Дори.

– О, дружок, это – длинный и серьёзный рассказ, так что если ты устанешь или захочешь задать вопрос, просто скажи мне, ладно?

– Согласна.

– Прежде всего, ты можешь мысленно представить себе Европу, где две тысячи лет назад жила большая часть нашего народа?

– Да, в общем, могу, хотя не помню страны и их границы.

– Но ты помнишь Средиземное море с Европой выше его западного края и Палестину, также называемую Израилем, с восточного края?

– Да.

– Так вот, две тысячи лет назад у нашего народа были собственные местные религии, и наиболее распространённой из них была вера, которую мы теперь называем Вотанизм, где верховным богом был «Вотан». На Британских островах и в Скандинавии его называли Воудином или Одином.

– В это то же самое время на расстоянии в три тысячи километров в восточном конце Средиземноморья жило племя ростовщиков и торговцев, которые держали в руках всю торговлю между тремя континентами – Азией, Африкой и Европой. Например, продажу слоновой кости из Африки, специй из Азии и мехов или металлов из Европы. Греческий географ Страбон и другие, которые жили в то время, утверждали, что это племя ростовщиков и торговцев управляет всеми странами.

Теперь, когда я продолжу, Дори, пожалуйста, имей в виду две вещи. Прежде всего, в древние времена кроме торговцев, почти никто не путешествовал дальше своих родных деревень или племенных территорий. Так что Израиль для большинства наших предков, наверно, был также далёк, как луна. А, во-вторых, помни, что при поиске исторических истин, лучшие ответы находишь, задавая вопрос: «Кому выгодно?»

Как же новая религия чужаков из далёкого Израиля, называющих себя «богоизбранным народом», смогла заменить нашу родную веру? Чтобы ответить на этот вопрос, спроси себя, кто единственно мог извлечь выгоду из распространения этой религии среди наших народов, религии, в которой они сами себя провозглашают «богоизбранным народом»?

– Ведь ты говоришь о евреях? – прервала его Дори.

– Во всяком случае, я говорю о людях, которые так себя называют сами, хотя это тоже сложный вопрос.

– Ну и как это случилось? – Любопытство Дори было совершенно искренним.

– Сначала они наняли легионы Рима, чтобы завоевать Западный мир в том виде, что мы теперь называем Римской империей. Когда через несколько столетий стало трудно удерживать такую обширную империю силой, они придумали мировую религию, пытаясь объединить множество народов, стран и союзов империи. Слово «католик» и означает «вселенский». В новой религии они назвали себя «богоизбранным народом», и это они устроили так, что легионы убивали или пытали любого человека в Европе, кто не принимал эту нелепость. Так что войны длилась тысячу лет прежде, чем они, наконец, подчинили наш последний настоящий народ, называемый викингами.

В 787 году «века господня» по христианскому летоисчислению, человек, называвший себя «Карл Великий, император Священной Римской империи», созвал на договорной съезд четыре тысячи пятисот вождей наших народов из Центральной Европы, последователей нашей собственной веры. Потом он окружил вождей христианскими войсками и отрубил всем им головы. Вот так самоубийственная религия рабов, которую мы теперь называем христианством, была навязана Европе и нашим народам. А после этого во имя христианского Бога было убито или замучено больше людей Белой расы, чем под любым другим влиянием в истории за исключением Америки.

– А как Сыны Муспелля заполучили такую большую власть? – логично спросила Дори.

– С помощью власти денег и ростовщичества, которое придумано для получения процентов за данные в долг деньги, но это быстро не объяснишь. Ты уверена, что не хочешь подождать до завтра? Тебе наверно хочется спать?

– Да нет же, и мне нравится твой голос. Я не могу поверить, что можно так хорошо знать историю. Ну, расскажи мне о ростовщичестве.

– Хорошо, но сначала ты должна понять, кем были на самом деле Сыны Муспелля. На протяжении всей истории, короли, банкиры и торговцы заключали браки между своими детьми и детьми других торговцев, банкиров и правителей, чтобы закрепить отношения, усилить свою власть или заработать больше денег. Так что в Израиле, который, как я сказал, был торговым перекрёстком между Азией, Африкой и Европой, естественным образом возникла смешанная раса людей. Эту смешанную расу называли семитами, из которых Сыны Муспелля оказались самыми удачливыми. А как ростовщики они давно поняли власть денег и банковского дела.

Чтобы понять, что такое ростовщичество, ты сначала должна понять, что такое деньги. Деньги – это средство, используемое для измерения стоимости товаров и для обмена. Вероятно, с давних пор люди просто обменивались вещами, товарами. Но, в конечном счёте, им понадобился способ обмениваться вещами неравной стоимости. По разным причинам в качестве денег обычно выбиралось золото или серебро, чтобы можно было оплачивать ими разницу товаров или весь товар.

Но тогда возникла проблема с взвешиванием или измерением золота и серебра, так что из металла стали отливать монеты. Если бы все люди были честными, это работало бы прекрасно и бесконечно долго. Но скоро нечестные люди стали примешивать к золоту и серебру другие металлы, а разницу оставлять себе. Хуже того, банкиры придумали бумажные деньги, которые обменивались на золото или серебро. Они внушили простакам, что для их собственной пользы лучше использовать в торговле эти кусочки бумаги вместо золота или серебра, потому что их очень легко носить и прятать.

Конечно, пока массы людей верили, что в хранилищах банкиров имеется равное количество золота или серебра, не имело значения, так это или не так. Так что банкир мог изготовить гораздо больше кусочков бумаги и заявить, что они обеспечены золотом или серебром, чем у него в действительности имелось в хранилищах. А ведь он получал проценты с каждой бумажки.

Теперь давай посмотрим, как ростовщичество приносит банкирам богатство. Предположим, что ты идёшь и покупаешь дом за 100 тысяч долларов и финансируешь покупку. Ты подписываешь договор о получении кредита, по которому обязуешься платить кредитору, скажем, 900 долларов в месяц в течение 30 лет. Это – более 300 тысяч долларов, но ты-то взяла в долг всего 100 тысяч долларов. Так что кредитор получит ещё 200 тысяч долларов, то есть достаточно денег, чтобы купить два таких же дома, как твой.

Разница в том, что ты проведёшь большую часть своей взрослой жизни, надрываясь на работе, чтобы выплатить кредит и выкупить свой дом. А банкир не делает ничего. Он не пилит доски, не забивает гвозди, он не проводит сантехнику, а лишь сидит, жиреет и богатеет на труде других.

Это и есть власть ростовщичества, и с её помощью Сыны Муспелля получили власть над миром и приговорили Белую расу к смерти. Естественно, всё это умно маскировалось искусственными осложнениями. И Сыны Муспелля купили средства массовой информации, так что смогли управлять массами, держать в тайне свои действия и решать судьбы политиков. И, конечно, они всегда утверждали и утверждают, что их преследуют, хотя на деле именно они и есть паразитическая чума, поработившая весь мир.

– Вот это да, они – умные, правда?!

– Да, а также жестокие, опасные и лицемерные! Но, пожалуй, хватит об этом, давай спать.

По взаимному и молчаливому согласию они отказались от выражения страсти в пользу спокойного сна.

ДЕНЬ ПЯТЫЙ – ИЗ РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

На следующий день радиопередачи ЗОГ, которые тщательно прослушивались службами Земли Родичей, сообщили о начале самого эпохального события в истории арийской расы. Однако у повстанцев не было никакой возможности сразу осознать значение того, о чём сообщили средства массовой информации ЗОГ.

По куцым сведениям из радиопередач повстанцы узнали, что в России произошел политический переворот, который должен был повлиять на события во всём мире. В Земле Родичей было известно, что Белые русские националисты наращивали свои ряды и влияние в течение более чем двух десятилетий. Несмотря на это, Родичи даже не представляли себе, что арийский государственный переворот возможен или неизбежен. Хотя группы Белого сопротивления по всему миру постоянно поддерживали ограниченную связь, но по соображениям безопасности обмен информацией между ними происходил редко.

В старинных скандинавских и немецких религиозных писаниях говорилось о грядущем и последнем – судном дне вечной битвы, которую ведут силы разума против сил слепой веры, ведущих к хаосу. Этот судный день назывался Рагнарок.

И Рагнарок начался без ведома повстанцев из Мэтьюсвилла, так что они занимались своими обычными делами, хотя и жадно ловили любые новости. Все Родичи знали о пророчестве Киплинга, сделанном более ста лет назад, в котором известный писатель и поэт предсказал, что спасение Белой расы придёт из России.

В хижине Требора всё было перестроено, и он заключил брак с Конфеткой и Веточкой. Причём для всех сторон отношения сложились прекрасно. В соответствии с убеждениями Вотанистов о том, что семейные дела мужчины и его жены или жён являются их личным делом, подробности сюда не включены. Достаточно сказать, что при обычном ходе событий у арийцев близким отношениям сопутствует любовь. Так что и Веточка, и Конфетка были встревожены, когда начались события в мае того судьбоносного года.

Именно от осведомителей повстанцев на территории ЗОГ и из коротковолновых радиопередач стало известно о начале Рагнарока. Силы Белых националистов в России, в государствах Прибалтики и на Украине совместно спланировали и тщательно подготовили свержение своих правительств, управляемых евреями. Другим восточно-европейским правительствам был поставлен ультиматум о немедленном выводе с их территории сил НАТО (то есть американских оккупационных войск). В противном случае этим странам грозило вторжение и внутренняя подрывная деятельность.

Восстания, вспыхнувшие в мусульманских странах, были заранее подготовлены фундаменталистами и координировались агентами различных разведслужб. Важнейшим событием стала немедленная блокада поставок нефти с Ближнего Востока из портов отгрузки, если нефть предназначалась для Западного полушария.

Как обычно, именно Требор первым осознал значение происходящих событий, поскольку в общины, включая Мэтьюсвилл, поступало всё больше новых данных. И после совета с местными старейшинами, а также с посланцами со всей Земли Родичей, Требор призвал к созыву Тинга.

Требор начал свою речь в переполненном зале собраний.

– Сегодня впервые за тысячи лет мы получили величайшую возможность обезопасить существование нашего народа и добыть истинную свободу. Это – действительно Рагнарок». Описав события в других частях мира, Требор начал объяснять, что должно произойти в Северной Америке.

– Население Америки снизится с трёхсот пятидесяти миллионов до пяти-десяти миллионов человек, – заявил Требор. В ответ весь зал ахнул от изумления, и раздался глухой ропот недоверия.

– Давайте подумаем, – продолжил Требор. – С тех пор как были запрещены атомные электростанции, а армия Земли Родичей перекрыла ЗОГ все поставки угля с запада, почти девять десятых всей электрической энергии в Северной Америке вырабатывается на станциях, работающих на нефти. Большая часть остальной энергии поступает с северо-западных гидроэлектростанций. Без нефти вся энергосистема страны остановится.

А это значит, что не будет бензина и дизельного топлива для легковых автомобилей и грузовиков, и это топливо не поступит в бензоколонки. Системы связи, компьютеры, отопление, управление

движением, элеваторы и тысячи других машин и услуг, требующих электричества, выйдут из строя. Сюда же относится и система распределения продовольствия. Города начнут голодать через две недели. Но всё это не идёт ни в какое сравнение с остановкой водопровода, и особенно с прекращением подачи питьевой воды. Мало того, что остановятся заводы подготовки и очистки воды, но и насосы перестанут качать воду в города.

На мгновение дав народу обдумать сказанное, Требор продолжил: «Люди в течение многих недель могут жить без продовольствия, но без воды они умрут через несколько дней».

Какой-то молодой человек поднял руку и попросил слова. «А как насчёт воды, разлитой в бутылки?» – спросил он.

– Все городские запасы воды будут израсходованы за день, – ответил Требор.

– Разве люди не смогут вскипятить воду из озёр и рек, чтобы сделать её пригодной для питья? – спросил кто-то.

– А как вскипятить? Их газовые и электрические плиты будут бесполезны. Почти ни у кого нет запасов угля или заготовленных дров. Возможно, некоторые люди окажутся близко к реке или озеру и смогут порубить свою мебель на дрова, чтобы вскипятить воду на костре, но нынешний уровень загрязнения воды в большинстве рек и озёр Америки таков, что даже это будет бесполезно.

– А фермеры с колодцами и скважинами? – последовал ещё один вопрос.

– Вряд ли даже у одного из тысячи фермеров до сих пор есть работающая ветроэнергетическая установка или ручной насос. У немногих из них есть переносные электрогенераторы, но без запасов дизельного топлива или бензина они недолго проработают.

– И как, по-твоему, ответит ЗОГ? – последовал вопрос.

– ЗОГ, отчаянно пытаясь сохранить жизнеспособность, несомненно, ограничит потребление электричества, возможно, часом в день. Но после того как мы взорвём несколько высоковольтных линий электропередачи и выведем из строя гидроэлектростанции на северо-западе, энергосети перестанут работать по всей стране.

Насколько я понимаю, Землю Родичей мы можем защитить, – продолжил Требор. – У нас лучший источник чистой воды на континенте. Мы создали большие склады продовольствия, топлива и оружия. У огромных орд скрелингов на западном побережье не будет ни бензина, ни других средств для вторжения в Землю Родичей с этого направления. То же самое справедливо и для восточного направления за исключением населения Передового хребта, особенно, большого Денвера, Колорадо-Спрингс и Форт-Коллинз. Нам останется защитить границу длиной около двухсот километров.

Но вспомните, что почти все американцы были разоружены согласно законам, запретившим владение оружием, а мы вооружены до зубов. И здесь есть всего несколько водных преград, так что любая попытка вторжения произойдет в предсказуемых районах.

В то время как Требор держал свою речь, другие общины Земли Родичей также провели собственные Тинги и пришли к таким же выводам. Связисты всех общин начали напряжённый обмен зашифрованными сообщениями. И с одного конца Земли Родичей до другого сложилось единое мнение: пришло время вонзить кинжал в сердце ЗОГ. Так что никого не удивило, когда Уолф прервал обсуждение и объявил, что Требор на основании единодушного одобрения был избран верховным главнокомандующим повстанческой армии на время войны.

После того, как аплодисменты стихли, один мудрый ветеран подпольной борьбы Родичей задал ещё два вопроса: «Как нам быть с беженцами, и что делать с мормонами на западном фронте в штате Юта?»

Требор ответил с уверенностью прирождённого вождя, занявшего, наконец, своё законное место:

– В отношении беженцев мы, прежде всего, должны осознать, что не имеем запасов, чтобы прокормить большое их количество. Поэтому мы можем принять только молодых и здоровых, которые могут принести нам пользу. Конечно, у нас есть сторонники и сподвижники на территории ЗОГ, и мы должны приложить все усилия, чтобы доставить их сюда как можно скорее. А среди других беженцев могут быть приняты в общины Земли Родичей дети, которые окажутся подходящими в расовом отношении, и молодые здоровые женщины. Здоровых молодых Белых мужчин, которые пройдут наши обычные испытания, можно принять в лагеря для военной подготовки и идеологической обработки.

– Скрелинги, муспелльеймеры, известные предатели и другие нежелательные лица должны расстреливаться на месте. Что касается всех тех немолодых Белых, которые прожили жизнь,

принимая или поддерживая ЗОГ, то если они смогут самостоятельно выжить в горах, пусть попробуют это сделать. Думаю, что немногим это удастся, но не стоит тратить на них пули. Они не заслуживают ни помощи, ни жалости.

Что касается мормонов, придётся немного вспомнить историю. Как Вы знаете, первоначально мормонская религия была расистской. Они принимали только Белых, и практиковали многожёнство. Американское правительство, уничтожающее нашу расу, сначала вынудило мормонов отказаться от многобрачия, и вскоре они освободили женщин. И, наконец, правительство заставило мормонов согласиться на расовую интеграцию. Эта последовательность была неслучайной, потому что «оскопленных» мужчин легко подчинить. Но народ, мужчины которого являются сексуальными хищниками, будет насмерть сражаться за свои гаремы.

Как бы то ни было, несколько десятилетий назад муспелльхеймер Курц, возглавлявший министерство финансов США, заявил мормонам, что если они не согласятся на расовую интеграцию, правительство обложит их таким множеством налогов, что мормонская церковь потеряет всю свою собственность. Тогда президент церкви Кимболл, выродившаяся трусливая свинья, быстренько заполучил «видение», в котором Бог приказал ему открыть церковь для скрелингов. Будь навеки проклято имя Кимболла!

Но около трёхсот тысяч мормонов считали, что в их церковь проникла ересь, и они создали собственную группу, которую назвали «Обеспокоенные мормоны». Мы поддерживаем с ними связь, и они будут сотрудничать с нами во время Рагнарока. А предатели расы, занимающие мормонский Храм в Солт-Лейк-Сити, заплатят обычную цену за свою измену!

– Как скоро мы атакуем энергетическую сеть ЗОГ? – спросил кто-то.

– Очень скоро, – ответил Требор. – Слышно, что цена бензина уже взлетела до пятидесяти долларов за галлон, но даже такой бензин трудно купить. Многие города станут неуправляемыми в течение нескольких дней. Тогда мы сможем передвигаться в расположении врага безнаказанно. Наверняка власти введут военное положение, но со всеми этими этническими и расовыми группами, на которые разбита полиция и вооружённые силы ЗОГ, оно будет курам на смех. Они не смогут патрулировать отдельные проселочные дороги, когда города будут гореть и вымирать.

Дальнейшее обсуждение особенностей тактики и взаимодействия растянулось почти до двух часов ночи. Советование прервали, и Уолф ушёл, чтобы передать зашифрованные сообщения с приказами Требора всем базам Земли Родичей.

Дома Требора встретил заботливый уход и ласки, которые расточали ему его новые жёны. Хотя Конфетка и Веточка стали достаточно проницательными, чтобы понять, что они не сделали ничего, чтобы заслужить своё новое положение, тем не менее, им понравилась идея на деле стать «первыми леди» новой страны.

Однако Требор долго не мог уснуть, поскольку все его мысли были заняты бесконечными трудностями, которые возникнут в ближайшем будущем. Главная задача, которую надо было выполнить любой ценой, заключалась в уничтожении энергосети ЗОГ. В ходе этой операции запасы бензина, давно копившиеся Родичами, будут серьёзно истощены. Технология переработки угля в топливо для двигателей внутреннего сгорания имелась, и такой завод уже работал на границе штатов Колорадо и Юта. Крайне необходимо, чтобы этот завод нарастил производство и ускорил поставки топлива.

Требор подумал, что утром надо не забыть поговорить с Уолфом о налаживании связи на коротких волнах с Русскими и другими восточно-европейскими группами. Иммиграция в Америку из перенаселённой Европы также была жизненно важна.

Когда Требор, наконец, стал засыпать, его переполняла великая надежда и удовлетворённость. Усилия и жертвы его самого, товарищей и других людей на протяжении бесчисленных поколений их Белых предков оказались не напрасны.

Прекрасный народ Требора – самое лучшее творение природы – теперь ждала славная судьба.

Конец и Начало.

СЛОВАРЬ РОДИЧЕЙ

Америква (Amerikwa, Amerikwans) – цветная Америка, происходит от названия языческого праздника чёрных американцев «Кванза» и примитивной «культуры» негров

Бальдр (Balder) – Бог лета и солнечного света. Ему было посвящено воскресенье.

Бифрост (Bifrost) радужный мост, по которому герои, павшие в боях, попадают в рай – Валгаллу

Валгалла, Вальхалла, Валхалла (Valhalla) - зал героев в раю на небе, в котором воины, павшие в битвах, вечно пируют с богом Вотаном (Одином).

Вали (Vali) – месть за убитых товарищей. Название происходит от имени бога мести Вали.

Вотанизм (одинизм) – родная языческая религия арийских народов Европы, в основном германцев и скандинавов. Вотанизмом также называется расовое учение, созданное Д. Лэйном, как название оно зиждется не только на совпадении с названием древней арийской веры, но и на толковании слова «WOTAN» как сокращения от Will Of The Aryan Nation – «Воля Арийской расы».

Земля Родичей – вымышленная страна Белых людей в Скалистых горах, на территории бывших США, управляемых ЗОГом (см.). Белые восстали против правления ЗОГа и ведут с ним войну.

Змееголовые (Snake-heads) – азиаты

ЗОГ (сионистский оккупационный режим, сокр. от Zionist Occupied Government) – многорасовое правительство бывших США, превратившихся в империю, где доля Белых упала ниже 20 процентов.. ЗОГ возглавляется евреями и является анти-белой диктатурой, искореняющей последних Белых. Состав населения: восемьдесят процентов негров, мексиканцев, азиатов и полукровок.

Латиносы (Latinos) – латиноамериканцы, в основном, мексиканцы-мекскременты (mexcrements), смешанная раса, возникшая в Латинской Америке.

Мидгард (Midgard) – земля смертных людей.

Муспелль, Муспелльхейм (Muspell, Muspellheim) – синоним ада или жаркая страна пребывания расово-религиозного племени, приговорившего Белую расу к смерти.

Негры (Niggers, Obongo, Banana и ещё сотни названий) – чёрные американцы, относящиеся к чёрной расе и ее оттенкам.

Норны (Norns) - богини судьбы, три сестры: Урд, Верданди и Скульд. Урд представляет прошлое, Верданди – настоящее, а Скульд – будущее.

Один, Отан или Вотан (Odin, Otan, Wotan) – верховный бог язычников-германцев и скандинавов. Днём Одина была среда. У славян ему соответствует Велес – бог-отец, рассудитель истины, мудрости, справедливости и богатства.

Рагнарок (Ragnarok) – Судный день, последний день сражения между силами разума с одной стороны и силами слепой веры, ведущими к хаосу, с другой.

Родичи (Kinsmen, kinswomen) – (кровные, племенные, расовые) родственники

Скрелинги (Skraelings) – все небелые (ниггеры, чурки, хачи, гуки, чурбаны, урюки, тюрбаны и т.п.)

Соломенная смерть – смерть мужчины в кровати, а не в сражении.

Сыны Муспелля, муспелльхеймеры (Sons of Muspell, Muspellheimers) – Муспелль – синоним ада или жаркая страна пребывания расово-религиозного племени, управляющего миром и осудившим Белую расу на смерть.

Тинг (Ting) – круг, общее собрание свободных людей. Созывался в общине по серьёзным причинам.

Тор (Thor) – один из сыновей Одина, бог грозы и грома. Его день – четверг. А вторник был днём **Тюра (Tyr)**, бога войн и побед – товарища Тора.

Фрейя (Freya, Freyja) – богиня любви, красоты и плодородия.

Фригг (Frigga) – старшая из богинь, жена Одина.